

ISSN 2619-1636

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ЭТНОЛОГИЯ

Historical
Ethnology
2025

Том 10. № 3

Vol. 10. No. 3

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭТНОЛОГИЯ. 2025. Том 10. № 3

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

«Историческая этнология» – рецензируемый научный журнал, в котором освещаются новые методы и результаты исследований, стимулирующие дальнейшее становление в России и в сопредельных странах исторической этнологии как самостоятельного научного направления, тесно связанного со смежными историческими, этнографическими, культурологическими, антропологическими, социологическими дисциплинами.

Миссия журнала – содействие формированию новых стандартов историко-этнологических исследований на евразийском пространстве и укрепление международного сотрудничества в области исторической этнологии как объединительного механизма различных историко-социальных направлений гуманитарной науки.

В журнале публикуются работы по следующим темам: теория этнического, этническая реальность: синхронный и диахронный анализ, идентичность в теории и прикладных исследованиях, микроистория и культура повседневности, национальное образование.

Журнал принимает к публикации: оригинальные статьи, обзоры, переводы зарубежных материалов, мнения экспертов, дискуссионные, методические и информационные статьи, эссе, комментарии.

Год основания: 2016 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Государственное научное бюджетное учреждение «Академия наук Республики Татарстан»
(420111, ул. Баумана, 20, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация)

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС 77-86148 от 19 октября 2023 г.

Выходит 4 раз в год

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420111, ул. Батурина, 7, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация
Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан
Тел./факс +7(843)292-84-82 (приемная)

© Академия наук Республики Татарстан, 2025

© «Историческая этнология», 2025

<https://historicaethnology.org>

E-mail: his.ethnology@gmail.com

HISTORICAL ETHNOLOGY. 2025. Vol. 10. No. 3

ONLINE SCIENTIFIC JOURNAL

“Historical Ethnology” is a peer-reviewed scientific journal which highlights new methods and research results that stimulate the further development of historical ethnology in Russia and neighboring countries as an independent scientific field, closely related to allied historical, ethnographic, cultural, anthropological, and sociological disciplines.

The mission of the journal is to promote the formation of new standards of historical and ethnological research in the Eurasian space and to strengthen international cooperation in the field of historical ethnology as a unifying mechanism for various historical and social areas of the humanities.

The journal publishes works on the following topics: ethnic theory, ethnic reality: synchronous and diachronic analysis, identity in theory and applied research, microhistory and the culture of everyday life, national education.

The journal accepts for publication: original articles, reviews, translations of foreign materials, opinions of experts; discussion article, methodological and informational articles, essays, commentaries.

Year of establishment: 2016

FOUNDER AND PUBLISHER:

State Institution “Tatarstan Academy of Sciences”
(420111, Bauman St., 20, Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation)

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)

ЭЛ № ФС 77-86148 on October 19, 2023

Published 4 times a year

ADDRESS OF THE EDITORIAL OFFICE:

420111, Baturin St., 7, Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Tel./Fax +7(843)292-84-82 (reception)

© Tatarstan Academy of Sciences, 2025

© “Historical Ethnology”, 2025

<https://historicaethnology.org>

E-mail: his.ethnology@gmail.com

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор: Габдрахманова Гульнара Фаатовна, доктор социологических наук, доцент, заведующий отделом этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Редактор английских текстов: Шарифуллина Дильяра Рашитовна (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация)

Ответственный секретарь: Сагдиева Эльвина Азадовна (Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Казань, Российская Федерация)

EDITORIAL OFFICE

Editor-in-Chief: Gulnara F. Gabdrakhmanova, Doctor Sc. (Sociology), Associate Professor, Head of the Department of Ethnological Research, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

English Editor: Dilyara R. Sharifullina (Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation)

Managing Secretary: Elvina A. Sagdieva (Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ажигали Серик Ескендирулы – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии архитектуры стран Востока, почетный академик Национальной Академии наук Республики Казахстан, главный научный сотрудник отдела этнологии и антропологии Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (Алматы, Республика Казахстан)

Бари Донна – Ph.D. (политология), профессор политических наук, директор программы Патерно Феллоус, Университет штата Пенсильвании (Юниверсити-Парк, США)

Габдрафикова Лилия Рамилевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Гарипова Розалия Равилевна – Ph.D., доцент кафедры истории, философии и религиоведения Школы естественных, социальных и гуманитарных наук, Назарбаев Университет (Астана, Республика Казахстан)

Гибатдинов Марат Мингалиевич – кандидат педагогических наук, заместитель директора по научной работе, руководитель Центра истории и теории национального образования, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Головнев Андрей Владимирович – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Забирова Айгуль Тлеубаевна – доктор социологических наук, доцент кафедры социологии колледжа гуманитарных и социальных наук, Университет Зайед (Аль-Айне, ОАЭ)

Загребин Алексей Егорович – доктор исторических наук, профессор Российской академии наук, и.о. директора Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук; профессор кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии Удмуртского государственного университета, научный руководитель научно-образовательного центра «Современные этнополитические исследования» (Москва, Ижевск, Российская Федерация)

Иноуэ Ацуси – заведующий кафедрой Корнелиуса Вандербильта и профессор экономики факультета экономики, Университет Вандербильта (Нашвилл, Теннесси, США)

Канлыдере Ахмет – доктор наук, профессор кафедры истории, кафедры всеобщей истории Турции, Факультет гуманитарных и социальных наук, Университет Мармара (Стамбул, Турция)

Квилинкова Елизавета Николаевна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы, Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси (Минск, Республика Беларусь)

Курбанова Земфира Ибрагимовна – доктор исторических наук, заведующий отделом этнографии Каракалпакского научно-исследовательского института гуманитарных наук Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан (Нукус, Республика Узбекистан)

Лентон Адам – Ph.D., факультет политических исследований, Университет Джорджа Вашингтона (Вашингтон, США)

Минниханов Рифкат Нургалиевич – доктор технических наук, президент Академии наук Республики Татарстан, академик Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Петров Юрий Александрович – доктор исторических наук, директор Института российской истории Российской академии наук (Москва, Российская Федерация)

Полунов Александр Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой управления в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений факультета государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)

Расулов Абдулла Нуритдинович – доктор исторических наук, профессор Наманганского государственного университета (Наманган, Республика Узбекистан)

Резван Ефим Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, руководитель лаборатории «Международный центр исламских исследований» Музея антропологии и этнографии Петра Великого (Кунсткамеры) Российской академии наук, директор Санкт-Петербургского музея исламоведения (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Салихов Радик Римович – доктор исторических наук, директор Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан, академик Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Сейдаметов Эльдар Халилович – кандидат исторических наук, заведующий Крымским научным центром (КНЦ), Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан; доцент кафедры истории, Крымский инженерно-педагогический университет (Симферополь, Российская Федерация)

Султангалиева Гульмира Салимжановна – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «Всемирная история, историография и источниковедение», Казахский национальный университет имени аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Хакимов Рафаэль Сибгатович – доктор исторических наук, научный руководитель Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, академик Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Хотопп-Рике Миесте – доктор тюркологии, директор Института Кавказских, Татарских и Туркестанских исследований (ICATAT) (Магдебург, Германия)

Чичек Хусейн – Dr. habil., старший научный сотрудник кафедры религиоведения Венского университета; научный сотрудник Эрлангенского центра ислама и права в Европе, Университета Эрланген – Нюрнберг; Центр перспективных исследований безопасности, стратегических и интеграционных исследований Боннского университета (Эрланген, Германия)

Ягафова Екатерина Андреевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии, истории и теории мировой культуры, Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара, Российская Федерация)

EDITORIAL BOARD

Serik E. Azhigali – Doctor of Science (History), Professor, Corresponding Member of the International Academy of Architecture of Oriental Countries, Honorary Academician of the Republic of Kazakhstan National Academy of Sciences, Chief Researcher of the Department of Ethnology and Anthropology, Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology of the Science Committee of the Ministry of the Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Donna Bahry – Ph.D. in Political Science, Professor in Political Science, Director of the Paterno Fellows Program, Pennsylvania State University (University Park, USA)

Liliya R. Gabdrifikova – Doctor of Science (History), Chief Research Fellow at the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Rozaliya R. Garipova – Ph.D., Assistant Professor of the Department of History, Philosophy and Religious Studies of the School of Sciences and Humanities, Nazarbayev University (Astana, Republic of Kazakhstan)

Marat M. Gibatdinov – Candidate of Science (Pedagogy), Deputy Director for Research, Chief of the Center for History and Theory of National Education, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Andrey V. Golovnev – Doctor of Science (History), Professor, Corresponding Member at the Russian Academy of Sciences, Director of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)

Aygul T. Zabirova – Doctor of Science (Sociology), Associate Professor at the Department of Sociology, College of Humanities and Social Sciences, Zayed University (Al-Ain, United Arab Emirates)

Aleksei E. Zagrebin – Doctor of Science (History), Professor at the Russian Academy of Sciences, Acting Director of the Institution of the Russian Academy of Sciences N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology; Professor at the Department of the History of Udmurtia, Archeology and Ethnology, Udmurt State University, Academic supervisor of the Research and Education Center “Modern Ethnopolitical Research” (Moscow, Izhevsk, Russian Federation)

Atsushi Inoue – Cornelius Vanderbilt Chair and Professor of Economics, Department of Economics, Vanderbilt University (Nashville, Tennessee, United States)

Ahmet Kanlidere – Dr., Professor, Department of History, Department of General Turkish History, Faculty of Humanities and Social Sciences, Marmara University (Istanbul, Turkey)

Elizaveta N. Kvilinkova – Doctor of Science (History), Associate Professor, Leading Research Fellow, K. Krapiva Institute of Art History, Ethnography and Folklore, Center for Research on Belarusian Culture, Language and Literature of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk, Republic of Belarus)

Zemfira I. Kurbanova – Doctor of Science (History), Head of the Department of Ethnography, Karakalpak Research Institute for the Humanities, Karakalpak Branch of the Uzbekistan Academy of Sciences (Nukus, Republic of Uzbekistan)

Adam Lenton – Ph.D., Department of Political Science, The George Washington University (Washington, USA)

Rifkat N. Minnikhanov – Doctor of Science (Technical Sciences), President of the Tatarstan Academy of Sciences, Academy Fellow of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Yuriy A. Petrov – Doctor of Science (History), Director of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Alexander Yu. Polunov – Doctor of Science (History), Professor, Head of the Inter-ethnic and Interfaith Relations Management Department of the Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)

Abdulla N. Rasulov – Doctor of Science (History), Professor of the Namangan State University (Namangan, Republic of Uzbekistan)

Efim A. Rezvan – Doctor of Science (History), Professor, Head of the International Center for Islamic Studies, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, Director of St. Petersburg Museum of Islamic Studies (St. Petersburg, Russian Federation)

Radik R. Salikhov – Doctor of Science (History), Director, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Academy Fellow at the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Eldar Kh. Seydametov – Candidate of Science (History), Chief of the Crimea Research Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences; Associate Professor of the Department of History, Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol, Russian Federation)

Gulmira S. Sultangalieva – Doctor of Science (History), Professor, Chief of the Department “World History, Historiography and Source Studies”, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Rafael S. Khakimov – Doctor of Science (History), Academic Director, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Academy Fellow of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Mieste Hotopp-Riecke – Doctor of Turkology, Director of the Institute for Caucasian, Tatar and Turkestan Studies (ICATAT) (Magdeburg, Germany)

Hüseyin Çiçek – Dr. habil., Senior Research Fellow at the Department of Religious Studies, University of Vienna; Erlangen Centre for Islam and Law in Europe, Researcher, University of Erlangen – Nuremberg; Center for Advanced Security, Strategic and Integration Studies, University of Bonn (Erlangen, Germany)

Yekaterina A. Yagafova – Doctor of Science (History), Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of World Culture, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

**Народное паломничество в воззрениях активистов
Императорского Православного Палестинского общества
(конец XIX – начало XX в.)**

Полунов А.Ю. 337

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

**Национальная политика в СССР в годы
Великой Отечественной войны: из региональной истории**

Сулейманова Р.Н. 352

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

**Этноконфессиональные традиции татар Саратовского края
в условиях советской социокультурной и экономической системы**

Хабибуллин А.А. 367

ЖЕНЩИНА И СЕМЬЯ В ИСТОРИКО-ЭТНОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

**Образ женщины в периодической печати Казанской губернии
на рубеже XIX–XX вв.**

Габдрафикова Л.Р., Миронова Е.В. 385

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

**Семья и семейная память как факторы сохранения традиционных
религиозных ценностей в советский период (по данным качественных
социологических исследований в Республике Мордовия)**

Богатова О.А. 409

КРАТКОЕ СООБЩЕНИЕ

**Роль женщин-татарок в формировании советской системы
просвещения в Туркестане**

Насретдинова Д.М. 425

ЭТНОГРАФИЯ ТЮРКСКОГО МИРА

КРАТКОЕ СООБЩЕНИЕ

**Татарская этнографическая коллекция в собрании
Национального музея Республики Татарстан**

Измайлова С.Ю. 432

КРАТКОЕ СООБЩЕНИЕ

**Межпоколенная трансмиссия традиционных семейных ценностей
у тюркоязычных народов Дагестана**

Гимбатова М.Б. 442

СОВРЕМЕННЫЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ И ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

**Татары и государственная национальная политика
в Башкортостане в XX – начале XXI вв.: переписной аспект**

Сагитова Л.В., Гарифуллин И.З. 453

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

**Татарский язык в межличностной коммуникации
и в общественных пространствах городов Татарстана**

Габдрахманова Г.Ф., Макарова Г.И. 472

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

АННОТАЦИЯ ВСТРЕЧИ

**Изобретая прошлое: дискуссия
на Круглом столе «Всецарица “Суембика”»**

*Габдрафикова Л.Р., Габдрахманова Г.Ф., Гараев Д.М.,
Гибатдинов М.М., Дусаева Э.М., Измайлов Б.И., Измайлов И.Л.,
Сагитова Л.В., Хайрутдинов А.Г., Ханипова И.И.* 491

CONTENTS

NATIONAL CULTURE IN SOCIO-POLITICAL CONDITIONS

ORIGINAL PAPER

- People's pilgrimage in the views of activists of the Imperial Orthodox Palestine Society (late 19th – early 20th century)**
Polunov A.Yu. 337

ORIGINAL PAPER

- National policy in the USSR during the Great Patriotic War:
from regional history**
Suleymanova R.N. 352

ORIGINAL PAPER

- Ethno-confessional traditions of the Tatars of the Saratov region
in the context of the Soviet socio-cultural and economic system**
Khabibullin A.A. 367

WOMAN AND FAMILY IN THE HISTORICAL AND ETHNOLOGICAL ASPECT

ORIGINAL PAPER

- The image of women in the periodical press of the Kazan province
at the turn of the 19th–20th centuries**
Gabdrafikova L.R., Mironova E.V. 385

ORIGINAL PAPER

- Family and family memory as factors in the preservation
of traditional religious values in the Soviet period (according to
qualitative sociological research in the Republic of Mordovia)**
Bogatova O.A. 409

BRIEF MESSAGE

- The role of Tatar women in the formation
of the Soviet educational system in Turkestan**
Nasretdinova D.M. 425

ETHNOGRAPHY OF THE TURKIC WORLD

BRIEF MESSAGE

Tatar ethnographic collection in the accumulation of the National Museum of the Republic of Tatarstan

Izmailova S.Yu. 432

BRIEF MESSAGE

Intergenerational transmission of traditional family values among the Turkic-speaking peoples of Dagestan

Gimbatova M.B. 442

MODERN NATIONAL AND LANGUAGE PROCESSES

ORIGINAL PAPER

Tatars and state national policy in Bashkortostan in the 20th – early 21st centuries: the population census aspect

Sagitova L.V., Garifullin I.Z. 453

ORIGINAL PAPER

The Tatar language in interpersonal communication and public spaces of Tatarstan cities

Gabdrakhmanova G.F., Makarova G.I. 472

CHRONICLE OF SCIENTIFIC LIFE

ABSTRACT OF A MEETING

Inventing the past: Discussion at the Round table “The Queen of All "Suembika"”

Gabdratikova L.R., Gabdrakhmanova G.F., Garaev D.M., Gibatdinov M.M., Dusaeva E.M., Izmailov B.I., Izmailov I.L., Sagitova L.V., Khairutdinov A.G., Khanipova I.I. 491

**НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА
В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ**

**NATIONAL CULTURE
IN SOCIO-POLITICAL CONDITIONS**

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2025-10-3.337-351>

EDN: AGASMV

**Народное паломничество в воззрениях активистов
Императорского Православного Палестинского общества
(конец XIX – начало XX в.)**

А.Ю. Полунов

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Российская Федерация
polunov@spra.msu.ru*

Резюме. К концу XIX в. в российских консервативных кругах усилилось стремление придать самодержавию подлинно народный характер. Чистота веры, наивность, простота русского крестьянина провозглашались основой существующего общественно-политического строя. Укреплению указанных особенностей народного сознания должны были способствовать создававшиеся консервативно настроенными деятелями общественные организации, среди которых особую роль играло учрежденное в 1882 г. Императорское Православное Палестинское общество (ИППО). Одним из основных направлений деятельности ИППО стало содействие посещению массами простолюдинов Святой Земли. Во время паломничества, по мнению руководителей Палестинского общества, выявлялись лучшие духовные свойства русского народа – религиозность, смирение, склонность к самопожертвованию. Само участие в организации паломничества, как полагали консерваторы, позволяло представителям образованного общества сблизиться с народом, прикоснуться к моральным ценностям, хранимым в его среде. Деятельность ИППО способствовала укреплению религиозных связей России со Святой Землей и стала важной страницей общественной и духовной жизни в конце XIX – начале XX в.

Ключевые слова: Императорское Православное Палестинское общество, народ, Палестина, паломничество, В.Н. Хитрово, Православие.

Для цитирования: Полунов А.Ю. Народное паломничество в воззрениях активистов Императорского Православного Палестинского общества (конец XIX – начало XX в.). *Историческая этнология*. 2025. Т. 10. № 3. С. 337–351. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-3.337-351>
EDN: AGASMV

**People's pilgrimage in the views of activists
of the Imperial Orthodox Palestine Society
(late 19th – early 20th century)**

A.Yu. Polunov

Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russian Federation

polunov@spa.msu.ru

Abstract. By the end of the 19th century, the Russian conservative circles made efforts for the autocracy to acquire a truly popular nature. The purity of faith, naivety, and simplicity of the Russian peasant were proclaimed the basis of the existing socio-political system. The strengthening of these characteristics of the national consciousness was to be facilitated by public organizations created by conservatively minded figures, including the Imperial Orthodox Palestine Society (IOPS), founded in 1882. One of the IOPS main lines of work was to facilitate visits by large groups of common people to the Holy Land. According to the leaders of the Palestine Society, the best spiritual qualities of the Russian people were revealed during the pilgrimage – religiosity, humility, and a tendency to self-sacrifice. The very participation in the organization of the pilgrimage, as conservatives believed, allowed the members of educated society to get closer to the people, to touch the moral values that were preserved in their environment. The activities of the IOPS contributed to the consolidation of the religious ties between Russia and the Holy Land, and became an important page in the social and spiritual life of the late 19th – early 20th centuries.

Keywords: Imperial Orthodox Palestine Society, people, Palestine, pilgrimage, V.N. Khitrovo, Orthodoxy.

For citation: Polunov A.Yu. (2025) People's pilgrimage in the views of activists of the Imperial Orthodox Palestine Society (late 19th – early 20th century). *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 10. No. 3: 337–351. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-3.337-351> (In Russ.)

Примечательной чертой общественных настроений 1880–90-х гг. в России было широко распространенное в консервативных кругах стремление придать самодержавию «народный» характер, очистить его от бюрократических наслоений, предположительно восходивших к масштабным заимствованиям западных административных форм, начатых Петром I (Полунов, 2019а; Полунов, 2019б). Одним из способов реализации подобных установок было создание общественных организаций, нацеленных на решение задач религиозного характера, развитие национально-самобытных начал в общественной жизни. К числу влиятельных структур такого рода принадлежало учрежденное в 1882 г. Императорское Православное Палестинское общество (ИППО), призванное укрепить духовно-идеологическое влияние России в регионе, важном для всего христианского мира. Обосновывая необходимость создания Общества, его деятели подчеркивали самостоятельность данной структуры, ее независимость от официальной бюрократии. Причиной учреждения новой организации, утверждал ее активист М.П. Соловьев, была «несостоятельность наших наличных учрежде-

ний в Святой Земле и их дореформенных канцелярских приемов», которая «выяснилась до очевидности» к началу 1880-х гг. (Соловьев, 2012: 62). На палестинском направлении «и правительственная власть не могла положиться на одни свои силы и потому потребовала от общества содействия делу, глубоко затрагивающему наше народное чувство» (Соловьев, 1894: 20).

Реализуя свои начинания в Святой Земле, ИППО, по мнению его руководителей, не только воплощало в жизнь установки консервативно и религиозно настроенной части русского образованного общества, но и выступало от лица самых широких народных масс. За деятельностью России в Палестине «стоит могучая стихийная сила стомиллионного русского народа и воля его Державного Вождя», к борьбе с иноверной пропагандой «привлекается весь стомиллионный Православный Русский народ» – подобными заявлениями полнились выступления активистов ИППО, публикации для массового читателя, издаваемые Палестинским обществом (Елисеев, 1885: 363; Левочский, 1896: 19). Наиболее ярким проявлением тяготения народных масс к Святой Земле, по всеобщему признанию, было многотысячное паломничество в Иерусалим, составляющее одну из наиболее давних исторических традиций России. Данное явление играло огромную роль в деятельности ИППО, было предметом постоянных размышлений его руководителей, важнейшим компонентом их представлений о миссии России в Святой Земле.

Несмотря на всю важность истории русского паломничества в Палестину, эта тема до сих пор не стала предметом специального исследования. Важные материалы по данному вопросу содержатся в сочинениях активистов ИППО, его секретарей В.Н. Хитрово и А.А. Дмитриевского (Дмитриевский, 2008; Хитрово, 2011а; Хитрово, 2011б; Хитрово, 2011в). Отдельные аспекты истории паломничества затрагивали в 1960-е гг. в своих трудах западные исследователи Ф. Дж. Ставру и Д. Хопвуд, а с начала 1990-х гг. – отечественные ученые (Б.Ф. Ямилинец, Н.Н. Лисовой и др.) (Stavrou, 1963; Hopwood, 1969; Ямилинец, 2003; Лисовой, 2006). Интересные выводы об особенностях русского движения в Святую Землю сделаны российско-французской исследовательницей Е. Астафьевой (Astafieva, 2017; Astafieva, 2020). В статье Н.Н. Суховой рассматривается история паломнических поездок преподавателей и студентов духовных академий, в работах Т.В. Чумаковой и М. Моравчиковой, К.Е. Балдина – особенности освещения паломничества в периодических изданиях (Сухова, 2012; Чумакова, Моравчикова, 2016; Балдин, 2013). Ценные сведения представлены в тематических выпусках американского «Ежегодника современных греческих исследований», посвященных истории поклонения святыням в России (Yearbook, 2012/2013; Yearbook, 2014/2015)¹. Однако в целом история движения верующих из России в Иерусалим еще ждет своего исследователя. Настоящая статья посвящена одному из аспектов данной темы – особенностям осмысления

¹. В тематических выпусках опубликованы статьи К. Чулоса, Н. Хриси́диса, К. Воробец, Ю. Клэя, Ч. Арндта. Одна из представленных в сборниках работ переведена на русский язык (Хриси́дис, 2016: 378–407).

феномена паломничества активистами ИППО, их представлениям о данном явлении, месту этого явления в идеологических построениях указанных деятелей.

Начало движения русских пилигримов в Святую Землю восходит к первым векам христианства на Руси, однако вплоть до середины XIX в. паломничество имело ограниченные масштабы (до нескольких сотен человек в год). Ситуация изменилась после Крымской войны и отмены крепостного права. Уже в 1858 г. Святую Землю посетило 800 чел., к 1869 г. число верующих из России достигло 2035. Духовную поддержку богомольцам оказывала созданная еще в 1847 г. Русская Духовная Миссия (РДМ). Сооружением приютов для паломников в Иерусалиме занялся основанный в 1858 г. Палестинский комитет (позднее Палестинская комиссия) – межведомственный орган, первоначально возглавлявшийся братом Александра II великим князем Константином Николаевичем. К 1864 г. в Иерусалиме было выстроено здание для Миссии, два подворья для паломников, помещение больницы и величественный Троицкий собор (Лисовой, 2006: 112–119). Принятый после Крымской войны комплекс мер позволил упорядочить процесс паломничества, улучшил положение богомольцев. Вместе с тем, как ни парадоксально, ни светские, ни церковные власти не стремились в это время поощрять приток верующих в Святую Землю (их количество вплоть до 1882 г. не превысило уровня 1869 г.). Руководители Палестинской комиссии боялись подорвать излишними расходами финансовую базу своего учреждения, стремились скопить запасной капитал, дабы создать прочную основу для деятельности в Святой Земле. Что же касается начальника РДМ архимандрита Антонина (Капустина), то этот деятель, в целом немало сделавший для укрепления позиций России в Палестине, скептически относился к прибывавшим в Иерусалим паломникам. Принадлежавшие в массе своей к низшим слоям населения, эти люди своим непрезентабельным видом и в некоторых случаях сомнительными моральными качествами подрывали, по мнению архимандрита, престиж «империи царей» в Святой Земле (Антонин, 2010а; Антонин, 2010б: 88, 98, 166).

Получив сразу после создания значительное влияние на организацию паломнических дел, ИППО решительно пресекло практику прежних лет. Уже в 1882 г. Общество вступило в переговоры с правлениями железных дорог, Российского общества пароходства и торговли и добилось существенного снижения цены на билеты для отправляющихся на поклонение в Иерусалим (Отчет..., 1883: 5, 73). С 1883 г. вводились так называемые паломнические книжки, распространявшиеся уполномоченными Общества в ряде городов России и дававшие право льготного проезда по большей части паломнического маршрута (а затем и по всему маршруту). В 1894 г. были вновь понижены цены на билеты для паломников (Отчет..., 1884: 26–30). Относительно дешевизны проезда «думаем, что мы достигли до крайней границы», отмечалось на годовом собрании ИППО 1895 г. (Собрание..., 1895: 150). Общество также выстроило ряд новых церквей и подворий для приезжающих из России, существенно улучшило условия их пребывания в Палестине (организация продуктовых, иконных и книж-

ных лавок, бани, прачечной, столовых на подворьях, налаживание бесперебойной доставки почтовой корреспонденции). Все эти меры стимулировали движение богомольцев из России в Святую Землю. Их число, как отмечает израильский исследователь Р. Рубин, «было огромным даже по нынешним меркам» и доходило в начале 1900-х гг. до 10–11 тыс. в год. Приток русских паломников, по словам ученого, оказал «сильное влияние на многие стороны повседневной жизни в Палестине, оно и по сей день заметно в облике города, в ландшафте страны» (Рубин, 2007: 185). Многие современники отмечали, что Иерусалим (особенно на Пасху) выглядел как русский город – приезжающие из России составляли основную массу пребывавших в городе европейцев, всюду слышалась русская речь, ходили русские деньги (Елисеев, 1885: 282; Ладинский, 1995: 234; Доклад..., 2012: 243; Stavrou, 1963: 193, 199–200; Рубин, 2007, 187–190).

Организуя движение паломников в Палестину, руководители ИППО не рассматривали данное явление сугубо прагматически, как способ увеличить количество прибывающих из России людей в стратегически важном для нее регионе. Они постоянно подчеркивали духовно-идеологическое значение паломничества. В их представлениях движение в Святую Землю являлось выражением фундаментальных свойств народной религиозности, отражало наиболее глубокие духовные потребности простых людей. «Не праздная сила, не искание развлечения, не суетное любопытство, ищущее новизны, искони влекут Православную Русь в Иерусалим и Святую Землю, – говорилось на годовом собрании Палестинского общества 1892 г. – Побуждение к поклонничеству лежит гораздо глубже в тайниках человеческого сердца, ищущего удовлетворения своему стремлению к высшему духовному идеалу» (Собрание..., 1892: 266–267). Тяжелые условия жизни и труда большинства православных верующих России – крестьян – делали подобное стремление к идеалу особенно выраженным. В духовной сфере искали спасения от житейских тягот. Интенсивность религиозного чувства народа проявлялась в том, что паломничество для многих не ограничивалось Иерусалимом – зачастую он являлся «лишь конечной целью целого ряда долгих предварительных странствований, искрещивающих Россию во всех направлениях от Соловецкого монастыря до Почаевской лавры» (Хитрово, 2011а: 285).

Добираясь до Святой Земли с огромными трудностями, терпя в пути всевозможные лишения, бедные и необразованные паломники, по мнению активистов ИППО, способствовали усилению международного влияния России в гораздо большей степени, нежели официальная дипломатия. В то время как российские власти при Александре I и Николае I, исходя из принципов легитимизма, поддерживали Османскую империю, «странники в простоте души сотнями шли на поклонение в Святую Землю, сердобольно соболезнуя и утешая неблагонадежных подданных “законной” мусульманской власти», подчеркивал М.П. Соловьев (Соловьев, 2012: 38). Получалось, что «темные» простолюдины успешно справлялись с задачами, которые не смогла (или не захотела) решить

официальная правительственная система, вооруженная для этого, казалось бы, всеми средствами. «Только благодаря этим сотням и тысячам серых мужичков и простых баб, из года в год движущихся из Яффы в Иерусалим и обратно, точно по русской губернии, обязаны мы тому влиянию, которое имя русского имеет в Палестине... Отнимите вы этого серого мужичка – и исчезнет «москов», единственно еще поддерживающий в Палестине русское влияние», – писал в 1879 г. В.Н. Хитрово в одном из своих сочинений, послуживших идеологической основой для создания ИППО (Хитрово, 2011б: 72).

Приток паломников из России, их благочестие, по мнению современников, не только помогали укрепить авторитет «империи царей» среди христиан Ближнего Востока, но и оказывали воздействие на мусульманское население по всему пути следования «московов». «В настоящее время скорее приятно, чем обидно, быть русским на Востоке, так как реноме русского имени в Турции вообще и в Константинополе в особенности очень высоко... – утверждал известный путешественник доктор А.В. Елисеев, посетивший в 1884 г. Палестину по поручению ИППО для выяснения вопроса о том, как можно улучшить положение паломников. – Добрым словом о русском отзываются в настоящее время не отдельные личности, а массы не только младо-, но и старо-турок, и это одно уже должно служить поворотом в политике» (Елисеев, 1885: 66, 67). С точки зрения активистов ИППО и их единомышленников, пребывание русских верующих в Святой Земле до известной степени способствовало и единению православных разных национальностей, преодолению этнических разделений в церкви. По словам Елисеева, вид двигавшихся по Палестине русских паломнических караванов, к которым примыкали представители разных народов, переносил воображение «к тем временам, когда в церкви Христовой не было ни скифа, ни эллина, ни раба, ни свободного» (Елисеев, 1885: 239). Наконец, чрезвычайно важным (если не важнейшим) аспектом паломничества, с точки зрения руководителей Палестинского общества, было то влияние, которое побывавшие в Святой Земле верующие оказывали после возвращения на массы православного населения России.

Вопрос о подобном влиянии был тесно связан с фундаментальной проблемой, встававшей не только перед ИППО, но и перед образованным обществом России в целом – как наладить связь с массой простого народа, который и в конце XIX в. продолжал жить в мире собственных представлений и идей, существенно отличавшихся от воззрений образованных верхов. Участие в организации подлинно народного движения – паломничества, с точки зрения активистов ИППО, открывало прекрасную возможность установить такую связь. Деятельность пилигримов, возвращавшихся из Палестины, позволяла распространить идеологическое влияние Общества на низшие социальные слои и самые отдаленные регионы. Побывавшие в Святой земле странники «расходятся во все концы обширного нашего отечества, где они желанные гости в любой крестьянской избе, где стар и мал заслушиваются рассказами их о виденном... – говорилось в отчете ИППО за 1885–1886 гг. – Это 3000 проповедников и проповед-

ниц, ежегодно искрещивающих Россию, и что они разносят, не может быть для нас безразличным» (Отчет..., 1886: 8). Руководствуясь подобными соображениями, Общество сразу после создания приступило к организации духовного воздействия на паломников (хотя изначально предполагалось, что оно будет заниматься только их материальными потребностями). Уже в 1886 г. ИППО добилось от Синода расширения состава РДМ, дабы члены миссии могли сопровождать богомольцев с караванами, давать им наставления, устраивать духовные чтения на подворьях (РГИА. Ф. 796. Оп. 167. Д. 2346; К.П. Победоносцев и Русская Духовная Миссия... 2017: 266–267). Впоследствии Общество содействовало дальнейшему увеличению состава Миссии, взяло на себя значительную часть расходов по ее содержанию.

Помимо содействия РДМ, ИППО собственными силами организовало с 1890 г. ежедневные чтения на подворьях с использованием технических средств – «световых картин» («волшебного фонаря»). Подобные мероприятия, в числе прочего, должны были повышать уровень религиозной грамотности простолюдинов, в частности, дать им «знание Священной и Церковной истории, которое редкие из них когда-либо слышали» (Отчет..., 1889: 56). Маршруты паломнических караванов были проложены таким образом, чтобы посещать самые значимые святыни (до этого, как утверждали представители Общества, проводники-греки из местного духовенства нередко водили паломников по малозначительным монастырям, дабы обеспечить сбор пожертвований в их пользу). При Миссии, а также на подворьях Общества были учреждены книжные и иконные лавки, которые должны были оградить верующих от низкокачественной коммерческой литературы, а также от икон, написанных с нарушением канонов. Благодаря ИППО, как отмечалось на его годовом собрании 1892 г., «прежние, невозможно безобразные издания о Палестине если не вполне исчезли, то значительно уменьшились, уступив место более правдивым рассказам и более сообразным с действительностью изображениями» (Собрание..., 1892: 271; Дмитриевский, 2014: 68). Стараниями Общества проводники в начале XX в. были назначены сопровождать не только паломнические караваны, но и группы богомольцев на пароходах, дабы верующие не оставались без попечения и во время морского пути (Взаимодействие..., 2012: 126).

Организуя систему духовного воздействия на паломников, руководители ИППО сталкивались со сложной дилеммой. Им предстояло «очистить» народную религиозность от присущих ей недостатков – суеверий, склонности доверять разного рода легендам и апокрифам – не затронув в то же время ее основ, не разрушив веру паломников, зачастую наивную и интуитивную. Целый ряд мер был направлен на решение этой задачи. Так, распространяемый Обществом «Путеводитель в Святую Землю для православных простолюдинов-богомольцев» призван был приучить паломников при знакомстве с Палестиной «строго различать рассказ Евангельский и Библейский, или равный ему по несомненности, от благочестивых преданий и легенд, точно оговаривая сии последние» (Отчет..., 1884: 37). Предпринимались и другие шаги по «дисципли-

нированию» веры паломников. И все же последовательно идти по этому пути активисты Общества не могли. Ценил естественный, органический характер народного благочестия, они боялись, что внешняя регламентация окажет на него губительное воздействие. Так, Хитрово, занимавший в Обществе руководящие посты (помощника председателя, с 1889 г. – секретаря), отказывался подчинять движение паломнических караванов строгим правилам (расписание, пояснения при каждой святыне и др.), дабы не ограничивать самостоятельность богомольцев. «Какое право имеем мы навязывать этим страстотерпцам земли Русской придуманную нами дисциплину? – вопрошал Хитрово. – Все, что при этих условиях мы можем сделать... это подлаживаться под их желания, предлагать и только предлагать, что, по нашему понятию, может быть им полезно и удобно» (Собрание..., 1894: 26).

Нежелание подвергать верования народа внешней регламентации указывало еще на один важный мотив, звучавший в высказываниях деятелей ИППО. Скептически оценивая моральный уровень верхушки общества, идейные установки, которыми руководствовались представители образованных верхов, активисты палестинского дела нередко искали спасения в соприкосновении с народной религиозностью, ее органичностью, непосредственностью. Бедность и внешняя непрезентабельность большинства паломников, которые еще недавно воспринимались негативно, теперь до известной степени стали рассматриваться как гарантия высоких духовных качеств, хранимых в их среде. «Бесспорно, куда чище и привлекательнее, а главное, для глаз приятнее западный богомолец, и грязна, и неопрятна, и груба русская паломница, но твердо верю, что если взвесить на весах ее молитву, ее веру – куда далеко перевесят они столь привлекательных западных богомольцев», – утверждал Хитрово² (Доклад..., 2011: 254). У русского паломника, «на вид заскорузлого», «есть также свой идеал, и смею полагать, что идеал этот по своей чистоте, по своей возвышенности куда выше идеалов многих из нас» (Хитрово, 2011в: 312). Сходные мысли высказывал и Елисеев. «Тот же одетый в бараний полушубок, обутый в лапти... мужичок, вышедший из дымной лачуги, чаще других представляет высокий, возможный в наше время идеал истинного подвижничества» (Елисеев, 1885: 347).

То обстоятельство, что низшие, самые бедные (они же и самые многочисленные) слои русского общества составляли основную массу богомольцев, представлялось руководителям ИППО чрезвычайно важным, они постоянно подчеркивали его в своих публикациях³. «И теперь, как и в старые годы, большинство русских простых паломников идет, в точном значении этого слова, в

² Большинство (до 2/3) русских паломников составляли женщины.

³ По подсчетам Хитрово, сделанным в 1899 г., до 90% посещавших Святую Землю принадлежали к низшим сословиям (крестьяне, мещане, нижние чины). Большинство паломников, как отмечалось выше, составляли женщины. Паломнические книжки, несмотря на их относительную дешевизну, были доступны лишь примерно половине желающих посетить Палестину. 99% паломников покупали на пароход билеты 3-го класса (Хитрово, 2011б: 282–283, 295, 299).

Св. Землю», т.е. не имеет возможности воспользоваться железнодорожным транспортом, но все же добирается до Палестины, отмечал в 1896 г. Хитрово (Хитрово, 2011в: 313). Распространенным было и противопоставление русских верующих в Палестине западным путешественникам – туристам из высшего общества, религиозным миссионерам, приехавшим на Восток, как считалось, главным образом с прагматическими целями. «Русский поклонник – весь молитва, и в этом отношении он составляет совершенно выдающийся тип, не существующий на Западе, к которому, благодарение Богу, западную мерку применять нельзя», – говорилось на годовом собрании ИППО в 1899 г (Собрание..., 1899: 36).

Интересно, что отзывы о богомольцах из России, близкие к оценкам активистов Общества, оставил и ряд западных современников – прежде всего, религиозно и консервативно настроенные люди, осуждавшие распространявшиеся в Европе тенденции секуляризации и восхищавшиеся благочестием русских паломников. «Следует сознаться, что эта глубокая и трогательная вера Московитов производит сильное впечатление на местное население», – писал автор французского католического журнала «La Terre Sainte» («Святая Земля») (Отзывы..., 1892: 301). Вспоминая о встречах с русскими в Палестине, английский богослов А. Хедлэм отмечал их набожность, энтузиазм и терпение. «Ничто так не тронуло меня в Святой Земле, как простая вера, глубокое благочестие, искренняя любовь и скорбь русских паломников. Без всякого стеснения, как дети, они выказывают все движения своего сердца», – вторил Хедлэму его соотечественник Т. Доулинг (Headlam, 1897; Dowling, 1913)⁴. О «детских» свойствах религиозности богомольцев из народа – искренности, простоте, непосредственности – писали и деятели ИППО. В принципе, все эти качества были тесно связаны с самой сутью народного благочестия, каким оно представлялась религиозно настроенным консерваторам из Палестинского общества – его органическим, спонтанным характером. Однако такая, во многом интуитивная, вера могла разрушиться при столкновении с неблагоприятными обстоятельствами в ходе длительного путешествия и пребывания в чужой стране. Подобная ситуация ставила перед руководителями ИППО непростые задачи.

Стремясь уберечь паломников от каких-либо негативных впечатлений во время движения в Святую Землю, активисты Общества старались оградить их от всего, что не было связано с задачами религиозного поклонения. ИППО «охраняет и защищает паломника с минуты его отправления в путь и доводит его обратно до Одессы», – отмечал Хитрово (Доклад..., 2011: 255). Паломнические книжки должны были обеспечить путешественникам возможность благополучно вернуться на родину, даже если они потратили все деньги в Святой Земле. Представители Общества брали на себя оформление паспортов и билетов богомольцев, вручали им путеводители, сопровождали на кораблях и по суше

⁴ Цит. по: (Stavrou, 1963: 100–101). Заметное влияние на общественное мнение Запада оказала в начале XX в. также книга английского автора С. Грэма о русских богомольцах (Безобразов, 1914: 67–94; Hughes, 2014).

вплоть до Иерусалима. На подворьях приезжающих из России старались снабжать всем необходимым, вплоть до привычной еды (щи, гречневая каша, ржаной хлеб). Доступ посторонних на русские постройки был запрещен, т.е. жизнь на них носила достаточно замкнутый характер. «Благодаря своим стенам, – писал в начале XX в. известный религиозный писатель И.П. Ювачев, совершивший паломничество в Святую Землю, – наша русская «Палестина» совершенно обособлена в отдельный городок... Здесь чувствуешь себя, как дома: русский квас, русский говор, русские лица» (Ювачев-Миролюбов, 2014: 245).

Примечательным явлением были приюты для паломников в Одессе – главном портовом городе, откуда отправлялись пароходы в Палестину. Местом поселения для богомольцев служили подворья русских монастырей и скитов Афона, созданные еще в 1870-е гг. независимо от Общества, но пользовавшиеся его всемерной поддержкой. Эти учреждения, как и само паломничество, можно было считать проявлением народной инициативы, так как абсолютное большинство русских «афонцев» было выходцами из простонародья. Замысел оградить простодушных и наивных паломников от искушений окружающей действительности выразилась в деятельности подворий, пожалуй, в наибольшей степени. Вся обстановка монашеских учреждений, по словам Н. Хриссидиса, должна была защитить постояльцев от столкновений с реалиями большого космополитического города, центра бурно развивающихся капиталистических отношений (Chrissidis, 2012–2013: 175). Активисты ИППО стремились всячески подчеркнуть эту особенность. «Уже подходя к приюту, – говорилось в отчете Общества за 1883 г., – вы чувствуете какую-то особенную атмосферу: слышится запах ладана, лампадного масла и кипариса. Поклонники чувствуют себя уже как бы на Востоке, как бы на Афоне. Все в приютах поражает воображение простого поклонника. Стены комнат и коридоров увешаны картинами, изображающими Святые места Востока... Все прислужники с длинными волосами, со строгими лицами и в полумонашеском одеянии... Книг здесь нет, но есть живые книги в лице монахов, монахинь и разных бывалых странниц, с утра до вечера повествующих о том, чего так жаждет душа паломника» (Отчет..., 1884: 33).

Меры по ограждению народной религиозности от внешних воздействий, заботы о духовных нуждах странников, улучшение условий путешествия в Палестину – все это способствовало расширению масштабов паломничества и во многом позволило придать ему тот характер, на который рассчитывали активисты ИППО. В начале 1900-х гг., как отмечалось выше, количество богомольцев из России достигало 10–11 тыс. человек в год, они составляли абсолютное большинство приезжающих в Палестину европейцев. Социально-политические потрясения 1904–1905 гг., связанные с русско-японской войной и революцией, резко снизили количество паломников до 2249 человек, но с 1906 г. оно вновь стало расти, достигнув 9178 человек в 1911–1912 гг. (Собрание..., 1906: 122; Доклад, 1913: 207)⁵. Новый удар по паломничеству нанесли Балканские войны

⁵ Отчетный год ИППО до 1913 г. не совпадал с календарным (начинался с 1 марта).

1912–1913 гг., однако накануне Первой Мировой войны интерес к Святой Земле возобновился. Только на Пасху 1914 г. Иерусалим посетило около 6 тыс. человек из России (Отчет..., 1916: 177). В целом меры ИППО по организации паломничества ярко отразили важные тенденции идейно-духовного развития России в конце XIX – начале XX в., явились одной из наиболее последовательных попыток подчеркнуть народный характер самодержавия и связанных с ним структур накануне эпохи революционных потрясений.

Начавшаяся в 1914 г. мировая война и последовавшая за ней революция надолго прервали приток верующих из России в Палестину. Возрождение паломнического движения, как и восстановление в прежнем качестве Палестинского общества, пришлось на начало 1990-х гг. Современная ситуация, связанная с присутствием России в Святой Земле, разумеется, существенно отличается от реалий дореволюционной эпохи, однако некоторые ее аспекты переключаются с теми проблемами, которые стояли перед ИППО более 100 лет назад.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interest.

ИСТОЧНИКИ

Безобразов В.П. Английский путешественник о русских паломниках // СИППО. 1914. Т. XXV. Вып. I. С. 67–94.

Взаимодействие и отношения Императорского Православного Палестинского Общества и Русской Духовной Миссии в Иерусалиме по неизвестным документам АВП РИ // ППС. Вып. 108. М., 2012. С. 107–130 (Докладная записка заведующего Русскими подворьями в Иерусалиме П.И. Ряжского в Совет Императорского православного Палестинского Общества, 11 мая 1916 г.).

Годовое общее собрание ИППО 21 мая 1892 г. // СИППО. Т.3. Февраль 1892.

Годовое общее собрание ИППО 21 мая 1892 г. // СИППО. Т.3. Февраль 1892.

Годовое общее собрание ИППО 30 апреля 1895 г. // СИППО) [Т.6] Апрель 1895 г.

Годовое общее собрание ИППО 4 апреля 1899 г. // СИППО. Вып. X. Январь-февраль 1899.

Годовое общее собрание ИППО 4 декабря 1905 г. // СИППО. 1906. Т. XVIII. [Вып. 1].

Доклад общему годовому собранию ИППО 28 апреля // СИППО. 1913. Т. XXIV. Вып. 2.

Доклад секретаря Императорского Православного Палестинского Общества В.Н. Хитрово в Совете Общества о положении Русских подворий в Иерусалиме (15 декабря 1899 г.) // Хитрово В.Н. Собрание сочинений и писем. Т. II. М.- СПб.: ИППО – Изд-во Олега Абышко, 2011.

Елисеев А.В. С русскими паломниками на Святой Земле (очерки, заметки и наблюдения). СПб., 1885.

Императорское Православное Палестинское Общество в оценке друзей, врагов и конкурентов // ППС. Вып. 108. М., 2012. С. 243 (доклад, представленный профессором П. Каролидесом министру церковных дел и народного просвещения Греции, 1899).

- Ладинский А.П.* Из книги «Путешествие в Палестину» // Путешествия в Святую Землю: записки русских паломников и путешественников XII–XX вв. М.: Лепта, 1995. С. 227–252.
- Общее собрание ИППО 19 декабря 1893 г. // СИППО. [Т.5] Февраль 1894.
- Отчет ИППО с 1 января по 31 декабря 1914 г. // СИППО. 1916. Т. XXVII.
- Отчет Православного Палестинского Общества за 1882–1883 гг. СПб., 1883.
- Отчет Православного Палестинского Общества за 1883–1884 гг. СПб., 1884.
- Отчет Православного Палестинского Общества за 1885–1886 гг. СПб., 1886.
- Отчет Православного Палестинского Общества за 1887–1888 гг. СПб., 1889.
- РГИА. Ф. 796. Оп. 167. Д. 2346 «О ходатайстве Императорского православного Палестинского общества относительно увеличения состава Иерусалимской миссии».
- Рубин Р.* Свидетельства нероссийских источников о русском паломничестве в Палестину в XIX в. // ППС. Вып. 105. М., 2007. С. 184–191.
- Хитрово В.Н.* Неделя в Палестине // Хитрово В.Н. Собрание сочинений и писем. Т. I. М.-СПб.: ИППО – Изд-во Олега Абышко, 2011а.
- Хитрово В.Н.* Какими путями идут русские паломники в Св. Землю (опыт статистического исследования) // Хитрово В.Н. Собрание сочинений и писем. Т. II. М.-СПб.: ИППО – Изд-во Олега Абышко, 2011б.
- Хитрово В.Н.* Русские паломники Святой Земли (1896) // Хитрово В.Н. Собрание сочинений и писем. Т. II. М.-СПб.: ИППО – Изд-во Олега Абышко, 2011в.

ЛИТЕРАТУРА

- Антонин (Капустин)*, архимандрит. Из Иерусалима (7-го июля 1875 года: нежелательные палестинские богомольцы из России) // Антонин (Капустин), архимандрит. Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденции. М.: Индрик, 2010б.
- Антонин (Капустин)*, архимандрит. Пасха в Иерусалиме. 1867. // Антонин (Капустин), архимандрит. Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденции. М.: Индрик, 2010а.
- Балдин К.Е.* Русские в Святой Земле: паломнические дневники как источник // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 2. С. 45–62.
- Дмитриевский А.А.* Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшие четверть века: 1882–1907 // СПб.: ИППО – Изд-во Олега Абышко, 2008.
- Дмитриевский А.А.* Русские учебно-воспитательные, благотворительные и странноприимные учреждения в Палестине и Сирии (1907) // Дмитриевский А.А. Палестинское Общество и русские школы на Востоке. Статьи, очерки, отчеты. М.-СПб.: ИППО – Изд-во Олега Абышко, 2014. С.68.
- К.П. Победоносцев и Русская Духовная Миссия в Иерусалиме в царствование императора Александра III. М.-СПб.: Индрик, 2017.
- Левочский А.И.* Инославные в Святой Земле. СПб., 1896.
- Лисовой Н.Н.* Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М.: Индрик, 2006.
- Полунов А.Ю.* Проблема бюрократизма в консервативной общественной мысли России второй половины XIX – начала XX в. // Христианское чтение. 2019а. № 3. С. 170–180. <https://doi.org/10.24411/1814-5574-2019-10054>
- Полунов А.Ю.* Экспедиция Н.И. Ашинова, споры о самодержавии и борьба группировок в правительстве Александра III // Российская история. 2019б. № 6. С. 47–60. <https://doi.org/10.31857/S086956870007421-4>
- Соловьев М.П.* Святая Земля и Императорское Православное Палестинское Общество. М.: Индрик, 2012 (1-е изд. – 1895).
- Соловьев М.П.* Святая Земля и Россия. СПб., 1894.

Сухова Н.Ю. Паломнические поездки в Святую Землю и на Афон преподавателей и студентов духовных академий // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2012. Вып. 6 (49). С. 20–34.

Хриси́дис Н. «Афонизация» благочестивых странствий: укромные святыни, темные дела и логистика паломничества в Одессе конца XIX в. // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. XIX. М.: Модест Колеров, 2016. С. 378–407.

Чумакова Т. В., Моравчикова М. Русская периодическая печать конца XIX – начала XX века как источник исследования повседневной жизни паломников // Вестник СПбГУ. Сер. 17. 2016. Вып. 2. С. 141–147.

Ювачев-Миролюбов И. Паломничество в Палестину к Гробу Господню. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014.

Ямилінец Б.Ф. Россия и Палестина. Очерки политических и культурно-религиозных отношений (XIX – начало XX века). М.: Ин-т востоковедения, 2003.

Astafieva E. How to Transfer “Holy Russia” into the Holy Land? Russian Policy in Palestine in the Late Imperial Period // *Jerusalem Quarterly*. No. 71 (Autumn 2017). P. 7–18.

Astafieva E. Russian Orthodox Pilgrims in Jerusalem in the Second Half of the Nineteenth Century: Between the Old City and “New Jerusalem” // *Acta Slavica Iaponica*. Tomus 40. 2020. P. 149–168.

Chrissidis N. The Athonization of Pious Travel: Shielded Shrines, Shady Deals and Pilgrimage Logistics in Late Nineteenth-Century Odessa // *Modern Greek Studies Yearbook*. Vol. 28/29 (2012–2013). P. 169–191.

Dowling T. *The Orthodox Patriarchate of Jerusalem*. London, 1913.

Headlam A. *Teaching of the Russian Church*. London, 1897.

Hopwood D. *The Russian Presence in Syria and Palestine, 1843–1914*. Oxford: Clarendon Press, 1969

Hughes M. *Beyond Holy Russia: The Life and Times of Stephen Graham*. Cambridge, UK: Open Book Publishers, 2014.

Modern Greek Studies Yearbook. Vol. 28/29. 2012/2013.

Modern Greek Studies Yearbook. Vol. 30/31. 2014/2015.

Stavrou T.G. *Russian Interests in Palestine, 1882–1914. A Study of Religious and Educational Enterprise*. Thessaloniki: Institute for Balkan Studies, 1963.

REFERENCES

Antonin (Kapustin), Archimandrite (2010a). Easter in Jerusalem. 1867. In: *Antonin (Kapustin), Archimandrite. From Jerusalem. Articles, essays, correspondence*. Moscow: Indrik Publ. (In Russ.)

Antonin (Kapustin), Archimandrite (2010b). From Jerusalem (July 7, 1875: unwanted Palestinian pilgrims from Russia). In: *Antonin (Kapustin), Archimandrite. From Jerusalem. Articles, essays, correspondence*. Moscow: Indrik Publ. (In Russ.)

Astafieva E. (2017) How to transfer “Holy Russia” into the Holy Land? Russian policy in Palestine in the late Imperial period. *Jerusalem Quarterly*. No. 71 (autumn 2017): 7–18.

Astafieva E. (2020) Russian Orthodox pilgrims in Jerusalem in the second half of the 19th century: Between the Old City and “New Jerusalem”. *Acta Slavica Iaponica*. Vol. 40: 149–168.

Baldin K.E. (2013) Russians in the Holy Land: Pilgrimage diaries as a source. *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy* [Labyrinth. Journal of Social and Humanitarian Studies]. No. 2: 45–62. (In Russ.)

- Chrissidis N. (2012–2013) The Athonization of Pious Travel: Shielded Shrines, Shady Deals and Pilgrimage Logistics in Late Nineteenth-Century Odessa. *Modern Greek Studies Yearbook*. Vol. 28/29: 169–191.
- Chrissidis N. (2016) The Athonization of Pious Travel: Shielded Shrines, Shady Deals and Pilgrimage Logistics in Late Nineteenth-Century Odessa. *Russian Collection. Studies in the History of Russia*. Vol. 19. Moscow: Modest Kolerov: 378–407. (In Russ.)
- Chumakova T.V., Moravchikova M. (2016) Russian periodicals of the late 19th – early 20th century as a source for research of pilgrims' everyday life. *Vestnik SPbGU* [Vestnik of Saint Petersburg University]. Series 17. Issue 2: 141–147. (In Russ.)
- Dmitrievsky A.A. (2008). *The Imperial Orthodox Palestine Society and its activities over the past quarter-century: 1882–1907*. St. Petersburg: IOPS – Oleg Abyshko Publishing House. (In Russ.)
- Dmitrievsky A.A. (2014) Russian educational, charitable and hospitable institutions in Palestine and Syria (1907). In: *Dmitrievsky A.A. The Palestine Society and Russian schools in the East. Articles, essays, reports*. Moscow – St. Petersburg: IOPS – Oleg Abyshko Publishing House: 68. (In Russ.)
- Dowling T. (1913) *The Orthodox Patriarchate of Jerusalem*. London.
- Headlam A. (1897) *Teaching of the Russian Church*. London.
- Hopwood D. (1969) *The Russian presence in Syria and Palestine, 1843–1914*. Oxford: Clarendon Press.
- Hughes M. (2014) *Beyond Holy Russia: The life and times of Stephen Graham*. Cambridge, UK: Open Book Publishers.
- K.P. Pobedonostsev and the Russian ecclesiastical mission in Jerusalem during the reign of Emperor Alexander III (2017). Moscow – St. Petersburg: Indrik Publ. (In Russ.)
- Levochsky A.I. (1896) *Heterodox in the Holy Land*. St. Petersburg. (In Russ.)
- Lisovoy N.N. (2006) Russian Religious and Political Presence in the Holy Land and the Middle East in the 19th – early 20th centuries. Moscow: Indrik Publ. (In Russ.)
- Modern Greek Studies Yearbook. Vol. 28/29. 2012/2013.
- Modern Greek Studies Yearbook. Vol. 30/31. 2014/2015.
- Polunov A.Yu. (2019a) The problem of bureaucracy in the conservative social thought of Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries. *Christian Reading*. 2019. No. 3: 170–180. <https://doi.org/10.24411/1814-5574-2019-10054> (In Russ.)
- Polunov A.Yu. (2019b) N.I. Ashinova's expedition, disputes about autocracy and the struggle of factions in the government of Alexander III. *Russian History*. 2019. No. 6: 47–60. <https://doi.org/10.31857/S086956870007421-4> (In Russ.)
- Solov'ev M.P. (1894) *The Holy Land and Russia*. St. Petersburg. (In Russ.)
- Solov'ev M.P. (2012) *The Holy Land and the Imperial Orthodox Palestine Society*. (1st edition – 1895). Moscow: Indrik Publ. (In Russ.)
- Stavrou T.G. (1963) Russian interests in Palestine, 1882–1914. In: *A Study of Religious and Educational Enterprise*. Thessaloniki: Institute for Balkan Studies Publ.
- Sukhova N.Yu. (2012) Pilgrimages to the Holy Land and Athos by teachers and students of theological academies. *Vestnik PSTGU II: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi* [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's Humanitarian University II: History. History of the Russian Orthodox Church]. Issue 6 (49): 20–34. (In Russ.)

Yamilinets B.F. (2003) *Russia and Palestine. Essays on political, cultural and religious relations (19th – early 20th centuries)*. Moscow: Institute of Oriental Studies Publ. (In Russ.)

Yuvachev-Mirolubov I. (2014) *Pilgrimage to Palestine to the Holy Sepulcher*. Moscow: OLMA Media Group Publ. (In Russ.)

Сведения об авторе: Полунов Александр Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой управления в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений Факультета государственного управления, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (119991, Ломоносовский проспект, 27, корп. 4, Москва, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0002-4484-6003>; e-mail: polunov@spa.msu.ru

About the author: Alexander Yu. Polunov, Dr. Sc. (History), Professor, Head of the Interethnic and Interfaith Relations Management Department, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University (27, building 4 Lomonosovsky Avenue, Moscow 119991, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0002-4484-6003>; e-mail: polunov@spa.msu.ru

Поступила в редакцию / Received 24.06.2025

Доработана после рецензирования / Revised 17.07.2025

Принята к публикации / Accepted 18.07.2025

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2025-10-3.352-366>

EDN: FIUOQC

Национальная политика в СССР в годы Великой Отечественной войны: из региональной истории

Р.Н. Сулейманова

Институт истории, языка и литературы

Уфимского федерального исследовательского центра

Российской Академии наук

Уфа, Россия

rnsulejman@mail.ru

Резюме. В статье рассмотрен опыт проведения национальной политики в СССР в годы Великой Отечественной войны. В условиях современной нестабильности в мире, сложных межэтнических и межгосударственных отношений исторический опыт нахождения путей сотрудничества, решения важных вопросов в этой области на региональном уровне может быть весьма востребованным. При разработке государственных программ и мероприятий это позволит учитывать не только накопленный в прошлом полезный опыт, но и избежать повторения ошибок.

Война внесла серьезные коррективы в функционирование партийно-государственного аппарата, деятельность общественных организаций, жизненный уклад и настроения граждан СССР. С привлечением документальных источников, на примере одного из регионов страны – Башкирской АССР, автором осуществлён анализ общественно-политической и духовно-культурной жизни республики, перемен в национальной политике и в сфере межнациональных отношений.

В статье показано возросшее в годы войны значение идейно-политического воспитания населения, новые веяния в деятельности общественных и религиозных организаций, в работе местных органов по национальному вопросу – при подготовке кадров, по урегулированию межнациональных отношений с учетом прибытия эвакуированного населения и трудомобилизованных граждан из многих регионов страны разных национальностей, по улучшению настроений среди интеллигенции. Проводившаяся в республике национальная политика в рассматриваемый период характеризуется сложностью и противоречивостью. Это проявлялось в колебании от ослабления и даже невнимания ко многим вопросам национальной жизни в начале войны и до резкого изменения в сторону жесткой централизации и унификации в ее конце. Обращено внимание на упущения и сложности в проведении национальной политики.

Ключевые слова: национальная политика, Великая Отечественная война, межнациональные отношения, общественные настроения, особенности, регион.

Для цитирования: Сулейманова Р.Н. Национальная политика в СССР в годы Великой Отечественной войны: из региональной истории. *Историческая этнология*. 2025. Т. 10. № 3. С. 352–366. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-3.352-366> EDN: FIUOQC

Финансирование. Исследование выполнено в рамках Государственного исследования УФИЦ РАН № ГЗ 075-00571-25-00 от 27.12.2024 г. на 2025 г. и на плановый период 2026 и 2027 гг.

National policy in the USSR during the Great Patriotic War: from regional history

R.N. Suleymanova

Institute of History, Language and Literature

Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences

Ufa, Russian Federation

rnsulejman@mail.ru

Abstract. The article examines the experience of implementing the national policy in the USSR during the Great Patriotic War. In the context of modern instability in the world, complex inter-ethnic and interstate relations, the historical experience of finding ways to cooperate, solving important issues in this area at the regional level can be very much in demand. When developing state programs and strategies, it will allow taking into account not only the useful experience accumulated in the past, but also to avoid repeating mistakes.

The war made considerable adjustments to the functioning of the party and state apparatus, the activities of public organizations, the USSR citizens' lifestyle and spirits. Using documentary sources and the case of the Bashkir ASSR, one of the country regions, the author has carried out an analysis of the socio-political and religious-cultural life of the republic, changes in the national policy and interethnic relations.

The paper demonstrates the increased importance of ideological and political education of the population during the war. The author points out new trends in the activities of public and religious organizations and in the local authorities' work on the national issue in the following areas: in personnel training; in the regulation of interethnic relations, taking into account the arrival of the evacuated population and labor-mobilized citizens of different nationalities from many regions of the country; and activities aimed at lifting up the spirits among the intelligentsia.

The national policy pursued in the republic during the period under review is characterized by complexity and contradiction. That was manifested in the fluctuation from weakening at the beginning of the war, and even lack of attention to many issues of national life, to a sharp change towards strict centralization and unification at the end of the war. The study draws attention to the omissions and difficulties in the implementation of the national policy.

Keywords: national policy, the Great Patriotic War, interethnic relations, public sentiment, characteristics, region.

For citation: Suleymanova R.N. (2025) National policy in the USSR during the Great Patriotic War: from regional history. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 10. No. 3: 352–366. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-3.352-366> (In Russ.)

Financial support. The study was carried out within the framework of the State Research of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences No. GZ 075-00571-25-00 dated 27.12.2024 for 2025 and for the planning period of 2026 and 2027.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. – один из героических и тяжелейших периодов в истории России. На защиту Родины от вероломно напавшего врага и полного ее освобождения поднялись все граждане страны, независимо от национальности, возраста, пола и вероисповедания. Война потребовала исключительного напряжения усилий партийно-государственных и общественных органов, полного использования имевшихся материальных и людских ресурсов всех регионов. С утратой крайне важных западных и южных территорий в этот сложный период выполнение ответственной военно-хозяйственной задачи по снабжению и вооружению армии легло в основном на тыловые восточные регионы СССР, в их числе на Башкирскую АССР. Имевшая значительные природные богатства, производственные мощности, материальные и людские ресурсы, республика сыграла важную роль в бесперебойном обеспечении фронта всем необходимым, снабжении армии и тыла продовольствием и сырьем. Башкирия внесла достойный вклад в победное завершение войны. Обращаясь в статье к исследованию данной темы, рассмотрим общую ситуацию в республике в эти годы.

Общественно-политическая ситуация в Башкирии в годы войны была сложной и противоречивой. С одной стороны, она подчинялась интересам обороны, с другой – партийным директивам. С началом войны перед партийно-государственными и общественными органами была поставлена ответственная задача перестройки на военный лад в кратчайшие сроки общественно-политической и экономической жизни республики. Директивный призыв «Все для фронта, все для Победы!» стал непреложным законом для всех. Важным условием оперативного решения чрезвычайных задач по организации борьбы с врагом стали коренные изменения форм и методов работы органов разных уровней в соответствии с требованиями военного времени.

Война внесла серьезные коррективы в функционирование партийно-государственного аппарата, общественных организаций. На первый план выдвигались задачи мобилизации и укрепления обороны страны, привлечения местных сил и ресурсов на борьбу с врагом, размещения и ввода в строй предприятий, перебазируемых в основном из центральных и западных регионов страны, а также эвакуированного из прифронтовой зоны населения. Резко возросла роль партии, чрезмерно проявились жесткость методов управления, диктат, свертывание демократии в чрезвычайных условиях. Кардинальные изменения произошли в стиле и методах работы партийных органов, которым полностью подчинялись все государственные и общественные организации. Теперь они брали на себя выполнение административных и хозяйственных функций. Перестроилась работа советских, профсоюзных и комсомольских органов, которые вместе с партийными органами решали усложнившиеся производственные и социальные задачи. По-новому стала рассматриваться роль религиозных организаций в общественной жизни (История..., 2004: 311, 312).

Для перестройки партийной работы были определены следующие меры, обеспечивавшие их влияние на все стороны общественной и государственной

жизни: расстановка коммунистов на решающих участках, укрепление связей с широкими массами населения, своевременное восполнение потерь членов и кандидатов в члены партии и др. Военная обстановка внесла значительные изменения в структуру партийных органов, кардинальной перестройке подверглись содержание и стиль их работы. Последовали изменения в общей численности, в национальном составе партийной организации Башкирской АССР в связи с уходом коммунистов по всеобщей и партийной мобилизации на фронт. Так, накануне войны в ее рядах состояли представители 35 национальностей, в ее конце уже 44 национальностей. Пополнили состав прибывшие в эвакуацию около 10 тыс. коммунистов. В итоге, доля белорусов в областной парторганизации возросла в 1,4 раза, латышей – в 1,5 раза, эстонцев – более чем в 2 раза, литовцев – в 3 раза (Осуществление..., 1985: 140). В тоже время количественные изменения в ней не сопровождались качественным ростом. На мартовском 1944 г. пленуме обкома партии при обсуждении вопроса «О состоянии и задачах организационно-партийной работы» были вскрыты многие недостатки, к которым добавились и другие, в их числе игнорирование в работе национальных моментов. Указывалось, что партийными организациями не были учтены произошедшие за годы войны изменения в их составе и этот рост «не сочетался с идейно-политическим воспитанием молодых коммунистов», ослабление массово-политической работы привело к снижению роста и уменьшению численности коммунистов из числа коренной национальности – башкир (Резолюции..., 1962: 96).

Нужно отметить, что примерно до середины 1943 г. в отношении местных органов к национальному вопросу в целом отмечалось некоторое снижение интереса к нему, несмотря на острую актуальность. В составе бюро обкома ВКП(б) практически отсутствовали башкиры, за исключением Р.К. Ибрагимова и С.А. Вагапова. При обсуждении вопросов о росте партийных рядов в республике, работе с вновь принятыми национальным моментам не находилось места. Впервые на них было указано в июне 1943 г. на пленуме обкома при обсуждении вопроса о составе областной парторганизации, где отмечалась слабая работа по «воспитанию и выращиванию национальных кадров...». В марте 1944 г. на проходившем пленуме обкома партии этот вопрос поднимается в связи с наличием серьезных недостатков (Региональные..., 2011: 59–61, 109). Представительство национальных кадров было незначительным не только в партийных и советских органах, но и в других общественных организациях, что показывало явную недооценку их использования. Поэт Х. Карим признавался: «...чувствуется, что в башкирских и татарских работниках не так-то нуждаются. Приезжому человеку насквозь видно, как затирается сущность национальной республики. Башкирский язык даже упразднили с вывесок. Единственная в Уфе 9-я башкирская школа в загоне, помещения не имеет, преподавателями не укомплектована, качество учебы низкое» (НА РБ. Ф. 122. Оп. 25. Д. 40. Л. 204).

В связи с изменившейся общественно-политической ситуацией в автономной республике вся ее жизнь, повседневность каждого ее жителя теперь была

подчинена единому стандарту, представлявшему собой сочетание командно-административных методов управления с мощным трудовым подъемом и высоким патриотизмом населения. В соответствии с требованиями военного времени перестройке подверглась деятельность партийных, советских органов и других общественных организаций. Необходимость мобилизации населения на борьбу с врагом потребовала кардинальных перемен в идейно-политической и массово-культурной работе среди населения. Была возобновлена работа областной партийной школы при обкоме партии. Состав ее слушателей был многонациональным, хотя башкир и татар было незначительно, что указывало на явную недостаточность их использования на агитационно-пропагандистской работе (НА РБ. Ф. 798. Оп. 8. Д. 437. Л. 78).

Повышение значения идейно-политического воспитания населения требовало в агитационно-пропагандистской деятельности местных органов проведения большой работы по вопросам защиты Родины, укрепления патриотизма и дружбы народов. Немаловажное значение в массово-политической работе придавалось вопросам подбора и воспитания кадров пропагандистов и агитаторов, особенно национальных, и привлечению к ней руководящих работников (Ахмадиев, 1984: 159). Основное внимание партийных органов было сосредоточено на постановке пропаганды и агитации, на улучшении работы печати, радио и культурно-просветительных органов, национальных вопросах, таких как кадры агитаторов и лекторов, тематика лекций и докладов, особенно для сельского населения, в основном башкир и татар. В сентябре 1943 г. бюро Стерлитамакского горкома ВКП(б) принимает постановление «О состоянии идейно-политического воспитания кадров в парторганизации Химпромстроя». В нем, наряду с положительными моментами, указывались недостатки в организации агитационно-массовой работы и партийной пропаганды, в должном внимании к идейно-политическому воспитанию кадров. В октябре того же года на бюро горкома обсуждается состояние агитмассовой и политико-воспитательной работы среди татар и башкир на заводе № 850. В принятом постановлении было обращено внимание на налаживание систематической агитмассовой работы среди рабочих нерусских национальностей. Для этого предлагалось организовать беседы, доклады на родных языках, ввести практику проведения семинаров для агитаторов и привлекать для этого квалифицированных руководителей (НА РБ. Ф. 788. Оп. 1. Д. 139. Л. 158, 191). По итогам проведенной проверки Уфимский горком ВКП(б) 21 октября 1943 г. включает в повестку заседания бюро вопрос о состоянии политико-массовой работы среди рабочих башкир и татар на хлебозаводе № 1 и швейной фабрике имени 8 марта Ждановского района города. Было установлено, что уровень агитационно-пропагандистской работы на этих предприятиях среди рабочих башкир и татар крайне низкий. Партийными организациями двух предприятий не выполнялись решения обкома партии о политическом воспитании трудящихся из коренной национальности на их родном языке, не были подобраны агитаторы из представителей коренной национальности, не была организована должная помощь в виде семинаров и

консультаций (НА РБ. Ф. 342. Оп. 2. Д. 1725. Л. 172–175). Выявленные в республике многочисленные недостатки явились основанием для обсуждения и принятия на заседании обкома партии постановления «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и пропагандистской работы в республике». В нем указывалось на «неудовлетворительную организацию этой работы среди трудящихся, не знающих русского языка» (НА РБ. Ф. 122. Оп. 24. Д. 209. Л. 7).

Эти же трудности обнаруживались при использовании по трудовой мобилизации местного населения, направленного в некоторые регионы СССР, и прибывших в Башкирию граждан в основном из среднеазиатского региона. В начале 1943 г. в Башкирский обком партии поступает письмо из Челябинского обкома с просьбой направления пропагандистской группы сроком на один месяц для проведения массово-политической и пропагандистской работы среди рабочих-башкир, занятых на крупнейших предприятиях и стройках области. Из Башкирии по обращению Свердловского обкома ВКП(б) отправляется группа пропагандистских работников из башкир для проведения «политмассовой работы среди рабочих БАССР, работающих на предприятиях области» (Региональные..., 2011: 38, 43). В соответствии с постановлением Башкирского обкома ВЛКСМ в июле 1943 г. на строительство Челябинской ТЭЦ направляется группа девушек-комсомолок для работы среди молодежи в качестве воспитателей (НА РБ. Ф. 341. Оп. 7. Д. 104. Л. 136–137). Подобных обращений из регионов страны в обком партии было немало, что подтверждается документальными источниками, выявленными в фондах Национального архива Республики Башкортостан.

В 1943 г. решением Государственного Комитета обороны на предприятия и стройки Башкирии прибыло свыше 2,5 тыс. трудомобилизованных граждан из Средней Азии, в основном узбеки и каракалпаки из Узбекской ССР. При использовании этой категории рабочих кадров в народном хозяйстве республики местным органам пришлось столкнуться с немалыми трудностями. В их числе можно назвать незнание приехавшими русского языка, а на предприятиях отсутствие работников, владевших их родными языками. Это оказывало серьезное влияние на освоении такой категорией рабочих производственных навыков и новых профессий, повышении профессиональной квалификации и производительности труда. В обком ВКП(б) руководством предприятий Уфы и Стерлитамака, где в основном были заняты трудомобилизованные, сообщалось об имевшихся «трудностях и неудобствах» в производственной и бытовой сфере, в политико-разъяснительной работе. В связи с этим городскими партийными органами принимаются решения о подборе людей, знающих родные языки прибывших народов и способных оказать необходимую помощь в проведении политико-разъяснительной работы среди узбеков и каракалпаков (НА РБ. Ф. 788. Оп. 1. Д. 139. Л. 163–163 об). Неудовлетворительным было состояние политико-массовой работы среди этих рабочих и на других производствах, где они были заняты. Это выявлялось в ходе проверок, а по итогам обкомом партии принимались соответствующие решения. В них обращалось внимание руководителей предприятий и ответственных лиц на недопущение подобных ошибок

и недоработок, а также на то, что важно «пресекать малейшее проявление великорусского шовинизма и не допускать грубостей и нецензурной брани» в отношении прибывших (НА РБ. Ф. 122. Оп. 22. Д. 29. Л. 269).

Большое значение в политико-воспитательной и пропагандистской работе среди населения отводилось радио и печати. Передачи Башкирского радиокomiteта велись на русском, башкирском и татарском языках. Много времени в них отводилось сообщениям Совинформбюро о подвигах советских людей на фронте и в тылу. В тоже время одним из недостатков являлось ведение передач, особенно молодежных, только на русском языке (НА РБ. Ф. 122. Оп. 24. Д. 437. Л. 290). Имевшиеся упущения и недоработки в этой области были вынесены на обсуждение бюро обкома ВКП(б) осенью 1944 г. В принятом постановлении состояние массово-политической и пропагандистской работы было охарактеризовано, как «запущенное». Среди выявленных недостатков указывалось на, что была «неудовлетворительно организована массово-политическая работа в городах среди трудящихся, не знающих русского языка», наблюдалась «запущенность» этой работы в районах республики среди сельского населения, неудовлетворительная организация кинообслуживания, местного радиовещания и обеспечения газетами (НА РБ. Ф. 122. Оп. 24. Д. 209. Л. 9–9 об).

В годы войны издание многих газет и журналов на национальных языках в Башкирской АССР было приостановлено по объективным причинам. В 1943–1944 гг. обкомом партии были приняты соответствующие решения по возобновлению их выхода. В итоге стали печататься: брошюра «Блокнот агитатора» на башкирском и татарском языках «в целях улучшения политической агитации среди коренной национальности на родном языке», ежемесячный общественно-политический и методический журнал «Учитель Башкирии» в помощь учителям башкирских и татарских школ, а также республиканские, районные и городские газеты на татарском, башкирском и русском языках. Так, постановлением обкома партии в январе 1944 г. было решено создать в Белорецком районе районную газету на башкирском языке «Сталин юлы», в Стерлитамакском районе районную газету на русском языке «За победу». В феврале того же года было принято решение возобновить с 1 марта издание республиканской татарской газеты «Кызыл тан» (Региональные..., 2011: 66, 249–251).

При проведении идеологической и массово-политической работы среди различных слоев населения в Башкирской АССР немаловажное значение придавалось находившимся в рядах действующей армии военнослужащим, недостаточно владевшим русским языком. Это зачастую создавало трудности при прохождении воинской службы, в политико-массовой работе, в общении с сослуживцами, о чем неоднократно сообщали в письменных обращениях в местные органы командиры частей, высказывали просьбы об отправке местных газет на национальных языках. Так, в октябре 1942 г. за подписью начальника отдела пропаганды и агитации политуправления Волховского фронта было направлено письмо в Башкирский обком ВКП(б) об отправке газет и журналов на башкирском языке, которые требуются для проведения воспитательной работы среди

бойцов-башкир «для быстрейшего разгрома врага» (НА РБ, Ф. 122. Оп. 21. Д. 23. Л. 302–302 об). Партийными органами республики в этом направлении принимались необходимые меры. Так, в октябре 1943 г. бюро обкома партии постановило издать на башкирском языке библиотечки из художественной литературы для бойцов-башкир из 17 названий объемом 26 печатных листов и общим тиражом 68 тыс. экземпляров и направить их на фронт (НА РБ. Ф. 122. Оп. 23. Д. 178. Л. 69 об). В январе 1944 г., согласно постановлению бюро Башкирского обкома ВЛКСМ, был организован сбор художественной литературы и музыкальных инструментов для башкирских бойцов Красной Армии (НА РБ. Ф. 341. Оп. 7. Д. 73. Л. 79–80). Усилиями сотрудников Башкирского научно-исследовательского института истории, языка и литературы было подготовлено и издано несколько работ на военно-патриотическую тематику из серии «Фронт и тыл» – «Отечественная война», «Башкирские конники в Отечественной войне 1812 года», «Герой гражданской войны Шагит Худайбердин», которые использовались в массово-политической работе на фронте и в тылу (Институт..., 2017: 14).

Необходимость национальных печатных изданий возникала при работе с эвакуированным населением, в использовании на производстве трудомобилизованных в республике и в регионах СССР. Она была связана с трудностями при проведении с ними культурно-воспитательной работы и в общении. В этом особое место занимали газеты на родных языках, которые посылались в места нахождения таких групп населения. Обращения в эти регионы страны сопровождались просьбами о передаче газет на родных языках для использования «...в агитационно-пропагандистской работе и в политическом воспитании трудящихся из коренной национальности на их родном языке» (НА РБ. Ф. 122. Оп. 23. Д. 49. Л. 39, 41). Так, в начале декабря 1943 г. в Чувашский обком ВКП(б) было направлено письмо Башкирского обкома партии с просьбой о предоставлении брошюр на чувашском языке. Такое же письмо обкома с просьбой направить в республику газеты на удмуртском языке поступило в Удмуртию в адрес областного комитета партии (Региональные..., 2011: 77, 78).

В Башкирии в годы Великой Отечественной войны наблюдалось оживление религиозной жизни. В этом особую роль сыграла деятельность Центрального Духовного управления мусульман (ЦДУМ) и позиция муфтия А. Расулева. Подчеркнем, что происходившие серьезные изменения в эти годы в деятельности партийных, советских органов и общественных организаций коснулись и религиозных. Новые веяния отразились на их роли в общественной жизни и осуществляемой деятельности, что было связано с «потеплением» в отношении них руководства страны. В первый же день войны глава Русской Православной церкви митрополит Сергей обратился к верующим с призывом молиться и сражаться за победу. Не остался в стороне муфтий ЦДУМ А. Расулев, призвавший с оружием в руках встать на защиту Родины и принять посильное участие в сборе средств в фонд обороны (Религиозные..., 1992: 53). В марте 1943 г. в одном из номеров газеты «Правда» была опубликована направленная на имя И.В. Сталина телеграмма муфтия о внесении им 50 тыс. рублей личных средств

в фонд обороны. Его обращение получило широкую поддержку в республике. В мечетях было собрано и внесено в фонд обороны свыше 192,6 тыс. рублей из личных сбережений людей, в этом немалым был вклад башкирского и татарского населения (НА РБ. Ф. 122. Оп. 25. Д. 5. Л. 5).

В то же время проводившаяся в период войны национальная политика, взаимоотношения власти и творческой национальной интеллигенции характеризовались напряженностью и противоречивостью, зачастую принимались необдуманные решения. Одним из подобных мер явилось решение Бирского райкома партии от 25 декабря 1941 г. о «снятии с работы директора Бирского педагогического института А.А. Овчинникова, как незнающего татарско-башкирского языка», которое, как «неправильное», Башкирский обком ВКП(б) отменил своим постановлением в марте 1942 г. (Региональные..., 2011: 29).

На национальную интеллигенцию продолжало усиливаться идеологическое давление. В эти годы в Башкирской АССР, как и в стране в целом, происходил заметный рост интереса в литературе и искусстве к историческому прошлому. Были изданы работы по истории, культуре башкирского народа, в их числе «Башкиры в боях за город Ленина», «Боевые традиции башкирского народа», «Библиотека красноармейца», «Отечественная война» и многие другие (Институт..., 2017: 14). Однако их выход не вызывал особого приветствия со стороны партийных органов. Более того, они получали негативные оценки в решениях обкома партии.

Осенью 1944 г. ситуация осложнилась после принятия в августе месяце ЦК ВКП(б) по итогам проверки постановления «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации» (КПСС..., 1985: 513–520). Аналогичные проверки последовали по многим регионам страны, в том числе в Башкирии, особенно по линии деятельности творческой интеллигенции. 17 октября 1944 г. на заседании бюро обкома партии принимается постановление, в котором отмечается неудовлетворительное состояние и запущенность в этой области. Имевшиеся ошибки в литературе, искусстве и в освещении истории Башкирии оценивались с позиции, что «история Башкирии рассматривается в отрыве от истории русского народа». Подчеркивалось, что в произведениях башкирских писателей отражается, главным образом, участие в Великой Отечественной войне башкир, участие других народов «умаляется», ввиду чего они «не воспитывают чувства дружбы и любви к народам советской страны» (НА РБ. Ф. 122. Оп. 24. Д. 209. Л. 5 об–6). Выступая на собрании областного партийного актива, первый секретарь Башкирского обкома ВКП(б) С.Д. Игнатъев особое внимание уделил анализу произведений некоторых башкирских писателей, в которых «видное место занимает описание национальных и националистических предрассудков». В итоге обком постановил отделу пропаганды и агитации обратить «особое внимание» на организацию работы по идейно-политическому воспитанию писателей, работников искусства и научных работников (НА РБ. Ф. 122. Оп. 24. Д. 86. Л. 79–80).

В ЦК ВКП(б) секретарю Г.М. Маленкову Башкирским обкомом партии осенью 1944 г. направляется информация об установленных соответствующими органами в среде башкирских писателей националистических настроений, в отношении которых он «усиливает работу», а также среди других групп интеллигенции (учителя, врачи, работники искусства) (НА РБ. Ф. 122. Оп. 24. Д. 4. Л. 339). В «исправлении» сложившейся ситуации в работе с интеллигенцией следующим шагом местных органов стало проведение в конце 1944 г. областного партийного актива, на котором обсуждался вопрос «О недостатках и задачах идеологической и массово-политической работы» в Башкирской АССР. На нем указывалось на отсутствие необходимого внимания к вопросам идейно-политического воспитания кадров, и особенно к работе среди интеллигенции, что привело к «серьезным идеологическим ошибкам», допущенным в художественной литературе, искусстве и в освещении истории Башкирии (НА РБ. Ф. 122. Оп. 24. Д. 86. Л. 76).

Несмотря на принятые обкомом меры, направленные на «идейно-политическое воспитание» работников творческих и научных организаций, в области агитации и пропаганды в республике, ситуация практически не изменилась. Такое «упущение» и «игнорирование» работниками, а также руководством республики было пресечено ЦК ВКП(б), став предметом его особого внимания и принятием в январе 1945 г. специального постановления «О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в Башкирской партийной организации» (КПСС..., 1985: 539–543). В нем отмечались «серьезные недостатки» в работе партийных организаций республики по идейно-политическому воспитанию партийных, советских и комсомольских кадров, «серьезные идеологические ошибки» в освещении исторического прошлого башкирского народа.

Вокруг принятого постановления была развернута шумная кампания – организовывались пленумы обкома, райкомов и горкомов партии, собрания творческих работников, где осуждались некоторые «оступившиеся товарищи». В феврале 1945 г. на пленуме обкома партии были намечены мероприятия по «коренному улучшению идейно-политической работы среди интеллигенции и исправлению идеологических ошибок» (Резолюции..., 1962: 154). Подобные действия со стороны центральных и местных партийных органов по вмешательству в деятельность творческих и научных работников негативно отразились не только на развитии литературы, искусства и науки, на творчестве национальной интеллигенции, но и в целом на развитии автономной республики. Борьба против проявлений национального самоутверждения в литературе и истории велась путем внедрения в общественное сознание концепции советского патриотизма (Пыжиков, Данилов, 2002: 176).

В общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни Башкирии в условиях военного времени, наряду с позитивными тенденциями, проявлялись и негативные, что определялось проводимой партией и советским государством национальной политикой, которой было присуще заметное внимание и поддержка с обязательным вмешательством и «партруководст-

вом», за которым следовало игнорирование и принуждение. Настроения недовольства, проявления асоциальных, протестных явлений, имевшие место непростые взаимоотношения местного и эвакуированного населения были присущи всем категориям населения, что указывало на сложность и противоречивость национальной политики и межнациональных отношений в эти годы в стране и ее регионах, в их числе в Башкирии.

В годы Великой Отечественной войны в Башкирской АССР имели место «некоторые нездоровые явления» в межнациональных отношениях, что фиксировалось органами НКВД и на что обращалось внимание партийных органов. Это подтверждают документальные источники, отложившиеся в фондах Национального архива Республики Башкортостан. В одном из документов – докладной записке на имя секретаря обкома партии одного из его работников – информировалось о случаях «межнациональной розни», с которыми ему пришлось столкнуться во время командировок по линии своей лекторской работы в ряде районов и в городах. Он сообщал, что «как член партии обязан чутко прислушиваться к политическим настроениям масс, выявлять нездоровые, враждебные нам явления» и приводил случаи «межнациональной розни», в основном антисемитской направленности, которые «наблюдал лично, либо его информировали местные работники» в Буздякском, Бирском, Белебеевском, Нуримановском районах и в Уфе. Для исправления сложившейся ситуации и во избежание повторения подобных явлений в общественной жизни им предлагалось осуществить по линии пропаганды и агитации ряд мероприятий, в частности, «усилить тематику лекций, докладов, бесед и пр., в которых рассмотреть вопросы Сталинской дружбы народов СССР, расовой теории германского фашизма, а также специальные лекции об антисемитизме, кроме того, они должны найти отражение в областной и районных печатных изданиях» (Региональные..., 2011: 146, 148).

Согласимся с мнением исследователей, считавших, что в годы Великой Отечественной войны, особенно в ее первой половине, внимание к национальным вопросам заметно ослабело, но затем в национальной политике верх взяли тенденции жесткой централизации и унификации национальной жизни (Мерзлякова, 1993: 34). Участие народов Башкирской АССР во всех сферах экономики и социальной жизни, представительство в органах власти и общественных организациях в эти годы характеризовались двумя тенденциями. Первая – наблюдался заметный подъем самосознания народов, выразившийся в высоком патриотизме и желании быть вместе с республикой, советской страной при защите общей Родины – СССР. Вторая – наблюдалась явная недооценка народов центральными и местными органами власти как полноценных субъектов политической жизни, что особенно проявлялось в их представительстве в органах власти, управления, в партии и общественных организациях, на номенклатурных должностях. Это же касалось обкома партии, во главе которого всегда стояли «посланцы» из центра, в основном русской национальности. Такая ситуация сохранялась и в последующем, вплоть до середины 1950-х гг., когда

впервые на эту должность был назначен центром местный кадр, по национальности башкир – З.Н. Нуриев.

Несмотря на имевшиеся явные упущения и недоработки в проведении национальной политики, в годы войны в Башкирской АССР было размещено большое количество перебазированных из «угрожаемых зон» предприятий, ведомств и учреждений, почти 300 тыс. гражданского населения 27 национальностей, эвакуированных в основном из западных и центральных регионов СССР. В числе разместившихся были институты и структуры Академии наук Украинской ССР, учебные заведения Белорусской ССР, научно-исследовательские институты Азербайджанской ССР, Исполком Коминтерна и др. (История..., 2004: 314, 315). В республику были направлены свыше 40 детских дошкольных и школьных учреждений, в их числе для испанских детей (Ахмадиев, 1984: 25–26). В соответствии с постановлением правительства БАССР от 10 августа 1942 г. в некоторых городах и районах республики были размещены детские дома для испанских детей, эвакуированных из западных регионов страны (Связи..., 1980: 88–89).

В годы войны при проведении национальной политики в Башкирии, реализации принимавшихся мер по «исправлению» положения в культурной жизни республики, деятельности творческой интеллигенции немаловажное значение придавалось подготовке национальных кадров из башкир и татар в высших учебных заведениях республики. Для выявления реального состояния их представительства среди обучающихся в вузах регулярно проводились проверки. По их итогам обкомом партии и правительством республики принимались соответствующие решения в целях улучшения ситуации. В мае 1943 г. бюро обкома партии обсуждает вопрос подготовки национальных кадров в высших учебных заведениях в республике. Отмечалось, что проверка выявила «крайне неблагоприятное положение национальной прослойки» в составе студентов в институтах. Так, в сельхозинституте из общего числа студентов было 5 башкир и 13 татар, в пединституте в общем числе студентов – 9 башкир и 56 татар. Такое же положение было выявлено в медицинском институте. Это объяснялось недостаточным вниманием к этому ответственному вопросу руководством вузов, партийных, советских и общественных органов (НА РБ. Ф. 122. Оп. 23. Д. 173. Л. 57).

Привлечение документальных источников, отложившихся в фондах Национального архива Республики Башкортостан, позволяет акцентировать внимание на многих других, не менее важных аспектах актуальной и недостаточно исследованной научной проблемы на региональном уровне. В то же время проведенное исследование темы в статье позволило сделать следующий вывод.

Великая Отечественная война внесла серьезные коррективы в общественно-политическую жизнь, включая национальную, в деятельность партийно-государственного аппарата, общественных и религиозных организаций, потребовав их кардинальной перестройки и напряженной работы. Она отразила продолжающееся тотальное идеологическое проникновение партии и государства во все стороны жизнедеятельности общества, всех граждан, подчинила их

жизнь единому стандарту в условиях военного времени для решения самой главной задачи – одержать победу над врагом и освободить Родину. Несмотря на сложности, противоречия и упущения в национальной политике в этот период, Победа в войне была достигнута колоссальным напряжением и самоотверженностью граждан различных национальностей всех регионов СССР, включая Башкирскую АССР. Нельзя не согласиться с историком, фронтовиком Т.Х. Ахмадиевым, познавшего на фронте цену поддержки и взаимопонимания своих однополчан, представителей разных народов. В своем монографическом исследовании он написал: «Национальная политика Коммунистической партии выдержала тяжелые испытания войны. Все народы страны, как один человек, поднялись на священную, освободительную войну, в тылу и на фронте проявляли невиданную сплоченность и взаимопомощь, преданность партии и Родине. Братский союз народов нашей страны, единство и сплоченность всех наций были одним из решающих факторов разгрома врага» (Ахмадиев, 1984: 274, 276).

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interest.

ИСТОЧНИКИ

- НА РБ, Ф. 122. Оп. 21. Д. 23. Л. 302–302 об.
- НА РБ. Ф. 122. Оп. 22. Д. 29. Л. 269.
- НА РБ. Ф. 122. Оп. 23. Д. 49. Л. 39, 41.
- НА РБ. Ф. 122. Оп. 23. Д. 173. Л. 57.
- НА РБ. Ф. 122. Оп. 23. Д. 178. Л. 69 об.
- НА РБ. Ф. 122. Оп. 24. Д. 4. Л. 339.
- НА РБ. Ф. 122. Оп. 24. Д. 86. Л. 76, 79–80.
- НА РБ. Ф. 122. Оп. 24. Д. 209. Л. 5 об.–6, 7, 9–9 об.
- НА РБ. Ф. 122. Оп. 24. Д. 437. Л. 290.
- НА РБ. Ф. 122. Оп. 25. Д. 5. Л. 5.
- НА РБ. Ф. 122. Оп. 25. Д. 40. Л. 204.
- НА РБ. Ф. 341. Оп. 7. Д. 104. Л. 136–137.
- НА РБ. Ф. 341. Оп. 7. Д. 180. Л. 79–80.
- НА РБ. Ф. 342. Оп. 2. Д. 1725. Л. 173–175.
- НА РБ. Ф. 788. Оп. 1. Д. 139. Л. 158, 163–163 об., 191.
- НА РБ. Ф. 798. Оп. 8. Д. 437. Л. 78.

ЛИТЕРАТУРА

Ахмадиев Т.Х. Башкирская АССР в годы Великой Отечественной войны. Уфа: Башкиргоиздат, 1984.

Институт истории, языка и литературы в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в документах и материалах. Отв. ред. *Р.Н. Сулейманова*. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2017.

История Башкортостана. 1917–1990-е годы. В 2-х т. Т. 1: 1917–1945. Отв. ред. Р.Н. Сулейманова. Уфа: Гилем, 2004.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 7. 1938–1945. М.: Политиздат, 1985.

Мерзлякова Г.В. Общественно-политическая и трудовая активность женщин автономных республик Поволжья и Приуралья в годы Великой Отечественной войны. Автореф. дис. ... д.и.н. СПб., 1993.

Осуществление в Башкирской АССР ленинских принципов интернационального сплочения трудящихся. Отв. ред. Т.Х. Ахмадиев. Уфа: Башкнигоиздат, 1985.

Пыжиков А.В., Данилов А.А. Рождение сверхдержавы. 1945–1953 годы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.

Региональные особенности национальной политики СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Башкирская АССР. Сборник документов и материалов. Отв. ред. Р.Н. Сулейманова. Уфа: АН РБ, Гилем, 2011.

Резолюции областных конференций Башкирской партийной организации и пленумов Обкома КПСС (1941–1960 гг.). Уфа: Башкнигоиздат, 1962.

Религиозные организации в СССР: накануне и в первые годы Великой Отечественной войны (1938–1943 гг.). Публикацию подготовил М.И. Одинцов // Отечественные архивы. 1995. № 2. С. 52–54.

Связи братские, интернациональные. Документы и материалы об интернациональных связях трудящихся БАССР с трудящимися зарубежных стран. Под редакцией В.П. Иванкова. Уфа: Башкнигоиздат, 1980.

REFERENCES

Akhmadiev T.Kh. (1984) *Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic during the Great Patriotic War*. Ufa: Bashkir Book Publ. House. (In Russ.)

Implementation of Lenin's principles of international cohesion of workers in the Bashkir ASSR (1985). Ufa: Bashkir Book Publ. House. (In Russ.)

Institute of History, Language and Literature during the Great Patriotic War of 1941–1945 in documents and materials (2017). Ed. R.N. Suleymanova. Ufa: IHLL UFRC RAS Publ. (In Russ.)

Merzlyakova G.V. (1993) *Socio-political and labor activity of women of the autonomous republics of the Volga and Ural regions during the Great Patriotic War*. Abstract of Diss. Doctor Hist. Sciences. St. Petersburg. (In Russ.)

Pyzhikov A.V., Danilov A.A. (2002) *The birth of a superpower. 1945–1953*. Moscow: OLMA-PRESS Publ. (In Russ.)

Regional Features of the USSR national policy of during the Great Patriotic War of 1941–1945. Bashkir ASSR. Collection of Documents and Materials (2011). Ed. R.N. Suleymanova. Ufa: Bashkortostan Academy of Sciences, Gilem Publ. (In Russ.)

Odintsov M.I. (1995) *Religious organizations in the USSR: on the eve and in the first years of the Great Patriotic War (1938–1943)*. Prepared by M.I. Odintsov. *Otechestvennye arhivy* [National Archives]. No. 2: 52–54. (In Russ.)

Resolutions of regional conferences of the Bashkir party organization and plenary sessions of the Regional Committee of the CPSU (1941–1960) (1962). Ufa: Bashkir Book Publ. House (In Russ.)

The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenary sessions of the Central Committee. Vol. 7. 1938–1945. (1985) Moscow: Politizdat Publ. (In Russ.)

History of Bashkortostan. 1917–1990s. (2004) Vol. 1: 1917–1945. Ed. R.N. Suleymanova. Ufa: Gilem Publ. (In Russ.)

Fraternal, international ties (1980) Documents and materials on international ties of the BASSR workers with workers of foreign countries. Ed. V.P. Ivankov. Ufa: Bashkir Book Publ. (In Russ.)

Сведения об авторе: Сулейманова Рима Нугамановна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом новейшей истории Башкортостана, Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (450054, проспект Октября, 71, Уфа, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0003-1877-5421>; e-mail: rnsulejman@mail.ru

About the author: Rima N. Suleymanova, Doctor Sc. (History), Chief Researcher, Head of the Department of Contemporary History of Bashkortostan, Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (71 Oktyabrya Avenue, Ufa 450054, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0003-1877-5421>; e-mail: rnsulejman@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 13.02.2025

Доработана после рецензирования / Revised 13.06. 2025

Принята к публикации / Accepted 19.06.2025

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2025-10-3.367-384>

EDN: КНЈНУЕ

Этноконфессиональные традиции татар Саратовского края в условиях советской социокультурной и экономической системы

А.А. Хабибуллин

Медресе «Шейх Саид»

Духовного управления мусульман Саратовской области

Саратов, Российская Федерация

ali.xabibullin@yandex.ru

Резюме. Статья посвящена истории татар Саратовского края (Саратовская, Пензенская области). На основе изученных с привлечением архивных источников и материалов интервьюирования, истории татарских сел и городских мусульманских общин рассматриваются процессы сохранения, укрепления и с другой – трансформации этноконфессиональных традиций татар-мишарей в условиях действия советской социокультурной и экономической системы. В статье определено значение духовно-нравственных ценностей, функционирования конфессиональных институтов и национальных учреждений образования в сохранении национальной и религиозной идентичности татар. Рассматривается вклад выпускников джадидистских школ в становление системы национального советского образования и культуры. Отдельное внимание уделяется анализу вопроса о противостоянии носителей традиционного мусульманского и советского секуляризованного мировоззрения. Поэтапно рассмотрены процессы нивелирования влияния народных национально-религиозных традиций, хозяйственного уклада и всестороннего влияния советской системы на формирование нового облика татар. Затрагиваются вопросы отражения голода, раскулачивания, закрытия и слома мечетей, коллективизации на качественную составляющую основ традиционного татарского общества. В статье делается вывод об имевшем место в начале 1920–1930-х годов процессе подмены цивилизационных ценностей, духовной культуры татар. Наряду с аккультурацией татар в условиях советской системы в 1920–1980-е годы рассматриваются сохранявшиеся на протяжении десятилетий советского периода развития народные традиции и фольклор.

Ключевые слова: этноконфессиональные традиции, *махалля*, мечети, *мектебе*, секуляризация, национальная школа.

Для цитирования: Хабибуллин А.А. Этноконфессиональные традиции татар Саратовского края в условиях советской социокультурной и экономической системы. *Историческая этнология*. 2025. Т. 10. № 3. С. 367–384. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-3.367-384> EDN: КНЈНУЕ

Ethno-confessional traditions of the Tatars of the Saratov region in the context of the Soviet socio-cultural and economic system

A.A. Khabibullin

Sheikh Said Madrasah of the Saratov Region Religious Board of Muslims

Saratov, Russian Federation

ali.xabibullin@yandex.ru

Abstract. This article focuses on the history of the Tatars of the Saratov territory (i.e. the Saratov and Penza regions). An extensive study of archival materials, an analysis of interview data and historical records of Tatar villages and urban Muslim communities allowed the author to investigate the processes of preservation, consolidation and transformation of ethno-confessional traditions of Mishar Tatars, which took place under the influence of the Soviet social, cultural and economic system. The article defines the important role of spiritual and moral values, the functioning of confessional institutions and national educational institutions in the preservation of the Tatars' national and religious identity. It also examines the contribution of Jadidist school graduates to the development of the national Soviet educational system and culture. The researcher draws attention to the opposition between adherents of traditional Muslim and secular worldviews. The article evaluates, on a step by step basis, the processes of levelling out the impact that the people's national and religious traditions, household practices and pervasive influence of the Soviet system had on shaping of a new image of the Tatars. In addition, the article examines how the famine, dekulakization, closure and demolition of mosques and collectivization campaign affected the qualitative foundation of the traditional Tatar society. The author concludes that during 1920–1930s the Tatar society underwent through the process of replacement of their civilizational values and their spiritual matrix. The paper also studies the folk traditions and folklore, which persisted for decades alongside the acculturation process of the Tatars during the Soviet 1920–1980s.

Keywords: ethno-religious traditions, mahalla, mosques, mektebe, secularization, national school.

For citation: Khabibullin A.A. (2025) Ethno-confessional traditions of the Tatars of the Saratov region in the context of the Soviet socio-cultural and economic system. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 10. No. 3: 367–384. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-3.367-384> (In Russ.)

Значимость традиций в жизни и истории любого народа неопределима. Обладая большой устойчивостью, они способствуют укреплению менталитета – социокультурного механизма преемственности ценностей народа. Степень успешности освоения новыми поколениями традиций своего народа, образа мышления, языка, наряду с выработыванием алгоритмов действия в условиях современных общественно-экономических реалий, во многом определяет жизнеспособность нации.

Проблема сохранения этноконфессиональных традиций для татар была актуальна во все периоды истории и остается таковой и в настоящее время. Существенно важным является и понимание роли социокультурных институтов, способствовавших фундированию национальных и религиозных ценностей татар в условиях российской действительности.

Тема, посвященная этноконфессиональным традициям татар Саратовского края советского периода истории, ранее не становилась объектом специальных исследований. Вместе с тем те или иные аспекты темы рассматривались во время изучения истории отдельных татарских сел края. Особое место среди работ, посвященных истории и культуре татарских селений Правобережья Саратовского края, занимают книги доктора исторических наук, профессора, почетного члена АН РТ Ф.А. Рашитова (Рашитов, 2023). В 2020 г. под его редакцией группой саратовских ученых и краеведов был выпущен энциклопедический справочник «Татары Саратовского Поволжья», в котором нашли место статьи по культуре татар, известным имамам, учителям, общественным деятелям (Татары Саратовского Поволжья..., 2020). В последнее десятилетие автором статьи были изданы книги по истории татарских сел Саратовского края (Хабибуллин, 2017; Хабибуллин, 2020). Описание традиций татарских сел Пензенской области нашло отражение в работах Р.Х. Алюшева и Ф.М. Зюзина (Зюзин, Алюшев, 2020).

Целью данного исследования является изучение этноконфессиональных традиций татар Саратовского края в условиях советской социокультурной и экономической системы. Сообразно цели поставлены следующие задачи:

- изучить процесс изменения ценностной составляющей системы образования у татар, реализации мер по секуляризации их жизни и мировоззрения;
- показать процессы трансформации народных форм культуры и традиций;
- выявить особенности форм сохранения религиозных обычаев и традиций и определить их роль в процессе самоидентификации татарского этноса;
- проанализировать влияние преобразований 1930-х годов на национально-религиозные традиции и формирование новой идентичности.

Численность татарского населения Саратовской губернии по переписи 1897 г. составляла 94 693 человека (Первая Всеобщая перепись..., 1904: 80–81), а к 1928 г. достигла 113 тысяч человек (Трофимов, 1928: 1). Татары преимущественно проживали в сельской местности. Городское население представляло лишь 2,5 % нации. В дореволюционный период истории одним из ключевых факторов, способствовавшим сохранению национальных и религиозных традиций татар Саратовского края, являлся моноэтнический характер селений. Составляющей частью социально-культурной, духовной жизни татарского общества являлась традиционная религиозная община – *махалля*. Она способствовала сохранению объединяющих начал верующих вокруг общих цивилизационных ценностей, совместному выработыванию методов и форм решения возникающих различного рода проблем. Колоссальную роль в сохранении этнорелигиозного самосознания, воспитании населения в духе национальных этических норм и обычаев наряду с мечетями играли приходские школы – *мектебе*.

В конце XIX – начале XX в. традиционный уклад жизни татар начал меняться. Несмотря на неизбежные процессы аккультурации, особенно в городах, представители татарского народа искали механизмы укрепления традиционных ценностей, стремились противостоять ассимиляции. Одним из проявлений

усердия в этом направлении стало отрицание новшеств, в том числе научных знаний и открытий. Это неприятие подкреплялось сложившимся под влиянием государственной политики прошлых столетий стереотипов неприятия всего инородного, «немусульманского». Прежде всего, это касалось русского языка, европейской одежды и даже пищи растительного происхождения. Довольно продолжительный исторический период эти стереотипы, сформировавшиеся как «ответ» на процесс культурной ассимиляции, действительно способствовали решению задачи сохранения национальной и религиозной идентичности, традиций. Однако в условиях меняющихся реалий конца XIX – начале XX вв. они стали сдерживающим фактором в развитии нации. Соответственно появление и воплощение идей реформирования татарско-мусульманского общества в форме джадидизма стало новым «ответом» на вызовы времени. В Саратовской губернии практически во всех селах открывались новометодные *мектебе*. Их деятельность во многом способствовала подготовке кадров советской интеллигенции. Ярким примером функционирования джадидистских школ могут служить *мектебе* Осиново-Гайской волости Новоузенского уезда Самарской губернии и Петровского уезда Саратовской губернии. В селах Суляевка и Старый Карлыган Петровского уезда учителями новометодных школ работали выпускники Галеевского медресе Казани – Галляметдин Хантемиров (ОГУ ГАСО Ф. 637. Оп. 2. Д. 3038. Л. 1 об.) и Шахимардан Яраев (ОГУ ГАСО Ф. Р–1. Оп 1. Д. 1779. Лл. 11, 11 об.). Кадимистски настроенные муллы, старейшины приходо-в усматривали в деятельности новометодных школ угрозу как религиозным устоям, так и национальной идентичности татар. Противодействие защитников религиозных традиций прогрессивным изменениям в образовании проявлялось в различных формах, от публичного словесного осуждения до прямого физического противостояния (Хабибуллин, 2017: 86–87).

После Октябрьской революции 1917 г. в Саратове был создан Саратовский губернский отдел по делам мусульман. Одной из его задач стало открытие на местах с мусульманским населением школ, основанных на новых социалистических началах. Необходимо было обучить армию педагогических кадров, способных воспитать советских людей. С этой целью в крае открывались курсы по подготовке учителей. При организаторском участии Ш.А Рамазанова они были проведены в 1918 г. в г. Петровске Петровского уезда (Алтата авылы ..., 2007: 115), в 1918 г., 1920 г. – в селе Осин Гай Новоузенского уезда (ОГУ ГАСО. Ф. Р–1. Оп 1. Д. 1473. Л. 13, об. 14).

Открываемые повсеместно советские школы первой ступени располагались в помещениях *мектебе* и должны были содержаться из местного бюджета. Однако мусульмане при неофициальной агитационной поддержке имамов мечетей отказывались содержать учителей и работу школ. В условиях голодных 1921–1922 гг. многие школы были закрыты. В эти годы татарские села потеряли до половины своих жителей. Последствия трагических событий голода ослабили качество межпоколенных связей, тысячи детей получили воспитание в детских домах, многие потеряли связь с родителями и родиной.

Не выступая открыто против советской власти и ее мероприятий, имамы мечетей и муэдзины в 1920-е годы сохраняли свое определенное влияние на население, в том числе на молодежь, составляя конкуренцию новой власти.

В 1923 г. многие мусульмане страны в массовом порядке направляли в ВЦИК докладные записки с просьбой о разрешении мусульманского образования в мечетях. Постановление ВЦИК и СНК СССР (октябрь 1923 г.) позволило в мусульманских регионах организацию группового преподавания вероучения в мечетях и частных домах, в свободное от занятий время, лицам, достигшим совершеннолетия по шариату и имеющим образование в объеме 3-х классов школы первой степени (Миннуллин, 2013: 362).

Мусульмане татарских сел Нижне-Волжского края в ответ на свои обращения в местные исполнительные комитеты об открытии *мектебе* при мечетях в 1925–1928 гг. получали такие разрешения. Пик открытия религиозных школ в стране и в крае пришелся на 1926 г. Так, в селе Суляевке Петровского уезда к этому времени возобновилось функционирование четырех *мектебе*, в селе Новая Усть-Уза того же уезда – 2 *мектебе*. Религиозные школы функционировали в 5-ти мечетях сел Дергачевского района (ОГУ ГАСО. Ф. 521. Оп. 4. Лл. 9–9об.; Оп. 1. Д. 1917. Л. 3, об.; Д. 1426. Лл. 26, 122; Д. 2698. Лл. 4, 20, об.). В селе Старый Мостяк Хвалынского уезда обучение детей было организовано в двух частных домах (Рашитов, 2023: 168).

Работа *мектебе* являлась важным условием сохранения религиозного мировоззрения татар в условиях атеистической пропаганды. Осознавая эту опасность для себя, советское государство вновь перешло в наступление. С 1927 г. начали чиниться многочисленные административные барьеры при открытии религиозных школ, были предусмотрены репрессивные меры. Родители, водившие детей в *мектебе*, подвергались административному и психологическому давлению со стороны местных партийно-государственных органов. Аккордом антирелигиозной образовательной политики власти стала отмена разрешительного постановления относительно религиозных школ, принятая 18 июня 1928 г. решением Президиума ВЦИК.

В последние годы НЭПа (1927–1928 гг.) положение в сфере школьного образования стало улучшаться. Во многом это стало возможно благодаря открытию в Саратове в 1924 г. татарского отделения Педагогического техникума, в последующие годы преобразованного в отдельное учебное заведение. Директором педагогического техникума являлся уроженец села Старый Карлыган Петровского уезда Рамазанов Шигап Алимович (1887–1948 гг.), заведующим по учебной части – уроженец села Алтата Новоузенского уезда Яфаров Бекер Гарифуллович (1893–1954). Всего с 1924 по 1932 гг. Саратовский педагогический техникум подготовил 138 учителей по основной и 393 учителя по дополнительной (краткосрочной) программе. Контингент студентов в основном состоял из молодежи татарских деревень губернии (Татары Саратовского Поволжья..., 2020: 155, 195, 240).

Из выпускников техникума формировался как педагогический состав, так и руководство школ, действовавших по всему Нижне-Волжскому краю. Примечательно то, что среди учительских кадров, обучившихся в техникуме, были представители дореволюционной интеллигенции. Как правило, они являлись детьми имамов и зажиточных крестьян, которые в 1930–1933 гг. либо сами, либо их родители подверглись раскулачиванию. Таковыми, например, были Хайров Шакир Жалюкович (1903), уроженец села Алтата Новоузенского уезда, первый директор Алтатинской школы крестьянской молодежи Нарбиков Абдулла Садыкович (1896–1978), уроженец села Старый Вершаут Петровского уезда, народный учитель Яраев Шахимардан Хусаинович (1893–1969), уроженец села Новая Усть-Уза (ОГУ ГАСО Ф. Р–1. Оп 1. Д. 1779. Лл. 11, 11, об.).

Многие жители татарских сел по религиозным мотивам и по причине материальной необеспеченности не отдавали своих детей в советскую школу (ПМА, 2018: Багапова). Они полагали, что, освоив русский язык и научившись ставить кресты (знаки сложения), последние потеряют веру и обрусеют (ПМА, 2012: Хусаинова). Учителя школ вели массовую агитационную работу в пользу всеобуча. Консервативно настроенные родители вызывались в сельский совет для разъяснительной беседы на тему вреда религии (Хабибуллин, 2020: 176).

Вместе с тем в становлении новой системы образования в селе можно проследить определенную преемственность между светскими школами и дореволюционными *мектебе*. Это касалось использования помещений, преподавательских кадров, а также сложившегося традиционного отношения к значимости получения знаний в целом. В этом ключе можно говорить о сохранении утвердившихся в татарском обществе традиционного этикета в условиях школы, понятий нравственности, уважения к учителям.

По переписи 1926 г. татары по грамотности продолжали занимать передовое место среди всех народов Советского Союза (Муртазин, 2002: 55). С введением яналифа в 1927 г. и отказа от арабской грамоты они были вынуждены осваивать новый алфавит, основанный на латинской графике. Считалось, что его внедрение в массы позволит пользоваться достижениями современной науки и техники и сформировать национальную социалистическую культуру. Однако татарское население воспринимало освоение новой графики как отступление от постулатов религии (ПМА, 2012: Хусаинова). Местные партийные организации в качестве противовеса такому консервативному влиянию применяли методы морального давления, вели разъяснительные беседы и штрафовали родителей учеников (ОГУ ГАНИСО. Ф. 2097. Оп. 1. Д. 7. Л. 17).

Перевод татарской графики на яналиф, затем в 1939 г. на кириллицу способствовал дальнейшей русификации татар и их отдалению от мусульманско-арабской культуры, от многовекового книжного наследия. К этим последствиям в перспективе вело и изъятие из обращения, уничтожение книг и учебников, имевшихся в фондах мечетей, медресе, в личных библиотеках мусульман. Факты о сожжении и закапывании религиозных изданий были зафиксированы со слов старожилых татарских сел (ПМА, 2012: Хусаинова).

Одновременно с организацией новых форм культурно-досуговой занятости населения, ликвидации его неграмотности шел процесс освобождения татар от религиозного мировоззрения и многовековых традиций. Для достижения этой цели активно работали антирелигиозные кружки. Однако их работа была затруднена из-за отсутствия литературы для пропаганды атеизма на татарском языке (ОГУ ГАНИСО. Ф. 2097. Оп. 1. Д. 7. Л. 9). Языковой барьер играл роль буфера, защищавшего какое-то время сознание крестьян от проникновения советской идеологии.

Основную роль в решении задачи власти по секуляризации мировоззрения татар выполняли сельские учителя. В школах еженедельно проводились антирелигиозные часы, школьникам запрещалось заучивать тексты молитв, поститься, произносить имя бога – «Аллах». В месяц поста учителя встречали учеников с куском хлеба и стаканом воды. Преподаваемые предметы сопровождались атеистической риторикой. Однако антирелигиозная пропаганда слабо проникала в семейную среду, где дети продолжали получать исламское воспитание (ГАНИСО. Ф. 2097. Оп. 1. Д. 229. Л. 32). Поэтому для нейтрализации влияния религии на воспитание новая власть через армию проводников советской идеологии всячески стремилась дискредитировать «отставших от жизни» родителей. Эта тенденция находила свое отражение на страницах печати. В качестве примера можно привести стихотворение, размещенное в 1927 г. в газете «Ялкын», выходившей в Саратове (Ялкын, 1927). Текст стихотворения был написан на арабской графике.

*Байрамгез котлы булсын, эткэй!
Байрамга сез артык булак миннән кәтмәгез.
Өзелеп-өзелеп өйгә чакырсаң та,
Килми диеп мине сүкмәгез.
Байрам икән, безгә барыбер,
Без анардан ни дә кәтмибез.
Кәжә чалып мулла сыйлау белән
Жәннәт фәлән өмет итмибез.*

/ Поздравлю вас с вашим праздником, папа, но не ждите от меня более подарков. Не ругайте меня за то, что не приеду к вам в гости (на праздник), как бы вы меня не приглашали. Нам безразличен этот праздник и от него ничего не ждем. Мы не надеемся попасть в рай, угостив муллу заколотым козлом (жертвенным животным на праздник Курбан-байрам) (перевод – авт.).

В 1929–1930 гг. в условиях проведения кампаний по сплошной коллективизации и раскулачиванию в стране усилился экономический и психологический нажим на мусульманское духовенство. Повсеместно имамов вынуждали к отказу от занимаемых должностей. Так, в 1929 г. на страницах краевой газеты «Ялкын» имамы мечетей татарских сел Алтата и Верхазовка Дергачевского района официально объявили об оставлении работы (Ялкын, 1929, 8 декабря;

Ялкын, 1929, 29 декабря). Власть взяла курс на закрытие мечетей с дальнейшим использованием их под социально-культурные учреждения. Добиваться этого следовало «путем широкой массовой работы», т.е. подготовки сознания людей к коренным переменам. Один из ключевых моментов этих перемен заключался в достижении важной цели: отвадить татар от мечети, являвшейся центральным объектом цементирования религиозного сознания мусульман. В итоге большинство мечетей татарских сел в эти годы было закрыто по причине неуплаты налогов, которые в предшествующие годы собирались населением добровольно (ОГУ ГАСО. Ф. Р–522. Оп. 1. Д. 146. Л. 155–156).

Параллельно с ликвидацией религиозных институтов и его служителей в 1920 – начале 1930-х годов советская власть проводила политику «коренизации» в отношении национальных меньшинств. Готовились кадры национальной советской интеллигенции, русский язык делопроизводства на местах замещался национальными языками, обучение в школах осуществлялось на родном языке местного населения.

Серьезным препятствием на пути становления советского мировоззрения являлась «неграмотность» татар. Поэтому в 1920–1930-е годы активно осуществлялась кампания ликвидации безграмотности посредством организации работы кружков. Однако татарское население посещало их слабо. В основном учебной охватывалась только молодежь.

Просветительскую работу проводили избы-читальни, располагавшиеся в национализированных домах и в мечетях (ОГУ ГАНИСО Ф. 1778. Оп. 4. Д. 33. Л. 111). Организуемые в них русскоязычными лекторами занятия и устраиваемые выставки привлекали узкий круг активистов и в целом были непопулярны в народе из-за незнания русского языка и грамоты (Заволжский пахарь, 1925).

Наибольшую популярность среди жителей татарских сел приобрели выступления самодеятельных театров, труппы которых состояли из учителей, учеников старших классов и работников изб-читален (ПМА, 1998: Хусаинова). Их работа, наряду с проводившимися в клубах литературными вечерами (Социалистическая стройка, 1940), способствовала не только идеологическому, духовно-нравственному воспитанию населения, но и внедрению в устную народную речь татар-мишарей норм литературного языка, поднятию уровня общей светской культуры и просвещенности.

Вместе с тем старшее поколение мусульман негативно относилось к посещению молодежью увеселительных мероприятий, в том числе спектаклей, кинопоказов, поскольку в шариате запрещалось лицедейство (ПМА, 2012: Абдрахманова). Приобщение татар к новому виду искусства осложнялось и тем, что в некоторых селах клубы устраивались в зданиях мечетей, что вызывало активное противодействие старшего поколения татар. Так, в селе Новая Усть-Уза Жерновского района после демонстрации фильма неожиданно возник пожар, в результате которого мечеть сгорела дотла (ПМА, 2024: Фетхуллина). Негативное отношение старшего поколения, получившего воспитание в мечетях и *мектебе*, было вполне естественным. Однако это поколение, не могло уже существ-

венно влиять на ход событий. Посредством демонстрации кино формировалось сознание советского человека – добросовестно относящегося к коллективному труду, ведущему борьбу с врагами советской власти – кулаками, муллами, с различного рода «вредителями».

Место традиционных религиозных праздников в 1920–30-е гг. в татарских селах заняли официальные государственные праздники, служащие целям формирования советского патриотизма, интернационализма, коммунистического мировоззрения. Наряду с ними в 1930-е годы искусственно был насажден не являвшийся традиционным для татар Саратовского края национальный праздник Сабантуй. Он в условиях советского режима приобрел интернациональный характер. Сама идея внедрения в народную культуру трудового праздника, знаменующего собой окончание весенних полевых работ, гармонично вписывалась в систему советских ценностей. Таким образом, новые советские праздники не препятствовали сохранению языка, фольклора, национального колорита, а внедрение Сабантуя способствовало развитию национальной культуры в крае.

Идеологическое воспитание населения проводилось через его приобщение к чтению периодических изданий. Наиболее популярными среди жителей татарских сел стали краевая газета «Ялкын» («Пламя»), журналы «Азат хатын» («Свободная женщина»), «Совет әдәбияты» («Советская литература»).

Значительный вклад в дело приобщения татар Заволжья к национальной советской культуре внес поэт Муса Джалиль, командированный в 1933 г. в Дергачевский район Нижне-Волжского края в качестве журналиста, сотрудника общесоюзной татарской газеты «Коммунист». Джалиль публиковал статьи на татарском языке, в которых освещались процессы, связанные с становлением и укреплением колхозов в татарских селах. Вместе с молодежью он организовывал литературные вечера, постановку спектаклей на родном языке. Муса читал свои стихи, выступал с лекциями. Ко времени деятельности Джалиля в Саратовском Заволжье относятся такие его стихи, как «На ранней посевной», «Поздний вечер», «Вор», «Ударнику пара». В этот же период им были написаны две большие поэмы «Директор совхоза» и «Солнце и директор» (Фаиз, 2006: 28–29).

Творческая деятельность М. Джалиля способствовала обогащению культуры местного населения. Среди крестьян в эти годы появились поэты, исполнители песен. Одним из известнейших поэтов 1930-х годов, вошедших в Союз писателей Татарии, являлся уроженец села Алтата Аитзак Аитов (1908–1941). Его стихи о коллективизации, патриотизме, жизни комсомольцев в довоенное время публиковались на страницах периодической печати, вошли в коллективный сборник «Алар сафта» («Они в строю») (Алтата авылы, 2007: 202).

Большое влияние на развитие песенного фольклора татар оказывала обстановка коллективного труда. Татарская песня часто сопровождала отдых крестьян, поднимала их трудовой дух, помогала коротать длинные расстояния. В таких песнях, как «Сарман», «Авыл көе», воспевались красота родных просторов, любовь к родному селу, любовь к матери, ценность родственных отношений.

Организация советских школ, создание колхозов с вовлечением крестьян в общественную жизнь облегчили процесс идеологической борьбы с религией. Важную роль в этой борьбе сыграло принятие правовых норм, выводящих обрядовые действия верующих за рамки закона. Таким стало постановление «О религиозных объединениях», принятое ВЦИК и СНК РСФСР в 1929 г. В нем запрещалась всякая церковная деятельность вне церковных стен. Запрещалось организовывать молитвенные и другие собрания, группы для обучения религии, вести благотворительную деятельность (Очерки истории..., 2006: 322).

В 1930–1935-е годы наблюдался повсеместный слом зданий мечетей или переоборудование их под хозяйственно-культурные нужды советской власти (ГАСО. Ф. 522. Оп 1. Д. 146. Л 143–158, Д. 251. Л. 193–210).

К концу 1936 г. из 200 мечетей, действовавших в более чем 70 татарских селах и 5-ти городских слободах бывшей Саратовской губернии, практически все были закрыты и поломаны. В послевоенное время в Саратовской области сохранилась единственная действующая мечеть в селе Верхазовка Дергачевского района. В Саратове здание мечетей было передано под клуб Горсовета физкультуры и под здание РОВД (ОГУ ГАСО. Ф. 461. Оп. 2. Д. 736. Л. 13–14), в Хвалынске – под кинотеатр, в селе Осинов Гай – сельский Дом культуры (Татары Саратовского Поволжья..., 220: 117).

Составной частью антирелигиозной политики властей являлось системное давление, оказываемое на мусульман, продолжающих соблюдать основные требования ислама. Стремление верующих к исполнению религиозных обязанностей подвергалось осуждению и осмеянию со стороны партийных и советских работников, в том числе на страницах печати. Так, в 1931–1932 гг. в газетах Дергачевского и Лопатинского районов вышли статьи «Ураза – праздник кулаков и мулл» и «Все силы на борьбу с Курбан-байрамом», в которых разъяснялся вред, наносимый религиозными праздниками здоровью колхозников и сельскохозяйственному производству (Луч колхоза, 1931; Социалистическая стройка, 1932). В день религиозных праздников партийные и советские работники сел проводили митинги, посвященные антирелигиозной тематике (ГАНИСО. Ф. 2097. Оп. 1. Д. 6. Л. 23).

В плане соблюдения религиозных предписаний в более выгодном положении оказалось старшее поколение и часть женщин, которые не были вовлечены в колхозное производство. Совсем иным было состояние колхозников, трудоспособных мужчин, так как в условиях коллективного труда, общественной жизни соблюдать нормы ислама им было сложнее. Помимо общественного презрения, грозила перспектива попасть в разряд «врагов народа», «подкулачников» и «неблагонадежных». Вдвойне сложно было следовать религии руководителям различного ранга. Так, уроженец села Алтата Дергачевского района Хусаинов свидетельствовал, что в конце 1930-х годов его дядя, коммунист и бригадир Илач Минаевич (1902–1943) поздно вечером возвращался с работы и сразу поручал его матери стоять у дверей дома на страже, пока сам читал молитву – *намаз* (ПИМА, 2012: Хусаинов).

Процесс коллективизации сопровождался сломом традиционного хозяйственного уклада жизни на селе. С одной стороны, внедряемые новой идеологией понятия коллективизма, приоритет общественных ценностей были не чужды приверженцам исламской религии. С другой стороны условия новой формы хозяйствования, занятость в коллективном труде трансформировали традиционные отношения крестьян к средствам производства и к самому труду. Менялись и представления татар о способах и методах обеспечения жизни и пропитания семьи. Болезненным для татар стал отказ от торговой деятельности, особенно в Правобережных районах Саратовского края. В Заволжье, где было развито частное скотоводство, крестьяне лишились этого важного источника дохода. Интересно, что под словом *мал* Правобережные татары понимали богатство, деньги, а Заволжские подразумевали скотину. В Левобережье где татары меньше занимались частной торговлей в дореволюционные годы, в советский период у них сложилось негативное отношение к этому виду хозяйственной деятельности. Особого внимания заслуживает выработавшееся у татар в условиях нужды положительное отношение к краже колхозной продукции, которая строго каралась государством. Так, в селе Новая Усть-Уза бытовала следующая частушка:

*Бик калын да чистартмагыз (суймагыз),
бик нэзек тә чистартмагыз,
Миңа гына ошанмагыз,
колхоздан да урлагыз* (ПМА, 2024: Хайрова).

/ Не чистите картошку слишком тонким слоем,
но и не толстым не чистите.
Не найдете только на меня (картофель),
воруйте и в колхозе (перевод – авт.).

В целом татары края были вовлечены в процесс формирования класса колхозного крестьянства. Атмосфера регламентированного коллективного труда с культурно-просветительским сопровождением в духе коммунистической идеологии способствовала все большей секуляризации сознания и жизни сельчан.

Существенным катализатором в процесс трансформации мировоззрения, ментальности татар, на наш взгляд, стали репрессии 1936–1938 годов, когда в числе других были осуждены тройками при УНКВД по Саратовской области и расстреляны приверженцы религиозных традиций, представители дореволюционной интеллигенции. Татарское общество в эти годы было охвачено страхом быть уличенным в исполнении традиционных обрядов, что выразилось в проявлении элементов конспирации, возведенных в ранг религиозных норм. Примером тому могут служить появившийся в те годы обычай тушить (позже выключать) свет во время чтения молитвы – *намаз*, закрывать и запираить все окна и двери во время совершения обряда бракосочетания – *никах* в доме невесты (ПМА, 2022: Акчурина).

Трагедии раскулачивания, коллективизации, слома мечетей и обстановка нагнетания «классовой борьбы» ослабили традиции сплоченности татарского

сельского общества. Сотни семей, не принявшие колхозную форму хозяйствования, и по причине голода 1932–1933 годов, были вынуждены мигрировать в другие более благополучные районы страны.

Уничтожение слоя традиционной интеллигенции и экономически активной части населения, закрытие *мектебе*, мечетей, ликвидация книжного наследия и письменности явилось чудовищным актом разрушения всей корневой системы народа. В эти годы был запущен механизм ликвидации самобытного татарского села с его многовековыми традициями, системой ценностей и приоритетов.

С вытеснением религии из официальной общественной жизни в 1920–1930-х годах произошло разделение татарской сельской культуры на две части: традиционную, основанную на многовековых цивилизованных ценностях, и секуляризованную советскую с национальным оттенком.

В конце 1940-х – начале 1950-х годов, после непродолжительного времени смягчения антирелигиозной риторики, отношение советского государства к религии и религиозным обрядам вновь ужесточилось. В этих сложных условиях любая религиозная активность могла быть расценена как антисоветская пропаганда.

Согласно собранным нами сведениям, в послевоенный период и до процессов демократизации общества (конец 1980-х) в Саратовской области официально действовали лишь 2 мечети – в городе Саратове (с 1968) и в селе Верхазовка Дергачевского района. До середины 1950-х годов все мусульманские обряды и ритуалы совершались в скрытной конспиративной форме в семейном кругу.

В годы хрущевской оттепели положение религии несколько изменилось. Прежде всего, это выразилось в том, что старшее поколение мусульман, преимущественно ветераны Великой Отечественной войны, начали собираться на пятничные молитвы в частных домах. Местами для проведения праздничных молитв, помимо частных домов, в летнее время служили территории возле кладбищ. Для этого периода было характерно участие в больших праздниках *рамазан аеты* (праздник разговения) и *корбан аеты* (праздник жертвоприношения) старшего поколения, детей и молодежи. Даты праздников определялись хазратами по известному в исламской религии методу – наблюдению за появлением новой луны. При этом некоторые из мулл получали из Духовного управления (Уфа) мусульманские календари (ПМА, 2018: Нарбиков).

В 1950-х – начале 1980-х годов через средства массовой информации, учреждения культуры и образования проводилась атеистическая пропаганда, направленная на отрыв подрастающего поколения, молодежи от религиозных традиций. Несмотря на это, в татарских селах края соблюдалась практика совершения обрядов имянаречения (*исем кушу*), обрезания (*сөннәткә бирү*), чтения заупокойной молитвы (*жәназа намаз*) и всех сопутствующих традиций подготовки к погребению (*юындыру, кәфенләү, Корән уку, хатем кылу*), погребения (*дәфен кылу, җирләү*), последующего проведения поминок (*ашын үткәру*). На проводимых поминках хазраты ограничивались чтением Корана и

произнесением мольбы. Попытки аксакалов вести призыв к религии пресекались коммунистами – участниками традиционных собраний.

Обряд бракосочетания (*никах*) в советские годы совершался неофициальными муллами сел при условии предоставления молодоженами свидетельства о регистрации брака из сельского совета (ПМА, 2019: Жалилов).

В месяц *рабигуль-авваль* – месяц рождения пророка Мухаммада (мир ему) во всех татарских селах проводились *мавлид* – поминовения пророка Мухаммада. В условиях гонений на религию *мавлид* являлся одним из видов общественных собраний, способствовавших сохранению понимания значимости любви к пророку Мухаммаду (мир ему) и ценности его сунны-традиции. На мавлидах читался Коран, касыда «*Маулидун-наби*» и распевались мунаджаты – песнопения о пророке Мухаммаде.

Наряду с религиозными традициями сохранялись и народные формы культуры. При этом претерпел определенную трансформацию мусульманский этикет знакомства юношей и девушек с последующим сватовством и женитьбой. Так, например, еще в первом десятилетии XX в. у татар Петровского уезда Саратовской губернии бытовали следующие традиции:

Молодые девушки и ребята вместе в обществе и на улице быть не могли. Парни по вечерам сидели под окнами таких домов, где есть невесты, и тайком их высматривали. Потом понравившуюся сватали. Посылали для этого своих родителей. У дома невесты, когда сватовство заканчивалось удачно, делали несколько выстрелов из холостых ружей и пистолетов, которые держали для этих целей. Уладившие в сватовстве договаривались о размере махра – свадебного подарка. Потом, через некоторое время, делалась свадьба по обряду (*никах*), затем происходили гулянья с плясками под скрипку. Но невеста еще около года оставалась у отца (ОГУ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 2187. Лл. 450, 468).

К началу 1920-х годов религиозные традиции татар Саратовской губернии не претерпели изменений. Исследователи, описывая традиционные устои в селах, отмечали, что женщины и особенно молодые девушки не садились за общий стол и прятались в присутствии мужчин (Труды Нижне-Волжского..., 1926: 20).

В 1930-е и последующие годы молодежь по разрешению родителей собиралась в определенных домах для совместного времяпровождения и общения в рамках сложившихся правил и этикета. В Татарии подобные мероприятия было принято называть *аулак ой*. В селах Правобережья Саратовской области они были известны как *вечер* или *яратам* и появились только в довоенное десятилетие. Проводились вечера после выполнения определенных домашних работ в дневное время. По традиции девушек приглашали для оципывания гусей – *каз йолкырга*. В тех селах, в которых гусей не держали, молодежь собирали для уборки картофеля в огороде – *картюк чүпләргә* или генеральной уборки избы – *ызба юарга*. На вечера приглашали только девушек. Однако к ним по предварительному разрешению присоединялись неженатые парни с гармошкой. Здесь исполнялись народные песни:

*Кара кашлы йолдызым, энҗе тешле гөлийөзем.
Ак чыраең, кыйгач кашың, күреп туймыйдыр күзем.
Каш карасы күзеңдә, буй зифасы үзеңдә.
Ай туганда тудың мәллә, ай нуры бар йөзеңдә.
Казан каласын су алган, байның маллары калган.
Сөеп алу, сөеп бару пәйгамбәрләрдән калган (ПМА, 2018: Багдалова).*

/ Звездочка моя чернобровая, жемчужина, цветочек мой.
Не могу наглядеться на твой белый лик и косые брови.
У тебя карие глаза и стройная фигура. Видно, родилась ты,
когда появилась луна, оттого на лице твоём отразился ее свет.
Город Казань остался под водой, богач потерял свои богатства.
Выходить замуж по любви и жениться – традиция,
дошедшая до нас от пророков (перевод – авт.).

На вечерах девушки и парни играли в такие игры, как *алтын йөзек* и *пряшкя*. Основная функция такого общения молодежи заключалась в выборе невест. Познакомившись и понравившись друг другу, молодые сообщали об этом родителям, а те, если одобряли выбор детей, отправляли сватов – *башкода*.

Материальные трудности, связанные с Великой Отечественной войной, способствовали упрощению традиционных и появлению новых свадебных обрядов. Во многих татарских селах распространялась такая форма заключения брака, как *ябышып чыгу*, когда молодые сами договаривались о вступлении в брак. Жених согласовывал с родителями день, когда приведет невесту в дом. Юноша уводил к себе свою избранницу под покровом ночи, чаще всего из клуба или с посиделок. При этом молодых сопровождали друг и подруга. Наутро следовало приглашение родителей девушки на *никах* в дом жениха (Зюзин, 2020: 238–239).

В послевоенные годы в части сел Саратовского края происходила демократизация форм общения, знакомства татарской колхозной молодежи. Одним из особенностей новой сельской культуры стали весенние гуляния парней и девушек, которые после окончания полевых работ по вечерам собиралась на берегах рек. Они проводили игры *өчтүндәк*, *сугып мяч*, *прәшкә*, исполняли песни и пляски под гармошку (ПМА, 2012: Аминова).

Вместе с тем, в вопросах женитьбы и замужества авторитет родителей оставался непререкаемым. Так, старожилы татарского села Суляевка Лопатинского района Пензенской области свидетельствовали, что в 1960-е годы невесту для джигита выбирали родители. Сватать невесту (*кыз димләргә*) отправляли старшую родственницу. Приходила она в дом невесты тайно, в ночь с четверга на пятницу. Действовало такое правило – не переступать за матку, если уж переступали, то следовал отказ. В случае получения согласия родителей невесты, сватать ее (невесту) приходили родители жениха, что называлось *башкода*. На этой встрече стороны договаривались – *ярашу*, т.е. касательно размера *махра* – обязательного свадебного подарка, являющегося условием заключения брака –

никах, а также его даты. Заканчивалось сватовство чтением Корана и возведением мольбы – *дога*. Все эти предсвадебные обряды проходили без распития спиртных напитков (ПМА, 2018: Нарбикова).

В некоторых Правобережных селах Саратовского края после совершения венчания (*никах*) невеста еще две недели жила в доме отца, а жених приходил к ней ночевать, что называлось *кәләш куенына йөрү*. Данная традиция имела давнее дореволюционное происхождение, когда несостоятельный жених мог копить деньги на выплату обязательного свадебного подарка (*махра*), в течение 1–2 лет работая по найму (ПМА, 2018: Нарбикова).

Таким образом, в 1920–1930-е годы начался процесс постепенной трансформации цивилизационных традиций, духовной культуры татар, которая на протяжении веков гарантировала незыблемость этнорелигиозной идентичности в условиях вызовов времени: насильственной христианизации, войн, болезней, нужды и голода. Процесс ослабления религиозного самосознания и конфессиональных институтов в татарских селах происходил поэтапно. В 1920-е годы утверждалась советская национальная школа, пришедшая на смену религиозным *мектебе*, которые функционировали по советским законам до конца периода НЭПа. Следующим этапом в 1929–1930 гг. стало уничтожение дореволюционной духовной и интеллектуальной элиты, которая протекала вкуче с ликвидацией экономически крепких хозяйственных ячеек, являвшихся фундаментом социальной и духовно-нравственной жизни татарского села.

Национальная советская школа в последующие годы сыграла огромную роль в сохранении национального самосознания татар, обогащении родного языка, культуры. Несмотря на сугубо светский характер воспитания и проводимую антирелигиозную работу, школы в большинстве татарских сел края и области оставались татароязычными по контингенту педагогов и учащихся, что позволяло поддерживать преемственную атмосферу воспитания в духе лучших традиций народа.

На протяжении всех советских лет гонений на религию лишь в семейной неформальной среде сохранилась связь поколений, практиковалось освоение молодым поколением религиозных обычаев и устоев. В комплексе все сельские официальные и народные институты определяли духовно-нравственный облик села и сохраняли этноконфессиональную идентичность татар.

С началом крушения командно-административной системы и начала ренессанса национально-религиозных традиций в выигрыше оказались те татарские села, в которых в большей степени сохранились самобытное мировоззрение, исконный уклад жизни и хозяйствования.

Сегодня татары демонстрируют высокую степень интеграции в российское общество и вовлеченность в объективные процессы аккультурации. Стирание значимости присущих народу духовно-нравственных традиций неминуемо ведет к его ассимиляции и исчезновению. Татары на протяжении столетий сохраняли национальную идентичность благодаря приверженности к исторически сложившейся ментальности, родному языку, традициям, исторической памяти.

Уроки прошлого показывают, что жизнестойкость любого народа возможна лишь в условиях четко определенных векторов духовно-нравственного, общественно-политического развития.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ИСТОЧНИКИ

Заволжский пахарь. 1925, 4 марта.

Луч колхоза. 1931, 23 апреля.

ОГУ ГАНИСО. Ф.1778. Оп. 4. Д. 33.

ОГУ ГАНИСО. Ф. 2097.

ОГУ ГАСО Ф. 637. Оп. 2. Д. 3038.

ОГУ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 2187.

ОГУ ГАСО. Ф. 461. Оп. 2. Д. 736.

ОГУ ГАСО. Ф. 521.

ОГУ ГАСО. Ф. 522.

ОГУ ГАСО. Ф. Р-1.

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Саратовская губерния. 1904. [4]. XII.

ПМА 1998 – Полевые материалы экспедиции автора в с. Алтата Дергачевского р-на Саратовской области, июнь 1998 (тетради 1, 2).

ПМА 2012 – Полевые материалы экспедиции автора в села Дергачевского р-на Саратовской области, июль 2012 (тетради 1, 2).

ПМА 2018 – Полевые материалы экспедиции автора в села Лопатинского р-на Пензенской области, январь 2018 (тетради 1, 2).

ПМА 2019 – Полевые материалы экспедиции автора в села Дергачевского р-на Саратовской области, июль 2019 (тетради 1, 2).

ПМА 2022 – Полевые материалы экспедиции автора в села Базарно-Карабулакского р-на Саратовской области, август 2022 (тетради 1, 2).

ПМА 2024 – Полевые материалы экспедиции автора в села Петровского р-на Саратовской области, июнь 2024 (тетради 1, 2).

Социалистическая стройка. 1932, 8 января.

Социалистическая стройка. 1940, 11 января.

Труды Нижне-Волжского Областного Научного Общества Краеведения. Этнографический сборник. Издание Н Волжского Областного Научного Об-ва Краеведения. Саратов, 1926. Краткий отчет о деятельности Отдела Этнографии Нижне-Волжского Областного Научного Общества Краеведения за 1922–1925 гг.

Ялкын. 1927, 5 июня.

Ялкын. 1929, 29 декабря.

Ялкын. 1929, 8 декабря.

ЛИТЕРАТУРА

- Зюзин Ф.М., Алюшев Р.Х. История татар Пензенского края. Т.1. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2020.
- Миннуллин И.Р. Мусульманские общины в 1920–1930-е гг.: политико-правовое и социально-экономическое положение // История татар с древнейших времен: в 7 томах. Казань: Институт истории АН РТ, 2013. Т. VII: Татары и Татарстан в XX – начале XXI в. С. 360–373.
- Муртазина Л.Р. Педагогический анализ деятельности ликбезов в Татарской республике. Казань: Печатный двор, 2002.
- Очерки истории Саратовского Поволжья (1917–1941). Под ред. Ю.Г. Голуба. Т. 3. Ч. 1. Саратов, 2006.
- Рашитов Ф.А. Мостяк. Славная история татарского села. Т. 1. Москва: Издательство Йосеф Ибрахим, 2023.
- Татары Саратовского Поволжья: энциклопедический справочник / ред. кол.: Ф.А. Рашитов (гл. ред.), М.В. Булычев, Р.И. Ишмухамедова, Е.Е. Крянева, Р.А. Сингатуллин, А.А. Хабибуллин. Саратов: ООО Издательство «Кубик», 2020.
- Трофимов В.И. Татары Саратовского края. Саратов: Саратовский государственный областной музей, 1928.
- Хабибуллин А.А. Алтата – татарское село в степном Заволжье. Саратов: Издательский центр «Наука», 2017.
- Хабибуллин А.А. Колхозное село в довоенное время. Саратов: Издательский центр «Наука», 2021.
- Хабибуллин А.А. Суляевка в краю родников. История татарского села. Саратов: Издательский центр «Наука», 2020.
- Алтата авылы. Тарих һәм халык авазы ижаты / Под ред. А.А. Хабибуллина. Саратов, 2007.
- Фаиз С.Ф. Илмин тарихының сүрәте һәм авыз ижаты. Казан: Ш. Мәржәни исемендәге Тарих институты басмаханәсе, 2006.

REFERENCES

- Altata village. History and folk art* (2007). Ed. A.A. Khabibullina. Saratov. (In Tat.)
- Essays on the history of the Saratov Volga region (1917–1941)* (2006). Ed. Yu.G. Golub. Vol. 3. Part 1. Saratov. (In Russ.)
- Faiz S.F. (2006) *The image of the history of science and folk art*. Kazan: Marjani Institute of History Publ. (In Tat.)
- Khabibullin A.A. (2017) *Altata is a Tatar village in the steppe Trans-Volga region*. Saratov: Science Publ. Center. (In Russ.)
- Khabibullin A.A. (2020) *Sulyaevka in the land of springs. History of the Tatar village*. Saratov: Science Publ. Center. (In Russ.)
- Khabibullin A.A. (2021) *Collective farm village in pre-war times*. Saratov: Science Publ. Center. (In Russ.)
- Minnullin I.R. (2013) Muslim communities in the 1920–1930s: political, legal and socio-economic situation. In: *History of the Tatars from ancient times: in 7 volumes*. Kazan: Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2013. Vol. 7: Tatars and Tatarstan in the 20th – early 21st centuries: 360–373. (In Russ.)
- Murtazina L.R. (2002) *Pedagogical analysis of the activities of literacy programs in the Tatar Republic*. Kazan: Pechatny Dvor Publ. (In Russ.)

Rashitov F.A. (2023) *Mostyak. The glorious history of the Tatar village*. Vol. 1. Moscow: Yosef Ibrahim Publ. House. (In Russ.)

Tatars of the Saratov Volga region: encyclopedic reference book (2020). Eds.: F.A. Rashitov (chief editor), M.V. Bulychev, R.I. Ishmukhamedova, E.E. Kryaneva, R.A. Singatullin, A.A. Khabibullin. Saratov: Kubik Publ. House LLC. (In Russ.)

Trofimov V.I. (1928) *Tatars of the Saratov region*. Saratov: Saratov State Regional Museum Publ. (In Russ.)

Zyuzin F.M., Alyushev R.Kh. (2020) *History of the Penza region Tatars*. Vol. 1. Saint-Petersburg: SPbGEU Publ. (In Russ.)

Сведения об авторе: Хабибуллин Артур Ахатович, кандидат исторических наук, директор, Медресе «Шейх Саид» Духовного управления мусульман Саратовской области (410003, ул. Татарская, 10/12, Саратов, Российская Федерация); <https://orcid.org/0009-0000-7565-3506>; e-mail: ali.xabibullin@yandex.ru

About the author: Artur A. Khabibullin, Cand. Sc. (History), Director of Sheikh Said Madrasah of the Saratov Region Religious Board of Muslims (10/12 Tatarskaya St., Saratov 410003, Russian Federation); <https://orcid.org/0009-0000-7565-3506>; e-mail: ali.xabibullin@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 3.03.2025

Доработана после рецензирования / Revised 30.06.2025

Принята к публикации / Accepted 7.07.2025

ЖЕНЩИНА И СЕМЬЯ В ИСТОРИКО-ЭТНОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

WOMAN AND FAMILY IN THE HISTORICAL AND ETHNOLOGICAL ASPECT

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2025-10-3.385-408>

EDN: KTLXJJ

Образ женщины в периодической печати Казанской губернии на рубеже XIX–XX вв.

Л.Р. Габдрафикова

*Институт истории им. Ш.Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
bahetem@mail.ru*

Е.В. Миронова

*Институт истории им. Ш.Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
Yelena.Mironova@yandex.ru*

Резюме. Казанская губерния отличалась этноконфессиональным разнообразием и историческими традициями, развитой университетской культурой. Важное место в общественной жизни занимали газеты, в том числе коммерческого характера. В начале XX в. среди редакторов и издателей казанских газет были и женщины. Историографический обзор показал, что материалы местной периодической печати становились предметом изучения казанских исследователей, в том числе при реконструкции некоторых аспектов женской повседневности. Однако специального труда, посвященного изучению облика женщин на страницах периодических изданий Казанской губернии, не существует. Между тем обращение к данной теме позволяет увидеть процессы трансформации социальных ролей женщин как результат модернизации общества на рубеже XIX–XX столетий. В связи с этим целью данного исследования является изучение образа женщины в периодической печати Казанской губернии. Для этого были проанализированы материалы газет «Казанский биржевой листок», «Казанский телеграф», «Волжский вестник», «Камско-Волжская речь» и других изданий. Рассмотрены как авторские материалы, так анонимные корреспонденции, хроники происшествий, объявления и реклама. На базе данных провинциальной печати были выделены разные виды женских практик и обозначены несколько тематических групп. В каждом из них выстраивался определенный образ женщины (дама, работница, мусульманка, борец за свои права и др.). Авторы приходят к выводу, что представленный в газетах образ женщины был противоречивым: с одной стороны, привязан к её социальному происхождению, с другой, буржуазное развитие общества нивелировало этноконфессиональные и сословные границы. Суще-

вавшие различия маркировались по внешним признакам. Статья предназначена для специалистов-историков и всех, кто интересуется историей Российской империи, историей повседневности, женской эмансипации.

Ключевые слова: Казанская губерния, история повседневности, гендерные исследования, «женский вопрос», мусульмане, татарки.

Для цитирования: Габдрафикова Л.Р., Миронова Е.В. Образ женщины в периодической печати Казанской губернии на рубеже XIX–XX вв. *Историческая этнология*. 2025. Т. 10. № 3. С. 385–408. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-3.385-408> EDN: KTLXJJ

Финансирование. Исследование выполнено за счет предоставленного в 2024 году Академией наук Республики Татарстан гранта на осуществление фундаментальных и прикладных научных работ в научных и образовательных организациях, предприятиях и организациях реального сектора экономики Республики Татарстан.

The image of women in the periodical press of the Kazan province at the turn of the 19th–20th centuries

L.R. Gabdrāfikova

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Kazan, Russian Federation

bahetem@mail.ru

E.V. Mironova

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Kazan, Russian Federation

Yelena.Mironova@yandex.ru

Abstract. Kazan province was distinguished by its ethnic and religious diversity, historical traditions, and well-developed university culture. Newspapers, including those of a commercial nature, occupied an important place in public life. At the beginning of the 20th century, there were women among the editors and publishers of Kazan newspapers. A historiographical review showed that the materials of the local periodical press became the subject of study by Kazan researchers, including in the reconstruction of some aspects of women's daily life. However, there is no special work devoted to the study of the appearance of women on the pages of periodicals of the Kazan province. Meanwhile, addressing this topic allows us to see the processes of transformation of women's social roles as a result of the modernization of society at the turn of the 19th – 20th centuries. In this regard, the purpose of this study is to study the image of a woman in the periodical press of the Kazan province. For this purpose, the materials of the newspapers *Kazansky Birzhevoy Listok*, *Kazansky Telegraph*, *Volzhsky Vestnik*, *Kamsko-Volzhskaya Rech* and other publications were analyzed. Both author's materials and anonymous correspondence, chronicles of incidents, advertisements and advertisements are considered. Different types of women's practices were identified and several thematic groups were identified on the provincial press database. In each of them, a certain image of a woman was developed (a lady, a worker, a Muslim, a fighter for her rights, etc.). The authors conclude that the image of a woman presented in the newspapers was contradictory: on the one hand, it was tied to her social origin, on the other, the bourgeois development of society leveled ethno-

confessional and class boundaries. The differences that existed were marked by external signs. The article is intended for historians and anyone interested in the history of the Russian Empire, the history of everyday life, and women's emancipation.

Keywords: Kazan province, history of everyday life, gender studies, "women's question", Muslims, Tatar women

For citation: Gabdrafikova L.R., Mironova E.V. (2025) The image of women in the periodical press of the Kazan province at the turn of the 19th–20th centuries. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 10. No. 3: 385–408. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-3.385-408> (In Russ.)

Financial support. The study was carried out using a grant provided in 2024 by the Tatarstan Academy of Sciences for the implementation of fundamental and applied scientific work in scientific and educational organizations, enterprises and organizations of the real sector of the economy of the Republic of Tatarstan.

На рубеже XIX–XX вв. газеты занимали одно из ведущих мест в информационном пространстве, в том числе в российской провинции. Со второй половины XIX в. в Казанской губернии наблюдался рост количества газет: к концу столетия выходило 12 периодических изданий различной специализации, освещавших широкий круг вопросов жизни местного населения (Айнутдинов, Гилязов, 2016: 7). Казанская губерния отличалась этноконфессиональным разнообразием и историческими традициями, развитой университетской культурой (Казанский университет работал с 1804 г.). Показательно, что в губернском городе с конца XIX в. выходили и частные газеты: «Казанский биржевой листок», «Волжский вестник», «Казанский телеграф», «Камско-Волжская речь». Газеты формировали «общественное мнение», являлись отражением отдельных настроений. С либерализацией законодательных норм в 1905 г. и упрощением порядка приобретения издательского права появилась возможность для выпуска периодической печати на татарском языке и языках других народов Поволжья¹.

В составе населения Казанской губернии женщины составляли примерно половину (по переписи населения 1897 г. – женщины – 1111277 (51%), мужчины – 1059388 (49%)) (Первая всеобщая..., 1904: 8). При этом в городах, из-за притока отходников, они могли составлять и меньшинство. Например, по данным 1904 г., собранным полицмейстером П.Б. Панфиловым, в Казани проживало 84 295 мужчин и 77 270 женщин (Амирханов, 2004: 31). Вместе с тем в общественной жизни женщинам отводилось второстепенное место, хотя они встречались даже в числе издателей и редакторов казанских газет (например, А.Г. Ильяшенко – «Казанский телеграф»; А.А. Знаменская, Л.П. Рейнгард,

¹ Всего до 1917 г. в России выходило 62 газеты на татарском языке, из них около 20 периодических изданий в Казани. Наиболее стабильно выходили газеты «Юлдуз» в Казани (с 1906 по 1917 г.), а также «Кояш», «Баянель-хак». Кроме того, в 1906–1907 гг. в Казани издавалась чувашская газета «Хыпар» и «Марла календарь» (1907–1913 гг.) на марийском языке.

А.А. Себякина (ред.) – «Волжский вестник») (ГАРТ. Ф. 420. Оп. 1. Д. 19. Л. 1; Ф. 41. Оп. 2. Д. 2205. Л. 1; Ф. 390. Оп. 2. Д. 366. Л. 1; Ф. 390. Оп. 2. Д. 477. Л. 1).

Как известно, в обозначенный период становится актуальным «женский вопрос». Появляются отдельные женские издания. Например, в татарских газетах были специальные «женские страницы», а с 1913 г. в Казани выходил женский журнал «Сююмбике» на татарском языке. В условиях таких перемен как представлялась жизнь женщин Казанской губернии в местной печати? Как в ней отражался опыт женщин разных конфессий?

Периодическая печать Казанской губернии неоднократно становилась предметом научного изучения (Абдуллин, 1988; Алексеев, 2009; Айнутдинов, Гилязов, 2016). Однако исследователи практически не обращаются к материалам газет с точки зрения истории женской повседневности. Они используются лишь как дополнительные источники в освещении некоторых сюжетов. Например, роль средств массовой информации в проведении Дней белого цветка в Казани и взаимодействие «Камско-Волжской речи» с ученицами женских школ города во время этой благотворительной работы (Ежова, 2019). Есть попытки реконструкции досуговой повседневности горожанок Казанской губернии с опорой на материалы прессы (Шабалина, 2024), но вопрос требует дальнейшего изучения. Пожалуй, исключением являются вопросы, касающиеся татарских газет и журналов в контексте «женского вопроса», т.к. есть даже отдельный сборник материалов по данной теме (Мортазина, Зиннатуллина, 2020). Материалы газет представлены в сборнике по истории Казани XX в. (Амирханов, 2004).

Целью нашего исследования является изучение образа женщины в русскоязычной периодической печати Казанской губернии. Для этого нами был проведен анализ материалов таких газет, как «Казанский биржевой листок», «Казанский телеграф», «Волжский листок», «Камско-Волжская речь». Все они издавались в Казани в разное время.

«Казанский биржевой листок» (выпускался с 1868 по 1892 гг.) был связан с деятельностью Казанской купеческой торговой биржи. Основная тематика публикаций отражала интересы торгово-промышленных кругов. Редакторами в разные годы служили А.К. Чугунов, А.И. Миропольский, М.В. Ключников, Н.Я. Агафонов, Н.А. Ильяшенко, С.А. Гисси (Амирханов, 2004: 236).

«Казанский телеграф» представлял собой одно из крупнейших провинциальных изданий конца XIX – начала XX в. Газету с 1893 г. выпускали супруги Н.А. и А.Г. Ильяшенко. Николай Алексеевич родился в Киевской губернии. За увлечение революционными идеями он был выслан в Вятскую губернию. Позднее его перевели в Казань, где находился под надзором полиции. Здесь он начал журналистскую, затем редакторскую деятельность и даже стал издавать собственную газету. В развитии газеты «Казанский телеграф» ему помогала супруга, дочь первого директора Казанского учительского института, Александра Григорьевна Ильяшенко (в девичестве – Парамонова). На страницах газеты был опубликован ряд фельетонов и стихотворений ее авторства. Редакция газе-

ты старалась быть объективной и давала слово представителям всех разрешенных политических взглядов. В 1905–1917 гг. в газете «Казанский телеграф» публиковались, главным образом, материалы монархического толка (Алексеев, 2009).

«Волжский вестник» издавался с 1884 по 1904 гг., после некоторого перерыва выходил в 1905–1906 гг. Газета затрагивала острые общественно-политические и экономические вопросы. «Волжский листок», вышедший в 1904–1909 гг., отчасти продолжал традиции «Волжского вестника». Издателей и редакторов этих изданий неоднократно привлекали к ответственности, штрафовали. Среди казанских авторов газеты были учёные и поэты прогрессивных взглядов П.Л. Драверт, А.И. Елистратов, Н.П. Загошкин, В.А. Перимов, Л.И. Пономарев, П.И. Эмдин, Н.Н. Фирсов (Амирханов, 2004: 237).

Общественно-политическая и литературная газета либерально-демократического направления «Камско-Волжская речь» издавалась в 1908–1917 гг. Редакторами являлись А.Ф. Музовский, М.М. Шерстенников. С газетой сотрудничали члены казанского комитета кадетской партии Г.Ф. Шершеневич, П.А. Дубровин (Насыров, 2006).

Стоит отметить, что нами рассматривались не только авторские фельетоны и заметки, где особенно активно прослеживались идеи женской эмансипации, но и анонимные корреспонденции, хроники происшествий, рекламный блок. Такие второстепенные материалы имели либо коммерческий характер и не наделались особой идеологической нагрузкой, либо преследовали скорее развлекательные задачи (например, хроники). Однако по ним тоже можно проследить жизнь женщин разных социальных групп, в том числе их общественную оценку. Всё это помогает сформулировать виды женских практик, представляемых провинциальной периодической печатью. Анализ газетных материалов позволил нам выделить несколько тематических групп с материалами, прямо или косвенно касающимися женщин. В каждом из них выстраивался определенный образ женщины.

Женщина-модница

В коммерческих газетах было много материалов рекламного характера. Женщины были целевой аудиторией продавцов товаров и услуг. В этот период в лексикон разных слоев общества входит слово «мода». Любопытно, что оно встречалось даже в татарском языке. Например, просветитель Р.Ф. Фахреддин в книге нравоучительной тематики, изданной впервые в 1903 г., советовал молодежи не увлекаться модой (Фахреддин, 2006: 114). Тем не менее, городская мода эпохи модерна не имела этнических, конфессиональных или сословных различий, а формировала единое буржуазное сообщество. В газетах Казани регулярно печатались объявления о магазинах дамских товаров и об их ассортименте. Они были рассчитаны на состоятельных покупательниц. «Корсеты, кружева, ленты и пр. бархотки», «всевозможные зонты, цветы, перчатки», «тюль, газ, креп, вуали» и многое другое, например, предлагал в 1900 г. в магазине на По-

повой горе в Казани Х.Х. Тагиров (Казанский телеграф, 1900, 25 марта). В 1912 г. «Камско-Волжская речь» разместила рекламу казанского магазина Товарищества «Засыпкин и Дикунов» на Проломной улице, в арендованном доме Шамяля, где предлагали меха для дамских шуб; на Воскресенской улице работал «магазин мод Победоносцевой» с товарами для рукоделия (шерсть, пряжа) и готовыми изделиями; напротив Университета в магазине В.А. Брайловского имелся «громадный выбор длинных перчаток» (Камско-Волжская..., 1912, 4 января). Сообщали газеты и о предстоящих поступлениях. Для казанских модниц, очевидно, образцом подражания оставались столичные или заграничные города («владелица магазинов дамских мод «Безансон» выехала в Париж за покупкой...») (Камско-Волжская..., 1912, 24 января). Нередко сами женщины были владелицами магазинов.

Различные курсы по обучению кройке и шитью, ремесленные мастерские тоже были результатом развития городской моды (прежде всего, женской). Появились специальные названия для отдельных профессий: модистка, корсажница. Последние, например, могли работать на дому. Оплату они получали либо фиксированную за месяц, либо «поштучно» (за изделие) (Камско-Волжская речь, 1913, 7 мая). В Казани в начале XX в. работали школы кройки и шитья А.С. Захаровой-Потанихиной (мастерская школы находилась на одной из главных улиц города – Воскресенской), Е.Н. Рышкиной и Р.П. Гринк, школа при корсетной мастерской Е.К. Мелиссовой. Последняя мастерская работала во дворе Пассажа Черноярова (Камско-Волжская..., 1913, 12 января). Аналогичные «модные мастерские» открывались и в уездных городах. Например, в Чебоксарах работала мастерская Холмской (Камско-Волжская..., 1913, 4 января). С другой стороны, эти мастерские были направлены на развитие женской эмансипации и обеспечение женщин из бедных слоев населения востребованным ремеслом. Для активисток движения образцом подражания, вероятно, была героиня романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?» Вера Павловна. Произведение, написанное еще в начале 1860-х гг., до 1905 г. было под запретом. Очевидно, официальная публикация романа в 1906 г. актуализировала и его идеи. Например, в 1912 г. в школе кройки и шитья А.С. Захаровой-Потанихиной велось «преподавание по упрощенной методе, одинаково доступной для грамотных и малограмотных, взрослых и подростков». Ученицы принимались круглый год (Камско-Волжская..., 1912, 4 января).

Ориентир на дамскую моду, особенно в рекламных материалах провинциальной печати, был созвучен с направленностью столичных дамских периодических изданий, где основное внимание уделялось женским нарядам. Несмотря на то, что городская мода стремительно распространялась и охватывала разные социальные группы, она оставалась предметом критики. Например, в декабре 1914 г. «Камско-Волжская речь» перепечатала сообщение из «Биржевого листка» под названием «Война и мода». В статье говорилось о сокращении модных заграничных поставок и бедном ассортименте дамских товаров, об увеличении количества безработных мастериц. В то же время выражалась надежда, что да-

мы перестанут быть «рабынями моды», станут одеваться проще и может быть, благодаря войне, начнут меньше считаться «с предписаниями издателей модных журналов и аппетитами фабрикантов модных материй» (Камско-Волжская..., 1914, 7 декабря).

Женщина в трудовой сфере

Газетные объявления являются яркой иллюстрацией женской трудовой занятости и источников дохода. Но работа, на которую претендовали провинциальные женщины на рубеже XIX–XX вв., чаще всего была низкоквалифицированной. Например, в газетах постоянно публиковались короткие объявления о желании устроиться прислугой, кухаркой, горничными, нянями, экономкой, «кассиршей по хозяйству». Женщины готовы были даже на переезд. Иногда подчеркивалось, что имеется рекомендация (Камско-Волжская..., 1912, 4 января) или акцентировалось внимание на других качествах кандидатов (например, кухарка писала, что она «честная и трезвая», а няня – «пожилая», «из благородного семейства» (Камско-Волжская..., 1913, 12 января).

В начале XX в. в вопросах трудоустройства наиболее уязвимой социальной группы содействовало казанское «Общество защиты женщин». Оно размещалось в Профессорском переулке и организовало Бюро по найму прислуги (Камско-Волжская..., 1912, 4 января). Кроме того, женщины традиционно были задействованы в уходе за больными; кто-то желал найти место «компаньонки», т.е. для сопровождения в поездках и т.д. Женщины искали временную работу (например, на лето) и часто были согласны на «небольшое вознаграждение» (Камско-Волжская..., 1913, 7 мая).

Газетные разделы о хрониках происшествий открывали другую сторону трудовой деятельности женской прислуги. Особняком стояли их разбирательства с бывшими хозяевами. В таких случаях не всегда можно было распознать мотивы обеих сторон. Например, крестьянку С. Санникову обвинили в краже золотых и серебряных вещей у своего хозяина Г.Я. Кревера. Она работала у него прислугой в Казани. Вину свою девушка не признала. Интересен стиль подачи речи обвиняемой: «Нет! – бойко отвечала Санникова. Я не воровала. Известно, прислуга всегда в кухне живет, ну вот и я также. Стала однажды прибираться... Взяла кулек с костями, а оттуда и выпала бумажечка... квитанция из ломбарда... Я как ушла от них все и выкупила...».

В итоге, бывшую прислугу приговорили к тюремному заключению на 6 месяцев (Камско-Волжская..., 1912, 4 января). В том же 1912 г. был описан еще один случай. «Молодая деревенская девица Храмова» требовала от бывшей хозяйки Пахитоновой свой паспорт и 3 руб. жалованья. Дело дошло до суда. Ответчица вернула паспорт, а выплачивать жалованье отказалась, обвинив служанку в краже. По этому поводу корреспондент газеты «Камско-Волжская речь» отмечал, что для прекращения «постоянных недоразумений хозяев с прислугой» пора бы уже ввести расчётные книги (как у фабрично-заводских рабочих) и для прислуги (Камско-Волжская..., 1912, 13 января).

Нередко героями материалов печати становились работницы фабрик и заводов. В основном, это были заметки в контексте т.н. «рабочего вопроса», т.е. когда описывалось трудное положение работниц и безразличие хозяев к их проблемам. Таких публикаций было особенно много в период первой русской революции, когда в Казани появилась масса новых газет, в том числе социалистической направленности. Например, этим отличалась газета «Волжский листок», где выходили заметки об условиях труда в казанских предприятиях Алафузова (текстильное производство) и Крестовниковых (химическое производство). Так в 1905 г. газета рассказала о молодой работнице Алафузовской фабрики, получившей серьезную производственную травму («повреждение руки и ноги»). После несчастного случая она осталась инвалидом, а выдаваемая предприятием пенсия, по мнению редакции, была очень скромной и не покрывала всех расходов (Амирханов, 2004: 39).

А так представлялась работница стеариново-мыловаренного завода Крестовниковых: «...отсутствие вентиляции, запах сала, пары кислот, продукты варки сала, все это, особенно на женщин влияет так пагубно, что встретить здоровую, не испитую и не изможденную работницу невозможно. К сорока годам эти труженицы совершенно теряют трудоспособность» (Волжский вестник, 1905, 10 ноября).

По традиции на фабрично-заводских предприятиях женский труд оценивался дешевле, чем мужской. Например, у Крестовниковых в зимнее время (в не сезон) мужчинам платили 4 руб. 50 коп., женщинам – 2 руб. 50 коп. в месяц. Питание и проживание было за счет работодателя (Амирханов, 2004: 40). По мнению редакции газеты, условия оставляли желать лучшего. Лишь летом, в сезон, женщина могла заработать на заводе до 14 руб. в месяц. Дополнял образ работницы её склонность к алкоголизму. «Волжский листок» обвинял в этом работодателей, открывших рядом с заводами и фабриками питейные заведения (Амирханов, 2004: 41).

Одной из специализаций Алафузовских предприятий на рубеже XIX–XX вв. было шитье военного обмундирования. Для этого привлекались и дистанционные работницы («надомницы»). Они брали материалы, работали дома, сдавали работодателю готовые изделия. Примерно по такой же схеме, но со своими материалами, работали и татарки в Казани, промышленявшие шитьем национальных головных уборов, изготовлением традиционной узорной кожаной обуви («ичиги»). Эти мастерицы упоминались и в казанской прессе. Готовые изделия женщины сдавали торговцам, имевшим лавки на Сенном базаре. Как подчеркивал «Казанский телеграф», «алчные мусульмане-торговцы» покупают товары за копейки, «но плату выдают не деньгами, а товаром, цены на которые завышены вдвое. Женщины тут же за половину цены продают их, чтобы на выручку купить хлеб» (Казанский телеграф, 1893, 17 ноября).

Немного большей квалификации требовала работа продавщиц или учительниц. Интересно, что в рекламе порой подчеркивалось иностранное происхождение учительниц: «дама-француженка», «опытная молодая учительница-

немка», «немка, опытная преподавательница (бывшая учительница гимназии)», «француженка с дипломом». Эта мода на гувернанток-иностранок прослеживалась еще с рубежа XVIII–XIX вв. Кроме того, очевидно, такие помощницы нужны были и как переводчицы при выезде хозяев за границу. Поэтому иногда это указывалось и в объявлениях: «согласна сопровождать семейство за границу» (Камско-Волжская..., 1913, 7 мая).

Среди рекламодателей были женщины-стоматологи, акушерки, массажистки. Так, в 1895 г. казанский зубной врач Э.Л. Цыпкина сообщала, что принимает больных в центральной части города (ул. Лобачевского) ежедневно от 10 часов утра до 4 часов дня (Казанский телеграф, 1895, 2 апреля). Отдельной группой медицинских работников были акушерки, принимавшие анонимные роды. Именно их рекламу чаще всего можно было встретить в газетах. Так, в «Казанском телеграфе» в том же году имелась реклама частного родовспомогательного приюта акушерки О.В. Аполчиной (Казанский телеграф, 1895, 7 апреля). В 1913 г. анонимная акушерка-массажистка «предлагала сопровождать больных Кавказ, Крым или на кумыс». Адресом для связи с ней были указаны номера «Болгар» (Камско-Волжская..., 1913, 7 мая).

В 1910-е годы среди рекламных объявлений, помимо зубных врачей и акушерок, можно было встретить имена женщин-врачей, оказывающих разные медицинские услуги. Например, в 1912 г. на Большой Проломной улице вели частную практику женщины-врачи С.С. Надель-Пружанская, В.Д. Черноярова (Камско-Волжская..., 1912, 8 января). По сравнению с 1895 г. к 1912–1913 гг. немного увеличилась газетная реклама зубных врачей. Например, имелись объявления стоматологов Э.Л. Цыпкиной, А.А. Балоновой, М.Г. Миркиной, К.А. Смирновой. Все они работали в районе улиц Б. Проломной, Воскресенской. Продолжали рекламировать свои услуги акушерки (М.А. Батыр-Нехотяева, Канищева, Лазарева, Аполчина) (Камско-Волжская..., 1912, 4 января; Камско-Волжская..., 1913, 12 января). К этому времени в Казани работала и частная фельдшерско-акушерская школа (с правами правительственных школ) под началом доктора В.А. Бузунова. Фельдшерско-акушерский курс составлял 4 года, фельдшерский – 3, акушерки 1 разряда обучались 2 года. В 1913 г. обучение в данной частной школе стоило 100 руб. в год (Камско-Волжская..., 1913, 7 мая), что могли себе позволить лишь семьи среднего достатка.

Рекламные объявления показывают появление новых профессий для женщин. Это работа машинисткой, т.е. набор текстов на печатной машинке. В одном из объявлений в 1913 г. «опытная машинистка» сообщала, что «берет переписку на ремингтоне». При этом она была связана с издателями газеты, т.к. для связи с ней были указаны определенные часы приема в редакции «Камско-Волжской речи» (Камско-Волжская..., 1913, 12 января). В другом номере той же газеты появилась информация о том, что «класс обучения и переписки на пишущих машинках (разн. сист.) Л.С. Сунгуровой переведен в 1 Гору, д. Львовой». Плата за обучение составляла 7 руб., при этом же классе были открыты занятия по бухгалтерии (Камско-Волжская..., 1913, 7 мая).

Новым явлением стало привлечение женщин в сферу сельского хозяйства в качестве агрономов. В 1912 г. была опубликована заметка о курсистках-практикантках кружка общественной агрономии Стебутовских курсов в Петербурге, в которой Комиссия по организации летней практики кружка просила уездные земские управы Казанской губернии предоставить на лето слушательницам места помощников агрономов, инструкторов, практикантов и других должности (Камско-Волжская..., 1912, 25 января).

К этому времени намечается тенденция по объединению разных организаций, в том числе в сфере трудоустройства. Например, имелось Бюро для приискания занятий слушательницам Высших женских курсов. Его рекламное объявление сообщало в 1912–1913 гг. о том, что «слушательницы предлагают: давать уроки, репетировать, быть чтицами, исполнять письменные работы, участвовать в церковных хорах». Своих клиенток Бюро рекомендовало клиентам как «опытных учительниц, репетиторш, гувернанток, бонн, чтиц, переписчиц». Любопытно, что речь шла не только о денежном вознаграждении, слушательницы готовы были работать за «стол» (питание) или «квартиру» (жилье) (Камско-Волжская..., 1913, 12 января).

Женщина и социальная девиация

Хроники различных происшествий были постоянной составляющей провинциальных газет. Под такие материалы выделялись специальные рубрики. Героинями публикаций были женщины разных сословий и конфессий. Например, дочери, жены купцов, дворян, их вдовы часто выступали собственниками разного движимого и недвижимого имущества, они являлись активными субъектами экономических и правовых отношений. Последнее обстоятельство находило отражение в периодической печати, если владелицы заявляли о потере или порче своего имущества (Казанский телеграф, 1900, 15 июня). Нередко встречались судебные споры между наследниками (Казанский биржевой..., 1892, 31 января).

Но в хрониках чаще всего давались описания фактов социальной девиации (кражи, покушение на самоубийство, брошенные дети, нелегальная торговля и т.д.). Источником информации, как правило, выступали судебные органы власти. Встречались дела об убийствах. Например, газета «Казанский биржевой листок» в 1890 г. привела случай Хадинисы Габитовой, обвиняемой в убийстве мужа. Соучастниками дела проходили её приемные дети-подростки (сын и дочь). В зале Казанского окружного суда сообщили, что «покойный тиранил жену и своих детей от другой жены», «бил, выгонял из дому, а сам в это время пьянствовал». Когда отец семейства в очередной раз выгнал их, жена вручила пасынку веревку. Присяжные оправдали жену и дочь, а сына признали виновным (Казанский биржевой..., 1890, 6 ноября).

Покушения на самоубийства фиксировались, в основном, в рабочих и крестьянских семьях. Причем если в сельской местности это были девочки-подростки (15–18 лет) (Камско-Волжская..., 1912, 15 января), то в городе пыта-

лись покончить с жизнью молодые женщины (20–32 лет) рабочих профессий (портнихи, прачки). В некоторых случаях причиной подобных настроений среди городских женщин был алкоголизм (Камско-Волжская..., 1912, 22 января). Появлялись газетные сообщения о покушении на самоубийство известных женщин. Например, в 1912 г. в «Камско-Волжской речи» был материал об артистке Большого театра, партнерше Ф. Шаляпина, оперной певице Е.Н. Хрениковой (Камско-Волжская..., 1912, 10 января).

Женщины из мещанской среды нередко становились фигурантками судебных дел из-за нелегальной торговли алкоголем. Например, 20 января 1912 г. мировой судья 5-го участка г. Казани оштрафовал (с заменой штрафа на 2–3-х дневный арест) за торговлю водкой двух жительниц Адмиралтейской слободы Анастасию Лещатову и Кочетову. Вероятно, они не были в состоянии выплатить штраф. В тот же период за торговлю водкой была приговорена к 4 месяцам тюремного заключения Евдокия Горшенева – владелица пивной лавки на Устье (Камско-Волжская..., 1912, 22 января).

Женский алкоголизм способствовал разным формам социальной девиации. Например, с ним связывались дела о воровстве. В январе 1912 г. две девицы 23–24 лет Ф.И. Малышева и Е.В. Шегалева обвинялись в краже белья со двора дома на Проломной улице Казани. В суде девушки объяснялись, что они были пьяны. Девушки были заключены в тюрьму на 3 месяца. Дела о хищениях были частыми в практике мировых судей.

Регулярно в хрониках происшествий публиковались сообщения о «тайных притонах разврата» и связанных с ним случаях. Обычно на такие дома или квартиры указывали соседи, после этого туда направлялась полиция. Так, в 1894–1895 гг. газеты в красках описывали нелегальные публичные дома на Варламовской, Рыбнорядской улицах г. Казани. «Волжский вестник» писал о «вертепе» в квартире Галиакберова, где «на полу валялась полунагая женщина в бесчувственно пьяном состоянии – одна из жертв легкой наживы содержателя этого притона». На время полицейского визита еще три пьяные женщины были заперты в подвале. Галиакберов был приговорен к аресту сроком на 1 месяц (Волжский вестник, 1894, 3 августа). «Казанский телеграф» сообщал об аналогичном случае по другому адресу, где «весь дом был наполнен проститутками, занимающимися тайно своим ремеслом» (Казанский телеграф, 1895, 14 апреля). Вместе с тем, государство само способствовало развитию такого вида «услуг». Например, в газетах печатались официальные сообщения о «домах терпимости» без оценочных суждений. Так, «Казанский биржевой листок» в 1887 г. сообщал, что в Казани имеется до 30 легальных домов терпимости, в которых трудилось около 250 человек. «Число проституток-одинок не приведено в известность, но оно в несколько раз превышает число женщин, живущих в публичных домах», – заключала газета (Казанский биржевой..., 1887, 10 января).

Газеты порой проливали свет на предысторию таких публичных женщин. В 1900 г. «Казанский телеграф» познакомил читателей с историей 17-летней казанской мещанки Б.-С. Латыповой, которую обманным путем вывезли в другой

город для работы в «притон разврата». Женщина-посредница аферы была описана газетой как «солидная мусульманская дама», входящая в «хорошие дома». Родители обманутой девушки искали её с помощью полиции (Казанский телеграф, 1900, 30 января). В хрониках происшествий появлялись сообщения и о других пропавших девушках. Например, в январе 1913 г. в уездном городе Чебоксары искали без вести пропавшую ученицу модной мастерской Холмской Елизавету Косолапову. «Отпросившись у своей хозяйки к родным, она пробыла там недолго, ушла и не вернулась к хозяйке, – говорилось в сообщении. – Розыски ее пока не привели ни к каким результатам» (Камско-Волжская..., 1913, 4 января).

Женщина как борец за свои права

В рассматриваемый период одним из самых волнующих был «женский вопрос». Газеты периодически печатали материалы об отсутствии у женщин определенных прав. Особенно это было актуально для профессиональной среды, а чаще всего заявляли о своих правах женщины-врачи. В провинциальной прессе по этому поводу могли перепечатываться статьи из других периодических изданий. Например, «Казанский биржевой листок» в 1887 г. приводил материалы немецкой газеты «National Zeitung», где критиковалось европейское отношение к женщинам-врачам и ограничения их прав, при этом высоко оценивалась ситуация в Америке, где врачам женского пола предоставлялось больше возможностей для профессионального роста (Казанский биржевой..., 1887, 19 июля). В газете «Казанский телеграф» в 1895 г. была опубликована статья «К правам женщин-врачей», где приводилось мнение доктора Жбанкова о необходимости предоставления выпускницам медицинских факультетов заграничных университетов более широких прав в России. На тот момент они имели право ходатайствовать о предоставлении им права врачебной практики только в тех губерниях, в которых они на тот момент проживали (Казанский телеграф, 1895, 9 апреля). Это ограничивало мобильность женщин-врачей.

Встречались и локальные материалы, которые были созвучны с указанной проблемой. В нескольких номерах «Казанского биржевого листка» в 1887 г. выходили заметки о женщине-враче Е.И. Карасинской, работавшей в Казани и завоевавшей доверие множества пациентов. Она рано умерла, и газета напечатала материалы в связи с её скоропостижной кончиной. В некрологе биография женщины-врача Карасинской-Троицкой была подана как пример постоянной борьбы за женские права. Ей отказывали в трудоустройстве, предлагали компромиссные варианты (например, устроиться официально фельдшерницей, а выполнять фактически обязанности врача), но она настаивала на своем (Казанский биржевой..., 1887, 23 апреля; Казанский биржевой..., 1887, 2 мая). Чуть позднее газета привела случай женщины-врача А.Г. Косс из Мамадыша, которой гласные земского собрания урезали жалованье, «так как женский труд везде и во всех делах цениться много дешевле мужского». При этом если 60% гласных проголосовали «за», то 40% были все-таки «против». Отмечалось, что женщи-

на-врач Косс пять лет служила в этом уезде и «добросовестным исполнением своих обязанностей весьма лестно зарекомендовала себя», успевая обслуживать не только больных своего участка, но при необходимости еще двух (Казанский биржевой..., 1891, 11 октября). В материале не было голоса самой женщины-врача.

Очевидно, из-за постоянных случаев ущемления женских прав в обществе возникла потребность в самоорганизации женщин-врачей и их профессиональном объединении. Так, казанские женщины-врачи организовали собственное Общество врачей-женщин, а 8 января 1912 г. это объединение открыло лечебницу для приходящих больных в мещанской части Казани (Камско-Волжская..., 1912, 8 января). Лечебница была многопрофильной. Наряду с женщинами-врачами (К.Г. Трубина, Н.И. Кедрова, В.Д. Черноярова, Н.И. Сергеева-Сильченко, С.С. Надель-Пружанская, А.Е. Шулер, Л.А. Никольская-Краузе, Е.Н. Архангельская), в ней работали и мужчины. Делались анализы, прививки, устраивались осмотры кормилиц и т.д. Любопытно, что в коммерческом объявлении все специалисты-женщины были указаны как «д-р», а не официально как «женщина-врач» (Камско-Волжская..., 1912, 10 января).

Некоторые публикации в казанских газетах указывают на то, что ряд женщин (предпринимательниц или же общественных деятельниц, благотворительниц) пытались отстаивать личную позицию. Иногда они делали это даже с привлечением прессы. Например, в 1912 г. «Камско-Волжская речь» писала о нескольких случаях, где фигурировали женщины такого типа. В разделе о городских хрониках упоминалась безымянная «арендаторша катка на Черном озере», пытавшаяся убедить городскую управу уменьшить ей арендную плату, т.к. учащимся близлежащих учебных заведений администрация запретила посещение катка, и это отражалось на её прибыли (Камско-Волжская..., 1912, 19 января).

В том же номере разместились заметка о случае известной общественной деятельницы Н.П. Куприяновой. Она занималась организацией бесплатных столовых для крестьян Тетюшского уезда Казанской губернии, пострадавших от неурожая. В благотворительное дело ею были вовлечены местные священники и муллы, врачи, учителя. 4 января 1912 г. женщину вызвали на допрос в Казанское губернское жандармское управление «для допроса в качестве свидетельницы в порядке положения о государственной охране». Н.П. Куприянова была возмущена таким отношением властей и отправила письмо в столичную газету «Речь». Это письмо было пересказано и частично перепечатано казанским изданием: «... Как все это ни неприятно, но раз столовые благополучно существуют и голодные обедают, то личные неприятности в счет не идут. Я сказала жандармскому офицеру, что сообщу о допросе Императорскому вольному экономическому обществу, – писала Н.П. Куприянова. – Он не протестовал, но несколько раз повторил: «Мы вас спрашивали, как свидетельницу!» (Камско-Волжская..., 1912, 19 января).

С похожим текстом выступила в печати другая женщина, тоже занимавшаяся сбором благотворительной помощи голодающим, В.Н. Бекетова. Она

опубликовала письмо-благодарность тем, кто помог ей в этом деле в газете «Казанский телеграф». Но редакционное дополнение её текста ввело в заблуждение читателей, решивших, что из-за «нарушения постановлений» она вынуждена закрыть бесплатную столовую. Женщина обратилась уже в «Камско-Волжскую речь»: «Я имею обширный круг знакомства в деревне с бабами и ребятами, а знакомых кормить не возбраняется никакими законами, – отвечала В.Н. Бекетова во втором письме. – Почему виноватой себя в нарушении постановлений начальства не считаю» (Камско-Волжская..., 1912, 10 января).

Вопрос о правах женщин в провинциальной печати озвучивался чаще мужчинами, нежели самими женщинами. Например, именно мужчинами в 1899 г. было инициировано создание «Общества защиты несчастных женщин» в Казани – организации, занимавшейся поддержкой женщин, оставивших занятие проституцией. Например, один из учредителей П.М. Красиков выступал в судебных делах адвокатом женщин, судившихся, к примеру, с бывшими работодателями (Казанский телеграф, 1900, 30 января). Позднее общество было оформлено как «Общество защиты женщин» и действовало на территории всей империи, в том числе в Казани. Женщины сами редко выступали в открытую борьбу с общественностью. Единичные случаи были лишь исключением из правил.

Болезненным в этот период был вопрос о положении женщины в семье, если брак был несчастным. Провинциальная печать затрагивала и эту проблему. В «Камско-Волжской речи» была опубликована статья А. Васильева «Раздельное жительство супругов». Автор рассуждал о неудавшемся новом законопроекте о разводе, который вносился в Государственную Думу, но был отозван. Начались обсуждения законопроекта о «раздельном жительстве супругов»: «Наша брачная жизнь слишком часто и больная, и жестокая, безнравственная – ее закон должен полечить и оздоровить, а без увеличения причин развода и без изменения самых принципов бракоразводного процесса этого сделать нельзя», – заключал автор (Камско-Волжская..., 1912, 8 января).

У мусульман бракоразводный процесс в это время был устроен проще. Религиозные нормы допускали расторжение неудачного брака. Но и такие случаи проходили не всегда гладко. Естественно, редакции казанских газет писали больше о необычных случаях. Например, в 1900 г. издатели обратили внимание на татарскую семейную пару из Казанского уезда. Муж, выступавший против развода, обокрал супругу (перины, украшения и т.п.) в надежде, что она передумает (Казанский телеграф, 1900, 4 октября). При разводе татарки в этот период обращались не только в Оренбургское магометанское духовное управление в Уфе для решения вопроса по шариату, но и в гражданские судебные органы. Особенно если дело касалось опеки над детьми и выплат алиментов. Например, «Казанский телеграф» опубликовал заметку «Иск разведенной жены к мужу о пособии на воспитание ребенка». В публикации рассказывался случай Биби-Газизы Яушевой, состоявшей ранее в браке с Абдрахманом Катеевым. Она требовала алименты на содержание 4-летней дочери, муж в ответ хотел забрать ре-

бенка к себе. Дело сначала рассматривалось в мировом суде, затем передали в Окружной суд (Казанский телеграф, 1900, 28 октября). Яушева была представительницей известной купеческой фамилии, её интересы защищал специальный адвокат. Чаще всего такие дела, демонстрирующие определенную женскую субъектность, после привлечения большого числа свидетелей, решались в пользу женщин.

Женщина-мусульманка

Население Казанской губернии было по составу этноконфессиональным. Татары составляли 31,1% от общего числа жителей. В Казани проживало 28348 татар (Первая всеобщая..., 1904: 5). В просвещенной среде, по сложившейся исторической традиции, Казань воспринималась как «окно на Восток», как город с яркой мусульманской культурой. В этой ориентальной оценке было немало стереотипного, а местным мусульманам приписывались порой не свойственные им качества. Например, ярким трудом, написанным в такой стилистике, является работа врача и ректора Казанского университета К. Фукса о казанских татарах (1844). Научные исследования в этом русле выполнялись во время работы «Общества археологии, истории и этнографии» при Казанском университете. Например, супруга казанского городского головы Ольга Лебедева (псевд. Гульнар ханум), посещавшая заседания Общества, в 1899 г. участвовала в конгрессе ориенталистов в Риме (Каримуллин, 1977). Там она сделала два доклада по истории казанских татар и о положении мусульманских женщин. Интерес к татарам-мусульманам прослеживается и в материалах периодической печати Казани второй половины XIX – начала XX вв.

Заметки, где упоминались татары, в том числе женщины, появлялись в газетах регулярно. Чаще всего они были связаны с судебными органами власти: в сообщениях из зала судебного заседания или в других хрониках, где, как правило, не делали различий между народами и конфессиями, акцентируя внимание лишь на месте жительства и сословной принадлежности фигуранта дела.

Мусульманская идентичность героя или героини подчеркивались в материалах другого типа – в специальных корреспонденциях или рубрике. Например, в «Казанском телеграфе» была колонка «Из мусульманского мира». Издательница газеты Александра Григорьевна Ильяшенко планировала учредить отдельную газету «Мусульманский телеграф», но не получила разрешения (ГАРТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1107. Л. 1). В рубрике часто печатались короткие сообщения об успехах народного просвещения, благотворительности и другая информация. Иногда это были перепечатки из других газет. В целом, сведения из этой колонки были связаны с интересами образованных слоев татарского общества.

Очевидно, что внимание русской прессы к российскому исламу обратил крымскотатарский издатель и редактор Исмаил Гаспринский. Он был автором труда о «Русском мусульманстве» (1881). Кроме того, в его газете «Тарджеман», издаваемой в Бахчисарае с 1883 г., была и русскоязычная часть. Газету читали по всей Российской империи, особенно в Волго-Уральском регионе.

В 1891 г. «Казанский биржевой листок» перепечатал из «Петербургского листка» материал под названием «Магометанка, изучившая медицину». Речь шла о «юной мусульманке» Разие Кутлуяровой, учившейся в школе лекарьских помощников и фельдшерниц Санкт-Петербургского дамского лазарета комитета Российского Красного креста. «С умным, выразительным лицом, Разыя-ханум производит приятное печатление и она смело может рассчитывать на хороший прием среди стыдливых правоверных соплеменниц» (Казанский биржевой..., 1891, 19 июня).

Публикация повторяла стиль «Тарджемана». Через несколько лет об этой же татарке, уроженке Касимова, в 1893 г. написал «Казанский телеграф». В короткой заметке говорилось, что «Биби-Радья Кутлуярова выехала из Петербурга на место своего служения», подчеркивалось, что она «первая женщина-врач», а провожала её на вокзале целая группа «учащейся мусульманской молодежи» (Казанский телеграф, 1893, 13 октября). Очевидно, что корреспондентом русской газеты в этом случае выступал какой-то татарин или татарка, передавшие эту частную новость в публичное информационное пространство.

В рубрике встречались официальные новости. Например, в 1895 г. газета написала о «высочайшем приеме трех оренбургских мусульманских дам» Хадиче Дивишевой, Ширинбану и Мефтухе Хусаиновых. 21 января 1895 г. они встретились с императором Николаем II, Марией Федоровной и Александрой Федоровной. В честь коронации женщины подарили императрице оренбургский пуховый платок тонкой работы и татарский наряд (национальный костюм) (Казанский телеграф, 1895, 1 февраля).

В газетных материалах поддерживался образ мусульманки, ограниченной в правах и находящейся из-за этого в крайне невыгодном положении в семье и обществе. Сообщения о татарах Казани усиливали эту оценку. В 1900 г. «Казанский телеграф» писал о том, что «громадное большинство мусульманок и руками, и ногами отмахивается при простом даже намеке на участие в спектаклях. В Казани, например, едва ли найдется десяток представительниц прекрасного пола из мусульманок, которые согласились бы публично выступить на сцене» (Казанский телеграф, 1900, 20 января).

В 1903 г. анонимный автор статьи в «Казанском телеграфе» сетовал на то, что мусульманок «не заманить в театр» и им еще предстоит подняться «до должной высоты культурного развития, никакими ложами их не заманить в театр» (Амирханов, 2004: 511). Речь шла о русском театре. Несколько лет спустя в Казани начнут ставить татарские спектакли, где играли женщины, начала делать первые шаги знаменитая актриса Сахипжамал Гиззатуллина-Волжская. В печати же акцентировали внимание на сопротивлении новому явлению небольшому числу татар, в том числе с помощью описания мелких происшествий. Так, в 1907 г. «Казанский телеграф» привел спор двух татар в чайной, дошедшего до мирового суда. Причиной инцидента стали слова одного из фигурантов, заявившего, что жена его оппонента Латыпова «ходит в театр и гуляет с посторонними мужчинами под ручку». Между тем, выяснилось, что жена Ла-

тыпова вовсе не выходит из дома, т.к. она уже четыре года больна. Ответчик потом объяснялся в суде, что во время того разговора он имел в виду мусульманскую женщину в целом, которой запрещены походы в театр и нельзя показывать лицо посторонним мужчинам. Суд оправдал обвиняемого, а газета поместила этот случай под заголовком «На почве толкования Корана» (Казанский телеграф, 1907, 30 ноября).

В заметке «Дорогу мусульманке» в газете «Казанский телеграф» в 1905 г. высоко оценивалась деятельность Мусульманского благотворительного общества Казани, члены которого финансово поддерживали ученицу-мусульманку Родионовского института благородных девиц. «Необходимо оказать поддержку и другим мусульманкам, не имеющим возможности получить ни первоначально, ни среднего образования, не говоря уже о высшем», – сетовал автор. – Поддержка эта может быть в оказании нравственного воздействия почтенных мусульман на родителей, мешающих и всячески противодействующих дочерям в их стремлении получить образование» (Амирханов, 2004: 43).

Газеты иногда противоречили сами себе. Например, в одной из заметок о медицинском обслуживании татарского населения Казани в 1893 г. можно прочитать о том, что амбулатории думских врачей особенно часто посещали татарки («из громадной цифры принятых им больных самая значительная часть падает именно на татарок») (Казанский телеграф, 1893, 2 июля). Тогда же в 1901 г. в «Казанском телеграфе» была заметка об открытии в Казани татарской женской школы. Газета подчеркивала, что это первая начальная школа для татарских девочек в Казанском учебном округе, в Оренбургском же округе таких много (Амирханов, 2004: 503). На самом деле речь шла о русско-татарской женской школе. Даже в Казани в это время уже работали частные татарские школы для девочек, а в последней четверти XIX в. открывались и русско-татарские женские школы. В данном случае редакция газеты публиковала не совсем достоверную информацию.

Образ о трудном положении мусульманской женщины мог поддерживаться небольшими сообщениями о повседневной жизни. Например, «Волжский курьер» в 1906 г. опубликовал заметку «Заявление татарок», где говорилось об обращении группы татарских женщин в Казанскую городскую Думу с просьбой назначить им для посещения отдельные два дня в неделю. Они просили, чтобы в эти дни мужчин не пускали в библиотеку (Амирханов, 2004: 524). Такая практика, создающая комфортные условия для женщин, встречалась и в других городах, где проживали татары-мусульмане (например, в Уфе, Троицке). Аналогичными соображениями руководствовались инициаторы открытия отдельного родовспомогательного заведения для мусульманок в Казани. Он устраивался как филиал городской больницы и поддерживался Мусульманским благотворительным обществом Казани. Безусловно, торжественное открытие учреждения, где присутствовали первые лица губернии и города, привлекло внимание и местной печати (Камско-Волжская..., 1912, 25 января).

Женщина как объект просвещения

Развитие женского образования рассматривалось как продолжение «женского вопроса». В провинциальной печати определенное внимание уделялось фактам об открытии женских школ, различных курсов, внешкольном досуге как элементах всестороннего развития личности. В это время набирали популярность экскурсии для учениц женских учебных заведений, про некоторые из них писали даже в газетах. Сами ученицы могли через прессу выразить благодарность организаторам, учебной администрации. Так, слушательницы Казанских высших женских курсов через «Камско-Волжскую речь» благодарили своих преподавательниц за организацию экскурсионной поездки в столичные города: «Позвольте чрез посредство Вашей уважаемой газеты выразить искреннюю благодарность руководительницам экскурсии казанских курсисток в Петербург и Москву – Татьяне Васильевне Смирновой, Лидии Капитоновне Безсоновой и Анне Алексеевне Киселевой за их труды в деле руководства и внимание к интересам экскурсанток», – писали они в 1912 г. (Камско-Волжская..., 1912, 10 января).

Казанские высшие женские курсы были предметом особой гордости для образованной публики Казани и губернии. Впервые они открылись в 1876 г. и работали до 1884 г., после долгого перерыва курсы начали функционировать вновь в период первой русской революции и открылись 23 октября 1906 г. (Амирханов, 2004: 527).

Газеты писали об учебных программах, приводили школьную и университетскую статистику, публиковали отчеты учебных заведений, в том числе финансовые. Например, в Казанском университете в начале 1912 г. числилось 17 вольнослушательниц, из них 6 обучались на отделении естественных наук физико-математического факультета, 4 – юридическом факультете, 7 – медицинском. Кроме того, 62 человека получали образование в «повивальном институте» (курсы акушерок) при университете (Камско-Волжская..., 1912, 20 января).

Число слушательниц Казанских высших женских курсов в 1910–1911 учебном году составляло 970 человек. Больше всего среди них было представительниц православного духовенства – 291 человек, чиновников – 166 человек, к мещанскому сословию относили себя 149 человек, крестьянскому – 108 человек, купеческим семьям – 39 человек, к личным и потомственным дворянкам – 32 человека, личным и потомственным гражданам – 21 человек. Было много слушательниц из семей разночинцев. Так 59 человек указаны как жены студентов, 22 – офицеров (в том числе дочери), 21 – врачей, 20 – учителей, 13 – нижних чинов, 12 – преподавателей университета, 6 – фельдшеров, цеховых – 6, присяжных поверенных – 3, землевладельцев – 1, провизоров – 1. Большую часть слушательниц составляли православные (921 человек). На курсах обучались старообрядки (24 человека), иудейки (13 человек), протестантки (6 человек), мусульманки (3 человека), католички (2 человека) и армянка (1 человек).

В этом же отчете имелся большой фрагмент о преподавательском составе высших женских курсов и денежных капиталах, расходах и доходах нового учебного заведения (Камско-Волжская..., 1912, 4 января).

6 мая 1914 г. «Камско-Волжская речь» сообщила об идее организации в Казани высших женских физико-математических курсов. Инициатором было «Общество естествоиспытателей при Казанском университете», которое планировало пустить средства, собранные от публичных лекций, на организацию постоянных женских курсов. К тому времени состоялось 10 платных лекций, которые дали организаторам сбор до 2300 руб. В среднем каждую лекцию посещало около 500 человек. «Цифра довольно значительная, особенно, если принять во внимание, что лекционный период совпал с сезоном театральных зрелищ, концертов, выступлений приезжих лекторов и т.п.», – резюмировала газета (Камско-Волжская..., 1914, 6 мая).

Рост интереса к женскому просвещению и появление новых возможностей для профессионального развития можно проследить в разделе с газетными объявлениями. Например, учениц набирали через объявления Казанской частной фельдшерско-акушерской школы, о классе обучения и переписки на пишущих машинках Л.С. Сунгуровой, о курсах по бухгалтерии, о разных школах кройки и шитья и о других центрах женского просвещения.

В заметках часто подчеркивалось, что дело женского просвещения еще требует развития и есть, например, чему учиться либо у других регионов России, либо у зарубежных городов. Так, «Казанский телеграф» в 1895 г. поместил заметку «Успехи высшего образования женщин в Англии», источником которой послужила публикация в «Педагогических ведомостях». В ней говорилось о доступности английским женщинам разных учебных заведений, об отдельном женском университете и сети женских колледжей при университетах (Казанский телеграф, 1895, 11 апреля).

Обращает на себя внимание, что в разнообразных публикациях о женских школах или курсах в большей степени сообщалось об учреждениях. Основные действующие лица учебного процесса – ученицы и учительницы – оставались за рамками газетных сообщений. Женщина как личность могла упоминаться, например, в сообщениях о благотворительных сборах в её пользу. «...помогите бедной девушке, которая по расстроенному здоровью должна была оставить место помощницы сельской учительницы в селе Шапшах Казанского уезда, – сообщал «Казанский телеграф» в 1895 г. – Теперь она в земской больнице, где после опасной операции ее возвратили к жизни, но продолжать эту «жизнь» по выходе из больницы, ей негде и не на что». Сбор предназначался Антонине Годфридовне Беме. Средства собирались прямо в редакции газеты (деньгами или одеждой) (Казанский телеграф, 1895, 11 апреля). Исключением могли быть публикации о выпускнице какого-то учебного заведения. Например, упомянутые выше заметки о Б-Р. Кутуляровой.

* * *

Анализ русскоязычной прессы Казанской губернии показывает, что в это время периодические издания конструировали противоречивый образ женщины. С одной стороны, он был привязан к её социальному происхождению, с другой, буржуазное развитие общества нивелировало этноконфессиональные и сословные границы. Существующие различия маркировались по другим, внешним признакам. Таким способом в обществе проводилась грань между «дамами» и другими женщинами. Для «дам» предназначалась многочисленная «модная» продукция, активно рекламируемая в газетах. «Дама» была олицетворением показной женственности и такого же успеха в разных сферах жизни. Она покупала наряды и аксессуары, могла быть представлена императорской семье, занималась благотворительностью. При этом в газетах «дамские товары» соседствовали с «дамскими лазаретами», а «солидная мусульманская дама» из городских хроник с «дамой-француженкой» из объявлений о поиске работы. Последняя была скорее фигурой речи, для усиления эффекта объявления. В трудовой сфере «дамы» являлись исключением, это были лишь женщины интеллигентных профессий и простые работницы (домашняя прислуга, фабрично-заводские работницы). Газетные материалы иллюстрируют широкий спектр трудовой занятости женщин Казанской губернии: от традиционных «женских» занятий (уход за детьми и больными, работа в сфере услуг) до новых профессий (дантист, бухгалтер, машинистка, агроном). В это время наметилась тенденция по созданию профессиональных союзов (например, Общество женщин-врачей Казани) и других объединений для защиты прав женщин, содействия их трудовой занятости.

Газетные хроники социальной девиации (кражи, нелегальная торговля, самоубийства) ассоциировались с непривилегированными слоями общества. В публикациях фигурировали женщины разного социального происхождения. Женщины могли быть как обвиняемыми в преступлениях, так и потерпевшими. Среди последних нередко встречались собственницы имущества. Такие судебные разбирательства указывают на то, что женщины выступали активными субъектами экономических и правовых отношений. Но в данной группе газетных сообщений практически не употреблялось обозначение «дама». Так редко называли женщин, настроенных на борьбу с обществом или властью. Например, в казанских газетах за изучаемый период героинями такого рода публикаций были женщины-врачи, благотворительницы (или организаторы благотворительных сборов). Очевидно, их профессиональная занятость и общественная работа были трудно сопоставимы с образом «дамы» (по умолчанию, «рабыни моды»). Это были уже женщины «нового» типа. «Женский вопрос» поднимался в газетах чаще мужчинами, нежели самими женщинами. Голос женщины фиксировали редкие «письма в редакцию». Женская субъектность находила отражение в семейно-бытовых делах, о которых иногда писали газеты. Это могли быть описания бракоразводных процессов, инициированных татарками-мусульманками.

Отдельно необходимо выделить конструируемый русскоязычными газетами Казанской губернии образ мусульманской женщины, который мало отличался от оптики ориенталистов той эпохи. В публикациях такого типа, объединенных в специальной рубрике, подчеркивалось трудное положение мусульманок в семье и обществе, отсутствие возможностей для их «культурного развития». Между тем, сообщения о новых социальных инициативах в татарском обществе (открытие школы и больниц, деятельность благотворительного общества) демонстрировали наметившиеся изменения по модернизации традиционных установок и влияние общеимперской культуры на инородцев. Русскоязычная периодическая печать показывала таким образом свое представление о мире «мусульманства». Татарская пресса Казанской губернии обращала внимание на схожие проблемы, объединенные концептом «просвещение и прогресс», но ставила акценты по-другому, но анализ татарских газет и журналов выходит за рамки нашего исследования.

Несмотря на внимание к вопросам женского просвещения в прессе, по этим материалам трудно вычленил образ просвещенной женщины. В газетах публиковались разнообразные отчеты (школьная статистика, доходы и расходы учебных заведений), информация об учебной программе, заметки о внешкольной жизни (ёлки, экскурсии), объявления о приеме, но практически не встречались статьи об отдельных ученицах как о состоявшихся личностях или об их достижениях. Все это скрывалось за общей статистикой. Выпускниц женских учебных заведений в газетах не представлялись как пример для общества. Практически отсутствовали газетные заметки, написанные ими самими. Все это указывает на то, что женщина оставалась скорее объектом просвещения и данные газеты (за исключением рекламы или специальных рубрик) не выпячивали их самостоятельность в этой области.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

ИСТОЧНИКИ

История Казани в документах и материалах. XX век / под ред. Р.У. Амирханова. Казань: Магариф, 2004.

Волжский вестник. 1894. 3 августа.

Волжский вестник. 1905. 10 ноября.

ГА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1107.

ГА РТ. Ф. 41. Оп. 2. Д. 2205.

ГА РТ. Ф. 390. Оп. 2. Д. 366.

ГА РТ. Ф. 390. Оп. 2. Д. 477.

ГА РТ. Ф. 420. Оп. 1. Д. 19.

Казанский биржевой листок (1887). 10 января.

- Казанский биржевой листок (1887). 23 апреля.
Казанский биржевой листок (1887). 2 мая.
Казанский биржевой листок (1887). 19 июля.
Казанский биржевой листок (1890). 6 ноября.
Казанский биржевой листок (1891). 19 июня.
Казанский биржевой листок (1891). 11 октября.
Казанский биржевой листок (1892). 31 января.
Казанский телеграф (1893). 2 июля.
Казанский телеграф (1893). 13 октября.
Казанский телеграф (1893). 17 ноября.
Казанский телеграф (1895). 1 февраля.
Казанский телеграф (1895). 2 апреля.
Казанский телеграф (1895). 7 апреля.
Казанский телеграф (1895). 9 апреля.
Казанский телеграф (1895). 11 апреля.
Казанский телеграф (1895е). 14 апреля.
Казанский телеграф (1900). 20 января.
Казанский телеграф (1900). 30 января.
Казанский телеграф (1900). 25 марта.
Казанский телеграф (1900). 15 июня.
Казанский телеграф (1900). 4 октября.
Казанский телеграф (1900). 28 октября.
Казанский телеграф (1907). 30 ноября.
Камско-Волжская речь (1912). 4 января.
Камско-Волжская речь (1912). 8 января.
Камско-Волжская речь (1912). 10 января.
Камско-Волжская речь (1912). 13 января.
Камско-Волжская речь (1912). 15 января.
Камско-Волжская речь (1912). 19 января.
Камско-Волжская речь (1912). 20 января.
Камско-Волжская речь (1912). 22 января.
Камско-Волжская речь (1912). 24 января.
Камско-Волжская речь (1912). 25 января.
Камско-Волжская речь (1913). 4 января.
Камско-Волжская речь (1913). 12 января.
Камско-Волжская речь (1913). 7 мая.
Камско-Волжская речь (1914). 6 мая.
Камско-Волжская речь (1914). 7 декабря (экстренный выпуск).

XX гасыр башы татар вакытлы матбугатында хатын-кыз мэгарифе мэсьэлэлэре (документлар жьентыгы) / төз. *Л.Р. Мортазина, А.Ә. Зиннәтуллина*. Казан: ТР ФА Ш.Мәржани ис. Тарих институты, 2020.

Первая всеобщая перепись населения. Казанская губерния. Казань: Типография «Слово», 1904.

Фәхреддин Р.Ф. Балаларга нэсыйхэт. Казан: Рухи Мэгърифэт Академиясе, 2006.

ЛИТЕРАТУРА

История Казани: В 2 томах (Т. 1) / под ред. Я.А. Абдуллина. Казань: Татарское книжное издательство, 1988.

Айнутдинов Р.А., Гилязов З.З. Пресса Казани XIX – XXI в. Казань: Издательство Института татарской энциклопедии, 2016.

Алексеев И.Е. Флагман правой казанской периодики: газета «Казанский Телеграф» и её редактор Н.А. Ильяшенко // Русская линия. 2009. 12 марта. URL: <https://rusk.ru/st.php?idar=113922> (дата обращения: 4.05.2025).

Ежова С.А. Дни Белого цветка в Казани: благотворительный праздник начала XX в. как опыт социально-культурного взаимодействия // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2019. № 2. С. 6–25.

Каримуллин А.Г. О.С. Лебедева – «Гульнар-ханум» // Народы Азии и Африки. 1977. № 3. С. 146–152.

Насыров Т.М. Камско-Волжская речь // Татарская энциклопедия / под ред. М.Х. Хасанова. Т. 2. Казань: Издательство Института татарской энциклопедии, 2006. С. 211.

Шабалина С.С. Досуговая повседневность провинциальных горожанок Казанской и Вятской губерний на рубеже XIX – начала XX века: балы, маскарады, танцевальные вечера // Genesis: исторические исследования. 2024. № 3. С. 87–93. <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2024.3.69978>

REFERENCES

Aynutdinov R.A., Gilazev Z.Z. (2016). *Print media of Kazan 19th – 21st centuries*. Kazan: Institute of Tatar Encyclopedia Publ. (In Russ.)

Alekseev I.E. (2009). Flagship of the right-wing Kazan periodicals: The newspaper “Kazan Telegraph” and its editor N.A. Ilyashenko. *Russkaya liniya* [Russian line]. March 12. URL: <https://rusk.ru/st.php?idar=113922> (accessed: 4.05.2025) (In Russ.)

Ezhova S.A. (2019) White Flower Days in Kazan: a charitable event of the early 20th century as a sociocultural interaction experience. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov* [Echo of Centuries]. No. 2: 6–25. (In Russ.)

History of Kazan (1988). Vol.1. Ed. Abdullin Ya.A. Kazan: Tatar Book Publ. House. (In Russ.)

Karimullin A.G. (1977) O.S. Lebedeva – "Gulnar Khanum". *Narody Azii i Afriki* [Peoples of Asia and Africa]. No. 3: 146–152. (In Russ.)

Nasyrov T.M. (2006). The Kama-Volga speech. In: *The Tatar Encyclopedia*. M.Kh. Khasanov (ed.). Vol. 2: 211. Kazan: Institute of Tatar Encyclopedia Publ. (In Russ.)

Shabalina S.S. (2024). Daily leisure activities of provincial townspeople of the Kazan and Vyatka provinces at the turn of the 19th – early 20th century: balls, masquerades, dance evenings. *Genesis: istoricheskiye issledovaniya* [Genesis: Historical Studies]. No. 3: 87–93. <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2024.3.69978> (In Russ.)

Сведения об авторах:

Габдрафикова Лилия Рамилевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0002-9940-9097>; e-mail: bahetem@mail.ru

Миронова Елена Валерьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0003-2818-8490>; e-mail: Yelena.Mironova@yandex.ru

About the authors:

Liliya R. Gabdrafiqova, Dr. Sc. (History), Chief Researcher of the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0002-9940-9097>; e-mail: bahetem@mail.ru

Elena V. Mironova, Cand. Sc. (History), Senior Researcher of the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0003-2818-8490>; e-mail: Yelena.Mironova@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 7.05.2025

Доработана после рецензирования / Revised 27.06.2025

Принята к публикации / Accepted 6.07.2025

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2025-10-3.409-424>

EDN: LGNTYI

**Семья и семейная память как факторы сохранения
традиционных религиозных ценностей в советский период
(по данным качественных социологических
исследований в Республике Мордовия)**

О.А. Богатова

*Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н.П. Огарёва
Саранск, Российская Федерация
bogatovaoa@gmail.com*

Резюме. В статье на основе анализа данных качественных исследований, предпринятых автором в контексте memory studies в 2020 г. (глубинные интервью с 35 жителями Республики Мордовия из числа потомков жертв массовых репрессий) и 2023 г. (глубинные интервью с 30 студентами Национального исследовательского государственного университета), выявляется социальная роль института семьи и женщин в сохранении традиционных культурных ценностей в регионе в период советских социальных трансформаций. Результаты исследования позволяют охарактеризовать семью в качестве преобладающего фактора сохранения традиционных семейных и религиозных ценностей в советский период, а роль женщины в этом процессе – как наиболее значимую. Автор выделяет ряд функций семьи в воспроизводстве традиционных ценностей в недружественной советской институциональной среде, в том числе: исполнение «бытовых» религиозных обрядов, приобщение детей к религии посредством крещения, присутствия на богослужении в храме, чтения богослужебных книг, обучения молитвам; воспроизводство структуры религиозных общин в качестве прихожан или неформальных религиозных лидеров, получивших благословение исполнять обряды и таинства; личные примеры поведения и образа жизни, демонстрирующие верность традиционным ценностям и готовность пострадать за них; сохранение в семейной памяти поступков и информации о происхождении и прошлом семьи, значимой с точки зрения традиции, превращенной в социальную «рамку» семейной памяти. В статье проблематизируется принцип рефлексивности в методологии исследований и менеджмента социальной памяти о советском периоде в контексте вероятных мнемонических конфликтов и конструирования культурных травм.

Ключевые слова: социальная память, история семьи, memory studies, семейная память, женская история, культурная травма, массовые репрессии, традиционные ценности.

Для цитирования: Богатова О.А. Семья и семейная память как фактор сохранения традиционных религиозных ценностей в советский период (по данным качественных социологических исследований в Республике Мордовия). *Историческая этнология*. 2025. Т. 10. № 3. С. 409–424. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-3.409-424> EDN: LGNTYI

**Family and family memory as factors in preserving
traditional religious values in the Soviet period
(according to qualitative sociological research in the Republic of Mordovia)**

O.A. Bogatova

National Research Ogarev Mordovia State University

Saransk, Russian Federation

bogatovaoa@gmail.com

Abstract. The article, based on an analysis of qualitative research data undertaken by the author in the context of memory studies in 2020 (in-depth interviews with 35 residents of the Republic of Mordovia from among the descendants of victims of mass repression) and 2023 (in-depth interviews with 30 students of the National Research State University), reveals the social role of the institution of family and women in the preservation of traditional cultural values in the region during the period of Soviet social transformations. The results of the study allow us to characterize the family as the predominant factor in preserving traditional family and religious values during the Soviet period, and the role of women in this process as the most significant. The author highlights a number of family functions in the context of the reproduction of traditional values in an unfriendly Soviet institutional environment, including the performance of “domestic” religious rituals, the initiation of children into religion through baptism, attendance of church services, reading liturgical books, and prayer instruction; reproduction of the structure of religious communities as parishioners or informal religious leaders who have been blessed to perform rituals and sacraments; personal examples of behavior and lifestyle that demonstrate loyalty to traditional values and willingness to suffer for them; preservation in family memory of such actions and significant information about the family’s origin and the past, significant from the point of view of tradition, which was transformed into a social “frame” of family memory. The article problematizes the principle of reflexivity in the methodology of research and management of social memory about the Soviet period in the context of possible mnemonic conflicts and the construction of cultural traumas.

Keywords: social memory, family history, memory studies, family memory, women’s history, cultural trauma, mass repressions, traditional values.

For citation: Bogatova O.A. (2025) Family and family memory as factors in preserving traditional religious values in the Soviet period (according to qualitative sociological research in the Republic of Mordovia). *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 10. No. 3: 409–424. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-3.409-424> (In Russ.)

В данной статье обобщаются результаты качественных социологических исследований, предпринятых с участием автора в процессе реализации двух научно-исследовательских проектов, посвященных проблемам социальной памяти в регионах Российской Федерации – «Наследие расчеловечивания: транснациональная перспектива» (2019–2021 гг., грант № 19-511-60005 ЮАР_Т РФФИ), «Репрезентации исторической памяти в социальных медиа как фактор конструирования российской идентичности молодежи: цифровые вызовы и пути решения» (2023–2024 гг., грант №1/2023 Фонда Русской цивилизации «Светославъ»). Цель анализа данных опросов в статье составляет выявление соци-

альной роли института семьи и женщин в сохранении традиционных культурных ценностей в период советской модернизации, особенность которой заключалась в их агрессивном вытеснении как в публичном пространстве, так и в сфере частной жизни, по данным *memory studies*.

Материалы и методы

Объектом первого исследования, посвященного памяти населения Республики Мордовия о массовых политических репрессиях 1920-х–1940-х гг., принятого в 2019–2021 гг. методом глубинного социологического интервью ($n=35$), стали потомки лиц, подвергшихся раскулачиванию и другим массовым политическим репрессиям, принадлежащие к разным поколениям. Объект второго исследования составляли провинциальные студенты как носители исторической памяти поколения Z на примере Национального исследовательского Мордовского государственного университета (всего 30 глубинных интервью, часть из которых взята в коллаборации со студентами направления подготовки «Социология», со студентами различных направлений подготовки в бакалавриате и магистратуре из числа уроженцев Мордовии, Карелии, Самарской и Ульяновской областей, Красноярского края).

Респонденты в обоих опросах отбирались по принципу теоретической выборки, репрезентирующей структуру изучаемого социального объекта. Опрашивались представители наиболее крупных этнических групп в составе населения Мордовии: русские, мордва и татары; интервью проводились на русском языке. Данные интервью анализировались методом тематического анализа.

Основой методологии исследования послужили социальные теории коллективной памяти, характеризуемой в современных отечественных исследованиях в качестве репрезентации общего прошлого, представляющей собой «социально разделяемое культурное знание о прошлом, которое опирается на разные источники и отличается принципиальной неполнотой и избирательностью» (Историческая память, 2018: 116). Это определение основывается на социологической концепции «рамки памяти» М. Хальбвакса, описывавшего эти «социальные рамки» в качестве общепринятых идей и конвенциональных представлений, служащих «для воссоздания таких образов прошлого, какие в данный период согласны с господствующими идеями данного общества» (Хальбвакс, 2007: 30).

Дж. Олик и другие современные исследователи подчеркивают в качестве характеристики феномена социальной памяти ее процессуальность, заключающаяся, с одной стороны, в ее относительности и зависимости от изменяющихся интерпретаций событий, которые она сохраняет («память процессуальна и относительна; социальные процессы и отношения – мнемоничны» (Олик, 2012: 70)), и связи с темпоральностью социальных процессов, позволяющей рассматривать «данные, доступные... в любом контексте (и, таким образом, доступные изменению)» как «исторические приращения, результаты длительного развивающегося процесса и относительных контекстов» (Олик, 2012: 60).

Социологический анализ представленных в социальных науках концепций позволяет выделить два основных теоретико-методологических подхода к исследованию коллективных травм: «терапевтический» (по терминологии И.И. Кобылина и Ф.В. Николаи (Кобылин, Николаи, 2014: 94), характеризующий как социально-психологические концепции травмы (Карут, 2009) так и относящиеся к предметной области социологии (Айерман, 2013; Александер, 2012; Зерубавель, 2011) и «макроисторический», представленный социологическими (Адорно, 2005, Olick, 2007, Штомпка, 2001) и историческими (Анкерсмит, 2007) концепциями травмы.

Первый подход в качестве более общего фрейма социальной патологии характеризует коллективную травму как следствие процесса или события, представляющего угрозу групповой идентичности (Александер, 2012: 5), последствия которого подлежат устранению усилиями спикеров и менеджеров коллективной травмы посредством распределения социальных ролей виновных и пострадавших, возложением коллективной ответственности и применением санкций. Ограничения этого подхода связаны с ретроспективной концентрацией на переосмыслении, переоценке и мероприятиях по устранению последствий единичных событий прошлого по принципу «эффекта бабочки» наряду с игнорированием структурных неравенств и конфликтов, составляющих причины травматических событий и их последовательностей.

«Макроисторический» подход имеет в большей степени проективный характер и рассматривает коллективные травмы в качестве непреднамеренных аспектов социальных трансформаций, последствия которых в принципе необратимы, и сфокусированного на «проработке» травматического прошлого посредством использования травматического опыта для устранения возможных причин аналогичных событий в будущем, преобразования его в «возвышенный исторический опыт» (Анкерсмит, 2007: 445) и реконструкции объяснительных исторических нарративов.

К ограничениям этого подхода можно отнести преимущественно прогрессистскую направленность, проблематизируемую вследствие смены «модернистского» темпорального режима «презентистским», в котором прошлое рассматривается как постоянно действующий фактор в контексте актуального социального настоящего (Olick, 2007: 8). П. Штомпка, относя свою концепцию к «постэволюционистским и постпрогрессистским» (Штомпка, 2001: 6) моделям социального развития, характеризует коллективную травму в качестве аспекта любых радикальных социальных изменений, включая прогрессивные, формулируя, в частности, понятие «посткоммунистической травмы» (Штомпка, 2001: 14). Ф. Анкерсмит различает «травму–1», связанную с разрушением идентичности социальной группы в результате травмирующих социальных изменений, и «травму–2», которая заключается в вынужденной трансформации социальной идентичности (Анкерсмит, 2007: 444–445).

Результаты исследования

В дальнейшем мы попытаемся, исходя из интервью по истории семей информантов, охарактеризовать специфику семьи как механизма трансляции традиционных ценностей в советском контексте и уникальность социальной роли женщин в этом процессе. Идеологические и политические субъекты советских трансформаций (партийный и комсомольский аппарат) стремились нейтрализовать влияние социальных институтов, которые они считали своими конкурентами в производстве смыслов и влиянии на общественное мнение, а именно религиозных организаций, давление на которые резко возросло в конце 1920-х годов, в период перехода к форсированному «строительству социализма». По данным интервью можно проследить, как становились жертвами ужесточения конфессиональной политики, а затем и массовых репрессий 1937–1938 гг. священнослужители и активные верующие различных конфессий:

Мой прадед был дьяконом в церкви, а брат его родной был священником в Иоанно-Предтеченской церкви в Саранске. ... Вот этот священник, сослали их из этого дома около церкви, их сослали наконец (ПМА, 2020: 1).

Когда я была маленькая, очень часто от бабушки слышала, что семья была раскулачена. По папиной линии у меня бабушка и дедушка, это Олимовы Каюм Умярович и как раз моя бабушка Латифа. В течение там суток выдворены из села, и потом они были в Соловках. ... Я вот честно говорю, не помню, как тогда дедушка, где он был, как они – вместе были, отдельно были, потому что вспоминаю, что бабушка рассказывала, как она с ребенком на руках успела убежать и переплыла реку с ребенком на руках. ... Все-таки удалось ей сбежать, удалось ей какое-то время скрыться, в Москве проживали, а потом уже, через какое-то время, приехали уже обратно к себе в село Аксёново Лямбирского района.

Бабушка и дедушка, для своего времени они имели достаточно хорошее, можно сказать, образование для сельчан. У бабушки было 2 класса образования, а у дедушки 4 класса образования. Понятно, что это не высшее учебное заведение и так далее, но то, что они могли читать, писать, они могли читать и писать как на арабском языке, точно так же они могли и на кириллице, так скажем, по-русски. Я даже помню, что в начальных классах мне еще дедушка мог помогать, там, решать примеры и так далее. И потом он проработал завфермой, а потом, на протяжении более двадцати лет он в селе служил имамом в мечети. То есть достаточно уважаемый человек, авторитетный человек (ПМА, 2020: 2).

Эти данные совпадают с результатами исследований мордовских историков, установивших на основании архивных документов, что в результате давления властей на территории региона к началу 1930-х годов не осталось ни одной

действующей мечети (Мокшин и др., 2018: 29), а 1940-х – ни одной церкви (Мокшин и др., 2018: 25); православные храмы начинают вновь открываться в 1944 г., а мечети – в 1945 г. Кроме того, в конце 1920-х – 1930-е годы власти «инициировали ряд групповых процессов против духовенства и мирян»: так, в 1929 г. 64 жителя республики во главе с благочинным одного из церковных округов были признаны виновными в создании «контрреволюционной группировки», 9 из них, в том числе священник, расстреляны; в 1931–1932 гг. по делу «церковно-монархической антиколхозной группы» осуждены 10 священников, 4 монаха, 13 монахинь, 65 крестьян; в 1937–1938 гг. осуждены десятки верующих, в основном крестьян, по делу об «антисоветском церковном подполье» и т.д.; административные и судебные преследования верующих возобновились в начале 1950-х годов (Мокшин и др., 2018: 25–26).

Результаты опросов показывают, что объектом репрессивных мер в период коллективизации – раскулачивания и высылки – становились преимущественно не желавшие вступать в колхоз крестьяне, публично выражавшие свою позицию, например, на собраниях. Среди них, по оценкам экспертов, в одновременно предпринятом опросе, преобладали середняки, так как крестьянских хозяйств, соответствующих формальным признакам «кулацкого хозяйства», утвержденным ВЦИК в 1928 г., в Мордовии было очень мало. Призывы не вступать в колхоз со стороны священнослужителей власти оценивали как контрреволюционную агитацию, причем раскулачиванию и другим репрессиям могли подвергнуться и те, кто к ним прислушивался:

По воспоминаниям моей матери, я говорю – «Мам, а ну что уж там вот (дедушка с бабушкой – прим. авт.) не понимали что ли, кто-то уехал, кто-то вступил чтобы хотя бы». Она говорит – «Ну, во-первых, они любили сами работать на земле очень, а во-вторых, верующие они очень были». Я говорю, ну вот, вера, вот все тогда верующие. И она мне сказала, что к нам батюшка приходил из Ельников, и говорил – «В колхозы не вступайте, власть эта ненадолго. Если вы типа вступите в колхоз, то предадите Бога» (ПМА, 2020: 3).

Позднее, уже в период «массовых операций» НКВД в 1937–38 гг., в число доказательств сфабрикованных обвинений в «контрреволюционной деятельности» включали пожелания активных членов ликвидированного властями прихода воспользоваться конституционным правом на свободу совести и возобновить богослужение в закрытой церкви:

Прадедушка, был он церковным старостой, внештатный был. И на сходе был, когда обсуждали новую конституцию в 36-м году. Он призвал сельчан одобрить и сказал на этом (сходе – прим. авт.), заявил, что эта конституция дарует нам свободу совести и вероисповедания и позволит нам, даст возможность нам обратиться к начальству, чтобы нам вернули церковь. И в (уголовном – прим. авт.) деле это как призыв верующих к восстанию против советской власти. Как призыв

к организации свержения советской власти и уничтожению коммунистов (ПМА, 2020: 4).

Эти случаи объединяет то обстоятельство, что их субъектом, заявлявшим публично о своей гражданской позиции, не соответствовавшей «линии партии», были мужчины, хотя в числе пострадавших оказались и члены их семей. В традиционном сельском сообществе именно мужчина является главой семьи и воспринимается как ее представитель. В то же время в новой реальности, созданной советскими насильственными трансформациями, женщина получила возможность действовать независимо от других членов семьи, пытаясь самостоятельно решать возникающие моральные дилеммы.

Она могла выбрать конформистскую стратегию и дистанцироваться от преследуемого «антисоветского элемента», воспользовавшись имеющимися социальными лифтами (работа в совхозе/колхозе, учеба, брак с сельским активистом), или расстаться с высылаемым мужем («Моя бабушка была беременная, но решила так, что у меня, говорит, ничего ихнего нет, богатства нет, чего я буду скитаться по всей стране. Она просто с мужем не поехала, осталась она здесь, вот в Мордовии» (ПМА, 2020: 5)). В противном случае женщина оставалась членом семьи с «испорченной» (с точки зрения представителей власти) идентичностью. Такая семейная роль требовала сохранения и передачи моральных ценностей семьи, если они отличались от доминирующих в советском обществе.

Выполнение этой роли облегчалось спецификой традиционных женских семейных ролей, носивших непубличный характер и предполагавших общение преимущественно с членами семьи. Хотя «бытовые» религиозные обряды в семье могли исполнять и мужчины, но именно женщины, имевшие чаще всего более низкий образовательный и профессиональный статус, находились под менее жестким контролем властей и могли проявлять открытую религиозность:

Папа всегда, садясь за стол, читал молитву и крестился, и крестил стол нам, когда мы все вместе ели. А мама была коммунистка, заядлая. И она ему всё время говорила – «Ну хватит уже свои эти молитвы читать, давайте уже есть». ... Я знала, что бабушка очень воцерковленный человек. Что она ходит в церковь. И она меня заставляла вот ходить к иконе, целовать икону, перед тем, как спать лечь, или что-то ещё, при этом читала молитвы. И то, что она там пела в церкви. Она знала очень много молитв (ПМА, 2020: 1).

Поэтому в семейных нарративах в Мордовии часто присутствуют воспоминания о том, как православные женщины стремились сохранить религиозные книги, посещали богослужения в немногих сохранившихся приходах и водили туда детей:

Я помню с детства историю, например, когда приходили отбирать имущество, и моя прабабушка, мать бабушки, она в навозную кучу прятала Псалтирь, завернутую ... Она боялась, что у нее отберут

самое дорогое – эту книгу. Ее нашли, кстати, и в навозной куче, но они бросили ей и сказали, что мы этого не берем, бабушка, мы другое искали (ПМА, 2020: 6).

В соседях у бабушки жила одна бабуля, но она прям вот, я тогда первый раз в жизни увидела настоящую Библию. Я такого в жизни никогда не видела. Это такая огромная, конечно, красивая в бархате книга. И вот в этой книге, что я с детства запомнила, то, что, когда она мне ее читала, и вот там были такие слова – «И полетят в небо железные птицы...». Вот именно про нашу жизнь, что у нас сейчас происходит. Ну самолеты же у нас полетели. Ну, это же в то время, уже тогда в Библии уже это все писалось о том, что произойдет в будущем. И там много что описывалось и обрисовывалось именно то, что происходит именно сейчас. И мне было интересно, конечно, я ходила, все слушала. И у бабушки тоже я это все спрашивала (ПМА, 2020: 7).

Там не восстановленная, а старинная церковь, которая осталась. Она всегда была действующей, да. Мы крестились там вот, и детей, и всех. Не закрывали её, она как памятник. Она и сейчас как памятник, она и сейчас действующая (ПМА, 2020: 8).

Таким образом, женщины одновременно приобщали к религии детей и способствовали сохранению приходских общин как основы структуры религиозных организаций в регионе, включая и неправославные христианские конфессии:

Со стороны мамы, родителей ее отца, то есть получается мои прабабушка и прадедушка, это примерно был двадцать восьмой, двадцать девятый год. Были вынуждены в одну ночь бежать из Саратовской области двумя семьями, то есть кланами. Один клан были верующие нетрадиционные, они относились к баптистам. ... Бабушка, моя прабабушка, они были баптистами, я знаю, что они ходили в молельный дом. ... А вот ее сын, он сначала был абсолютно неверующим человеком, не православный, не баптист и ничего, он пошел в армию. И там куда-то их отправили в горячую точку, в общем, он был на грани того, чтобы погибнуть. Он говорит – «Я в окопе вспомнил молитву, которую бабушка моя, прабабушка читала. Я дал слово, что если выживу, то пойду в веру!». Но когда в веру он пошел, он стал не баптистом, он стал, как говорят, сектантом, пятидесятником. И в то время – это как раз уже было время, я сейчас точно год не скажу, но тогда его посадили именно за веру. Он сидел. И после того, как вышел, он постепенно даже стал лидером определенным, он достаточно был таким известным человеком в Саранске, он уже умер, среди пятидесятников, если я правильно разбираюсь. Больше на нем вот такой был негатив, потому что бабушка, она посещала молельный дом всегда: в советское время, как они переехали. Тем более это

было очень связано с семьей, потому что семья была частью общины (ПМА, 2020: 9).

Другая, экстраординарная роль женщины в период гонений на верующих заключается в исполнении таинства крещения, если доступных действующих церквей не остается или крестить новорожденного в церкви невозможно. На бабушку одной из информантов эту миссию возложил священник, следовавший в ссылку в одном эшелоне с её семьёй:

В одном вагоне с бабушкой ехал батюшка. И вот они с батюшкой там, в общем, подружились в вагоне-то, он и говорит, вас не на два везут, а на всю может быть даже на оставшуюся жизнь, так что там вроде не будет ни храмов, ничего. Ну, и вот и бабушка там вместо батюшки была. Он её благословил – делай, говорит, все дела. Крестила детей, там (в ссылке в Забайкальской области – прим. авт.) не было же церквей, они и здесь-то закрывались. ... Вот книга. Она уже, вот эта книга, была с бабушкой, не знаю, каким образом бросили в вагон. Акафисты. Службы вот тут многие. А привез эту книгу дедушка. Этот вот дедушка, который раскулаченный, он ходил в Киево-Печерскую лавру, и из этой Киево-Печерской лавры вот привез эту книгу, икону и еще там одна икона. Две иконы. Пешком всё это нес. А это вот мне отец Виктор как раз взял, отреставрировал (ПМА, 2020: 10).

Семейные истории респондентов показывают, что власти, рассматривавшие религиозность населения в качестве опасного «предрассудка», терпели ее бытовые проявления, поскольку они носили массовый характер, однако их терпимость заканчивалась, когда верующие пытались обосновать религиозными мотивами определенную гражданскую позицию. В последнем случае женщин репрессировали, как и мужчин:

Ещё об одном родственнике я хотел бы рассказать, раскулаченном и репрессированном. Это, что называется, таких в селе называют «монашками». Они не были постриженные, но они держались веры предков, так сказать. Как раз церковь в селе Новлей закрывали, и она как бы выступила против этого. Понятно, что ее не за это репрессировали, прямо за это. Но считалось, что она заставляла своего брата, отца моего прадедушки, против вступления в колхоз агитировала, односельчан против вступления в колхоз. И вот ее отправили в ИТЛ на 6 лет. Она 1871 г. рождения, и в тридцать седьмом году ей было уже больше 60 лет. И понятно, ей было там очень тяжело в 60-летнем возрасте. Как я понимаю, она там работала поварихой, ее туда поставили. Но там все равно были очень тяжелые условия, на лесозаготовках, она приехала обратно и через несколько лет умерла. Я не помню, кажется, это было в Томске, где-то в Сибири. И о ней хранились только легенды, предания в семье, и еще больше удалось найти в архивах ФСБ, к сожалению, фотографии там не было, только уголовное дело. Допрос,

ее обвиняют, она говорит – «Ничего не знаю». ...Рассказывали очень часто – «Вот, есть Вара, по-мордовски, вот она там была, что ее куда-то отправляли». Ну понятно, что в советский период все родственники, которые живые, они уже советских лет, и они об этом по понятным причинам предпочитали молчать, было такое, что об этом нельзя говорить, как бы так, чуть-чуть иногда слышны были такие разговоры, что есть такая родственница, которая попадала в лагеря за свою веру (ПМА, 2023: 1).

Воспоминания о таких событиях, постольку поскольку они становились объектом устной нарративизации (*«рассказывали очень часто»*), имели, очевидно, важное значение для формирования коллективной памяти семей и местных сообществ. С одной стороны, трансляция таких воспоминаний предполагает воспроизводство определенной «рамки памяти», подчеркивающей их значимость; с другой стороны, подобные события сами ее формируют, нуждаясь в объяснении из-за своих последствий и одновременно предлагая его в виде нарратива о страдании за веру:

Три восстания было в Синдрово. Первое восстание – это женщины в 1929 г. Там очень хорошая церковь. Сейчас, кстати, восстановили. Это еще до восстановления полностью. Когда колокол сбросили, взяли вилы и напали на... Там какой-то отряд был, и даже одна женщина пострадала. Чуть ли не до смертоубийства. Там потом суд состоялся, и вот мои родственники, я о них тоже чуть-чуть нашел. 19-летняя женщина, она одна из активисток, которая организовывала народ, и их потом всех отправили в Сибирь (ПМА, 2020: 11).

Позднее, в 1960-е – 1970-е годы, религиозность населения по-прежнему рассматривалась властями республики в качестве проблемы, основные аспекты воспроизводства которой они усматривали в её семейном характере, связи с обрядами жизненного цикла и сельской местностью, где находились немногие действующие церкви (в среднем по одной на административный район). В Мордовии, где городское население превысило сельское только в 1980-е годы, наличие родственников в деревне было характерно для большинства горожан и способствовало их участию в религиозных обрядах.

Так, функционер Мордовского обкома КПСС отмечал в докладе, что половина новорожденных в типичном сельском районе республики (Ичалковском) в прошлом 1966 г. была крещена, причем «в обрядах обычно участвовали все верующие, а также немалое число лиц, отрицающих свою религиозность» и ссылавшихся на традицию в качестве объяснения своего поведения (Зусин, 2006: 62–63). В начале 1970-х годов наблюдался рост количества окрещенных детей, а также высокая доля сельского населения, участвующего в других религиозных обрядах: «В Торбеевском, Рузаевском, Атяшевском, Чамзинском районах захоронение почти всех умерших (99%) производится по церковным обрядам.

Очень велика посещаемость церквей в дни религиозных праздников – Пасхи, Крещения, Троицы, Рождества» (Зусин, 2006: 64).

Поэтому идеологическое и административное давление на верующих в этот период продолжалось: как свидетельствуют данные интервью, представители власти, партийного и комсомольского аппарата постоянно давали понять, что публичная демонстрация религиозности несовместима с работой в государственных учреждениях и членством в КПСС и ВЛКСМ, открывавшим возможность поступления в вузы. Тем не менее данные опросов показывают, что религиозность продолжает распространяться именно в этой среде и именно в этот период перестает быть преимущественно сельским явлением, потому что новые поколения продолжают тайком участвовать в религиозной жизни:

Когда я закончила школу, не поступила в Москве в институт, мне пришлось приехать сюда, и я, значит, потом поступила в университет уже. Но мне пришлось год поработать. Я время упустила, мне год пришлось поработать. Я работала у министра, курьером. И однажды я пошла в Белый дом, ну и пошла в столовую. Там есть такая столовая, дешёвая, вкусная, пошла туда. А крестик у меня был, крестик я носила. Ну, как-то он всё время спрятан был, а это, не знаю, как он у меня выскочил, он у меня выскочил на майку. И увидел меня С., он возглавлял обком ВЛКСМ, я сейчас не помню: «Так, пойдём ко мне в кабинет. Это что такое? Почему ты носишь это?» И прочее, и прочее. Это были как раз... сейчас, скажу какие годы, 1977, где-то даже 1976 г.

Крестик я носила. И в 18 лет я тайком бегала в церковь. Всё-таки бегала в эту, Иоанно-Богословскую церковь, но всегда оглядывалась, не смотрит ли кто. Вот так вот. Потом какой-то период наступил, я там успокоилась без всяких вот этих. А меня всё-таки туда тянуло. Я не знаю, может быть вот это вот, ... они, наверное, всё-таки как ангелы-хранители были что ли, я не знаю. Просто мою сестру за то, что она в Питере училась, в театральном, в Щукино, по-моему. В общем, она поступила, и там училась. И её, за то, что она... под подушкой у неё нашли молитвослов, нет, Библию, значит, её выгнали из комсомола. Были такие моменты. Это был 1975 г. ... В общем, до восьмидесятых годов. ... Она мне говорит – «Лена, осторожнее ходи в церковь. Смотри, если будешь заходить, смотри по сторонам, чтобы за тобой там никто. Потому что есть люди, которые специально наблюдают, доносят». И поэтому как-то было страшно. И поэтому, значит, когда сына моего крестили, свекровь в тихушку провела всё это, чтобы ажиотаж такой не создавать (ПМА, 2020: 1).

В данном случае респондентка и члены ее семьи вынуждены идти на компромиссы с совестью, будучи одновременно комсомольцами и советскими служащими, с одной стороны, и верующими – с другой. Альтернатива такой двойной жизни заключалась в отказе от социальной карьеры и в идеале – вооб-

ще от сотрудничества с советской властью, включая обучение детей в советской школе:

Он (прадед – прим. авт.) приехал в тот же самый район, но не в то село, откуда его раскулачили. Он устроился в леспромхоз, там, значит, лесником, значит, и стал жить на кордоне, на самом дальнем кордоне, какой только могли найти. То есть, как бы логика была такая, что подалее от советской власти, чтобы, не дай Бог, никто там не заметил. И вот они жили на кордоне вплоть, наверное, до 50-х годов, до войны, из-за этого вот несколько там старших детей, они остались неграмотными. Потому что в школу за 15 км по лесу никто не пойдет. ... Вот самый главный упрек бабушкин в адрес советской власти был в том, что они, значит вот, отучили людей получать радость от работы на земле. Вот, значит, второй упрек конечно был связан с религией, да, с тем, что это была безбожная власть, и бабушка как бы, ну, я поскольку каждое лето у нее проводила, я каждое лето слышала, что вот посмотришь, она мне говорила, эта власть долго не пробудет, что она развалится и что и страна развалится и так далее. То есть, я, например, потом была очень удивлена, когда всё это действительно случилось, вот, значит, собственно говоря, эти разговоры в общем-то вели мой папа, например, он партийный работник, он стал коммунистом таким идейным и так далее, вот, но он всегда, когда отправлял нас к бабушке, он нас просил, чтобы мы с ней не спорили (ПМА, 2020: 12).

Мои предки с сел Яндовище и Новлей, а мы сами живем в селе Новые Верхиссы. И там тоже мои родственники были, очень много браков с того села и с этого. И там тоже я разговаривал с одной бабушкой, 50-х годов рождения, она рассказывала, что еще в 60-е годы были такие люди, которые как-то сумели избежать раскулачивания, и в 60-е годы они как бы уже были старые, вели свое личное хозяйство, отказались вступать в колхоз, и бабушки – так называемые отказницы, которые отказывались от пенсии, отказывались проводить свет, жили без света. Говорили, как Иуде 30 сребреников, так и мне пенсия, не буду принимать, и вот были такие вот бабушки в мое время, 60-е – 70-е годы. Православные бабушки, отказывающиеся от пенсии и света (ПМА, 2023: 1).

Однако результаты опроса показывают, что такое сопротивление советскому модернизационному проекту продолжалось, как правило, не дольше одного-двух поколений, так как молодежь стремилась воспользоваться открывшимися возможностями доступа к социальным благам. В этих случаях старшее поколение могло влиять только косвенно, демонстрируя личный пример приверженности своим убеждениям и ценностям:

Интервьюируемый: Мама трудяга. Дар имела она. Ворожея была. А кто такая ворожея – вы прекрасно понимаете. Тем более она уни-

версальная была такая ворожея. Она и скотину лечила, мужиков, которые пили, кому в глаз, что попало, она все языком вытаскивала все. От пенсии отказалась она. Я уже служил пару лет в армии, вот мне написали, что мама не получает пенсию. Мне вот командование грозное письмо написало. Получили ответ, что она отказалась, (потому – прим. авт.) что это грех. Она верующая.

Интервьюер: Грех? А почему грех?

Интервьюируемый: Потому что это колхоз сам, колхоз сам грешник.

Интервьюер: Ну, она всё-таки работала в колхозе?

Интервьюируемый: Всю жизнь работала. Ну, делать же надо, работать надо же. Там очень строго. 260 трудодней должно быть, иначе тебя судить будут.

Интервьюер: Как она отнеслась к тому, что Вы вступили в комсомол?

Интервьюируемый: Ну как? Качала головой. Говорила – «Ай, цёра (сын, м.-мокш. – прим. авт.)». Она у меня была очень спокойная (ПМА, 2020: 11).

Кроме религиозных, сельская семья продолжала воспроизводить ценности этнической культуры мордовского, преимущественно сельского в советский период, населения через традиционную семейную и общинную обрядность. В данном случае советская власть не препятствовала обычаям, однако их сохранение зависело в большей степени от спонтанной активности сельского сообщества, чем от деятельности профессионалов из местных учреждений культуры:

Вообще вот мне эта деревня почему нравится? Там очень интересные свадьбы мордовские. Я в жизни никогда такого не видела. ... Было, конечно, очень интересно видеть, когда по деревне на больших, огромных шестах, на высоких таких, длинных, они, наверное, метров по 10, может быть поменьше, метров 8, с одного конца деревни несут мужской костюм, с другой несут платье. И они вот это вот все идут и поют. Вот эти обрядные танцы. У меня у бабушки такие вот это вот платья, монетки, монетки, монетки вот эти их народные, мордовские. Она мокша. Конечно, очень красивые убранства. Вот это все фартуки, вот это всё красиво так вышито. И вот, когда в народных костюмах идут по деревне, а между домами часто у нас улицы узкие, а там, в деревне, улицы очень широкие, там, где-то порядка, наверное, с одной стороны улицы до другой стороны улицы точно, наверное, метров 60–80, потому что улица очень широкая. Я пока до колодца до следующей стороны шла, я прям уставала, за водой ходила на колодец. И вот по этим огромным улицам идут вот, это все так очень красиво и очень запоминающе (ПМА 2020: 7).

* * *

Анализ данных качественных социологических исследований в Мордовии позволяет охарактеризовать семью в качестве преобладающего фактора сохранения традиционных семейных и религиозных ценностей в советский период, а роль женщины в это процессе – как наиболее значимую. Можно отметить несколько функций семьи в контексте воспроизводства традиционных ценностей в недружественной советской институциональной среде, в христианских семьях, выполнявшихся в основном женщинами. Это: исполнение «бытовых» религиозных обрядов, приобщение детей к религии посредством крещения, присутствия на богослужении в храме, чтения богослужебных книг, обучения молитвам; воспроизводство структуры религиозных общин в качестве прихожан или неформальных религиозных лидеров, получивших благословение исполнять обряды и таинства; личные примеры поведения и образа жизни, демонстрирующие верность традиционным ценностям и готовность пострадать за них; сохранение в семейной памяти поступков и значимой информации о происхождении и прошлом семьи, значимой с точки зрения традиции, превращенной в социальную «рамку» семейной памяти.

Обсуждение результатов исследования в контексте современных подходов к проблемам социальной памяти и коллективной травмы позволяет в то же время констатировать, что насильственный и травматичный характер советских трансформаций способствовал межпоколенным конфликтам и взаимному непониманию членов семей, а последовательное сопротивление этим изменениям превращалось в неприятие современного мира. Это обстоятельство актуализирует проблему рефлексивности на уровне методологии научного исследования, с одной стороны, и менеджмента коллективной исторической памяти – с другой, так как события в ней не «говорят сами за себя», становясь объектами разнообразных, нередко конфликтных интерпретаций и конструирования культурных травм. Рефлексивность в данном случае предполагает понимание в макроисторической перспективе завершенного характера советской модернизации, необратимого характера ее последствий в аспекте трансформации групповых идентичностей и деактуализации причин, составляющей основу «проработки» травматического прошлого (Адорно, 2005: 80) и обуславливающей невозможность буквальной самоидентификации с кем-либо из его социальных субъектов.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ИСТОЧНИКИ

ПМА, 2020 – Полевые материалы автора: интервью в Республике Мордовия, 2020 г. (1 – женщина, 61 год, г. Саранск; 2 – женщина, 50 лет, с. Аксёново, Лямбирский район; 3 – женщина, 62 года, с. Ельники, Ельниковский район; 4 – мужчина, 79 лет, г. Саранск; 5 – женщина, 59 лет, г. Саранск; 6 – мужчина, 49 лет, г. Саранск; 7 – женщина, 47 лет, г. Саранск; 8 – женщина, 69 лет, с. Софьино, Ельниковский район; 9 – женщина, 41 год, г. Саранск; 10 – женщина, 79 лет, с. Ичалки, Ичалковский район; 11 – мужчина, 81 год, г. Саранск; 12 – женщина, 51 год, г. Саранск).

ПМА, 2023 – Полевые материалы автора. Интервью в г. Саранске, 2021 г. (1 – мужчина, 19 лет, студент по направлению подготовки «История»).

ЛИТЕРАТУРА

Адорно Т. Что значит «проработка прошлого» // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 64–80.

Айерман Р. Социальная теория и травма // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 1. С. 121–138.

Александр Д. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 5–40.

Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007.

Зерубавель Я. Динамика коллективной памяти // Империя и нация в зеркале исторической памяти: Сборник статей. М.: Новое издательство, 2011. С. 10–29.

Зусин А. Э. Социокультурное развитие Мордовии. Вторая половина 1960-х – середина 1980-х гг. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2006. 368 с.

Историческая память и российская идентичность / под ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М.: РАН, 2018. 508 с.

Карут К. Травма, время и история // Травма: пункты / Сост. С. Ушакин и Е. Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 561–582.

Кобылин И.И., Николаи Ф.В. Переопределяя границы сообщества: культурная память, травма, биополитика // История и историческая память. 2014. № 9. С. 90–103.

Мокишин Н.Ф., Мокина Е.Н., Пидгайко В.Г. Мордовия // Православная энциклопедия. Т. 47: Мор – Муромский в честь Преображения Господня мужской монастырь. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2018. С. 20–31.

Олик Дж. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 1. С. 40–74.

Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007.

Штомпка П. Социальное изменение как травма. (Статья первая) // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.

Olick J. The Politics of Regret. On Collective Memory and Historical Responsibility. New York: Routledge, 2007. <https://doi.org/10.4324/9780203941478>

REFERENCES

Adorno T. (2005) What does “Working through the past” mean. In: *Memory of the war 60 years later: Russia, Germany, Europe*. Moscow: Novoe Literaturnoye Obozrenie Publ: 64–80. (In Russ.)

- Alexander J. (2012) Cultural trauma and collective identity. *Sotsiologicheskii zhurnal*. [Sociological Journal] No. 3: 5–40. (In Russ.)
- Ankersmit F. (2007) *Sublime historical experience*. Moscow: Evropa. (In Russ.)
- Caruth C. (2009) Trauma, time, and history. In: *Travma: Punkty* [Trauma: Points]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ. (In Russ.)
- Eyerman R. (2013) Social theory and trauma. *Rossiyskoye Sotsiologicheskoye Obozrenie* [The Russian Sociological Review]. No. 1: 121–138. (In Russ.)
- Halbwachs M. (2007) Social framework of memory. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ. (In Russ.)
- Kobylin I.I., Nikolai F.V. (2014). Redefining the boundaries of community: cultural memory, trauma, biopolitics. *Istoriya i istoricheskaya pamyat'* [History and Historical Memory]. No. 9: 90–103 (In Russ.)
- Mokshin N.F., Mokshina E.N., Pidgayko V.G. (2018) Mordovia. In: *Pravoslavnyaya entsiklopediya* [The Orthodox Encyclopedia]. Vol. 47. Moscow: Chirch-academic center “Pravoslavnyaya entsiklopediya” Publ.: 20–31 (In Russ.)
- Olick J. (2007) *The Politics of Regret. On Collective Memory and Historical Responsibility*. New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203941478>
- Olick J. (2012) Figurations of memory: process-relational methodology illustrated on the German case. *Sotsiologicheskoye obozrenie* [The Russian Sociological Review]. Vol. 11. No. 1: 40–74 (In Russ.)
- Sztompka P. (2001) Social change as a trauma (1st article). *Sotsiologicheskie Issledovaniia* [Sociological Studies]. No. 1: 6–16. (In Russ.)
- Tishkov V.A., Pivneva E.A. (2018) Historical memory and Russian identity. Moscow: IEA RAN Publ. (In Russ.)
- Zerubavel Y. (2011) The dynamics of collective remembering. In: *Empire and nation in the mirror of historical memory*. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ.: 10–29 (In Russ.)
- Zusin A.E. (2006) *Socio-cultural Development of Mordovia. The Second Half of the 1960s – the Middle of the 1980s*. Saransk: Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia. (In Russ.)

Сведения об авторе: Богатова Ольга Анатольевна, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва (430005, ул. Большевикская, 68/1, Саранск, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0001-5877-7910>; e-mail: bogatovaoa@gmail.com

About the author: Olga A. Bogatova, Dr. Sc. (Sociology), Professor at the Department of Sociology and Social Work, National Research Ogarev Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0001-5877-7910>; e-mail: bogatovaoa@gmail.com

Поступила в редакцию / Received 19.04.2025

Доработана после рецензирования / Revised 30.05.2025

Принята к публикации / Accepted 10.06.2025

Краткое сообщение / Brief message
<https://doi.org/10.22378/he.2025-10-3.425-431>

EDN: LQSDAE

Роль женщин-татарок в формировании советской системы просвещения в Туркестане

Д.М. Насретдинова

Наманганский инженерно-технологический институт

Наманган, Республика Узбекистан

nasretdinova.dilfuza@mail.ru

Резюме. В статье анализируется проблема организации женского просвещения в Туркестане в первые годы установления советской власти. Показано, что советская власть, как и власть российской империи, использовала женщин-татарок в продвижении своей политики. Они привлекались для организации новой (советской) системы женского просвещения и для вовлечения местных девушек в школы. Большевики для решения вопроса просвещения женщин придавали особое внимание открытию специальных школ по ликвидации безграмотности (ликбез). Основную часть учительниц в них составляли женщины-татарки. Позже советская власть начинает заниматься созданием женских отделов в разных регионах Туркестана. Деятельными активистками женотдела в Бухаре были коммунистка-татарка М. Шарафатдинова и коммунистка-башкирка М. Гафарова, работавшая инструктором женотдела в Ташкенте. Обе женщины владели языками народов Туркестана. С 1920 г. в новых советских школах для помощи в организации школьного дела открываются инструкторские курсы. Основную часть их слушателей составляли татарки. В источниках встречаются сведения, что из-за работы инструкторов-активистов в крае заметно выросло число слушателей курсов из числа местных женщин.

Ключевые слова: просвещение, татарские женщины, ликвидация безграмотности, краткосрочные курсы, активистки.

Для цитирования: Насретдинова Д.М. Роль женщин-татарок в формировании советской системы просвещения в Туркестане. *Историческая этнология*. 2025. Т. 10. № 3. С. 425–431. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-3.425-431> EDN: LQSDAE

The role of Tatar women in the formation of the Soviet educational system in Turkestan

D.M. Nasretdinova

Namangan Institute of Engineering and Technology

Namangan, Republic of Uzbekistan

nasretdinova.dilfuza@mail.ru

Abstract. The article analyzes the problem of organizing women's education in Turkestan in the first years of the establishment of the Soviet power. The paper shows that the Soviet government, like the government of the Russian Empire, used Tatar women to promote its own policies. Tatar women were involved in organizing a new (Soviet) system of women's education and attracting local girls to the school education system. Initially, the Bolsheviks paid particular attention to opening

special-purpose schools for elimination of illiteracy (*likbez*) to solve the issue of women's education. Most of the teaching staff was comprised of Tatar women. Later, the Soviet government began to create women's departments in different regions of Turkestan. Actively involved members of the women's department in Bukhara included Tatar communist M. Sharafatdinova and Bashkir communist M. Gafarova, who worked as an instructor in the women's department in Tashkent. Both women spoke the languages of the peoples of Turkestan. Starting from 1920, instructor courses were opened in Soviet schools to help organize school affairs. The students were mainly comprised of Tatar women. There is information in sources that due to the work of instructor-activists in the region, the number of local women taking courses has noticeably increased.

Keywords: education, Tatar women, eradication of illiteracy, short-term courses, activists.

For citation: Nasretdinova D.M. (2025) The role of Tatar women in the formation of the Soviet educational system in Turkestan. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 10. No. 3: 425–431. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-3.425-431> (In Russ.)

В первые годы установления советской власти по вопросу самоопределения татар, башкир, чуваш и других нерусских народов, проживавших на территории Туркестана, проводилась относительно лояльная политика. Она была направлена на укрепление веры народов в Октябрьскую революцию и основывалась на умелом использовании активистов для распространения революционных идей, их постепенного проникновения в жизнь коренного населения (Расулов, 2005: 23–24). При формировании советской системы просвещения женщин и привлечении в школы девушек – представительниц тюркских народов, советская власть опиралась на женщин-татарок.

Татарские женщины достаточно хорошо знали языки, быт, обычаи тюркоязычного населения российской империи. Все они принадлежали к одной религии – исламу, что в те годы имело существенное значение. Они по сравнению с остальными женщинами тюркоязычных народов в первые годы советской власти были заметно более развиты в культурном отношении. Преимущество женщин-татарок заключалось и в том, что они как мусульманки могли свободно зайти в любой дом (*ичкари*), а зная язык, без труда общались с местными женщинами. Татарки могли более свободно агитировать местных женщин, им относительно легко удавалось найти с ними общий язык.

В первые годы советской власти в Туркестане в мусульманских секциях женотделов в основном работали татарки и башкирки. Одной из них была Ханифа Пантошева. Она до 14 лет жила в татарской деревне Поволжья. Вместе с родителями Пантошева переехала в Бухару. Ее отец – Хасан Пантошев – работал чернорабочим на Андреевском заводе в Кагане, и был одним из активных участников Октябрьской революции в Бухаре. Под влиянием революционной деятельности отца Ханифа Пантошева активно включается в революционную деятельность. В этом ее всячески поддерживал отец. Она еще до революции, надев паранджу, ходила по домам и раздавала революционные листовки жителям Бухары. После свержения эмира, Ханифа Пантошева еще активнее включа-

ется в революционную деятельность. Она начинает работать учительницей. В этом ей пригодилось полученное в Поволжье двухгодичное образование, что в условиях сплошной неграмотности давало ей право преподавать среди населения Туркестана. Ханифа Пантошева в течении двух лет обучала девочек-узбечек в Кагане. Потом ее отправляют в Чарджоу на специальные курсы для учителей. В 1922 г. Ханифа Пантошева стала одной из первых дипломированных учительниц в Бухарской Народной Социалистической Республике. Она, не оставляя работу в школе, вела активную работу в Бухарском женотделе (Стрельцова, 1960: 16–24).

Одной из активных женщин в Туркестане была Л.А. Отмар-Штейн. В своих воспоминаниях о роли татарок в организации женотдела среди женщин Бухары она пишет:

По оказанию горкома партии мы решили начать работу среди женщин Старой Бухары, где женотдела еще не было. Помочь нам в созыве первого женского собрания вызвались коммунистки-татарки, владевшие узбекским языком. Они отправились в Старую Бухару, и вскоре оттуда приехали на собрание в Каган двадцать узбечек – жен коммунистов... После собрания мы проводили узбечек на вокзал, а наши активистки (татарки – прим. авт.) доставили их в Старую Бухару и развели по домам (Отмар-Штейн, 1961: 96).

Активистками женотдела в Бухаре были коммунистка-татарка М. Шарфатдинова и коммунистка-башкирка, работавшая инструктором женотдела в Ташкенте, М. Гафарова. Обе они владели языками народов Туркестана (Расулов, 1990: 170).

Большевики в решении вопроса просвещения женщин первоначально придавали особое внимание открытию специальных школ по ликвидации безграмотности (ликбез), которые функционировали в основном в летнее время. В ноябре 1918 г. Центральный Исполнительный Комитет Туркестана принял директиву «О правилах устройства школ в Туркестане». На его основе вместо различных училищ, церковных, русско-туземных школ открываются одноступенчатые школы, а вместо реальных училищ и гимназий – двухступенчатые школы. В 1919–1920 учебном году в Туркестане функционировали 801 одноступенчатая и 4 двухступенчатые школы (Нишонбоева, 1998: 96). Посредством предоставления женщинам возможности учиться, большевики преследовали цель использования женского труда на производстве.

6 сентября 1918 г. на заседании Наркомпроса Туркестана был утвержден проект вышеназванных курсов (НА Уз. Ф. Р–34. Оп. 1. Д. 103. Л. 3). Согласно Положению Наркомпроса Туркестана «Об открытии курсов культурного просвещения в помощь рабочим крестьянам», утвержденного 2 января 1919 г., при комиссариате были организованы трехмесячные курсы. На них велась подготовка квалифицированных инструкторов для культурно-просветительских учреждений. На курсы принимались лица, достигшие 18 лет и со средним образо-

ванием. Согласно положению, лица, окончившие курсы, в обязательном порядке должны были проработать в области, районе или городе не менее года на должности инструктора. Денежная компенсация слушателей устанавливалась в размере 850 рублей. Она выделялась Наркомпросом Туркестана и стала хорошей поддержкой при привлечении молодежи (НА Уз. Ф. Р. 34. Оп. 1. Д.103. Л. 21–21 (обр.).

Одновременно, начиная с 1920 г., в новых советских школах для помощи в организации школьного дела открываются школьные инструкторские курсы. Основную часть их слушателей составляли татарки. К примеру, из окончивших в 1920 г. 353 слушательниц школьных инструкторских курсов 210 были татарками. Выпускники по направлению Наркомпроса Туркестана распределялись по разным регионам. В частности, в качестве школьного инструктора Афифа Бурнашева была направлена в Андижанский уезд Ферганской области, Хадича Курманбаева – в Верненский уезд Семиреченской области (НА Уз. Ф. Р. 34. Оп. 1. Д. 523. Л. 43–43 (обр.).

В первые годы советской власти должности инструкторов в основном занимали русские или европейцы. Так, осенью 1919 г. в Туркестане под руководством И. Финкельштейн создается отдел женщин-инструкторов. Первым инспектором стала Л. Шумилова. В конце 1919 г. и в начале 1920 г. в инструктора отправляются в Закаспийскую и Самаркандскую области для организации женотделов. В эти места в декабре 1919 г. была командирована Л. Шумилова. За короткий период она смогла завоевать уважение местных женщин. К ней из разных регионов поступали телеграммы и письма от обращающихся за помощью в агитационных работах среди местных женщин (Шукурова, 1970: 73–74).

В своих воспоминаниях Т. Бендецкая – сотрудник женотдела – пишет, что в составе первого коллектива отдела были узбечка Содикова, татарки Зухра Сафарова, Фотиха Редкина и З. Бурнашева. В апреле 1920 г. они принимали активное участие в организации первого съезда Туркестанских женщин-трудящихся (Первый Туркестанский съезд, 1920).

В декабре 1919 г. филиал женотдела открывается в городе Ташкенте. Здесь работали татарки М. Юсупова, З. Бурнашева, Хусанбаева, Ш. Каримова. Деятельность женщин освещалась на страницах местных газет «*Иштирокиюн*», «*Кизил Байрок*», «*Туркистон*», «*Озод Бухоро*», «*Маориф*», «*Инқилоб қуёши*» (Алимова, 1987: 14–15). Татарки поднимают важные вопросы, связанные с распространением большевистских идей среди местных женщин.

В основные полномочия женотдела входило проведение агитационно-пропагандистской работы среди местных женщин для их привлечения в строительство советского государства. В состав женотдела входили заведующий отделом, инструктор, представители профсоюза, комсомольской организации, партийного комитета и Союза «*Кошчи*». В женотделах также работали женщины – представители разных общественных организаций, которые создавали специальные объединения для выполнения общественных поручений, организации общих собраний, сезонных работ в «Передвижных красных юртах», для

борьбы с многоженством и ликвидации безграмотности среди членов Союза «Кошчи» (Абдуллаева, 2005: 109).

Уполномоченные женщины, наряду с работой в гоструктурах, активно участвовали и в иных общественных делах. Они были инициаторами помощи голодающему населению, переселенному с территорий Поволжья и Приуралья, проведения субботников, организаторами мероприятий в детских домах и интернатах. В Новой Бухаре в исследуемый период в качестве первых уполномоченных женщин работали татарки и русские – М.Васильева, Макрюкова, М.Бабушкина, М.Шарафутдинова (Аминова, 1975: 120). Они занимались воспитанием патриотизма и преданности новому строю, привлечением местных женщин на курсы и в школы по ликвидации безграмотности (Алимова, 1987: 120).

Рассматривая деятельность женщин-инструкторов в Туркестане, необходимо отметить вклад Л.Шумиловой. Она в своих воспоминаниях пишет:

В 1919 году из Центра в партийную организацию Ташкента был отправлен приказ о назначении специального ответственного за проведение работ среди женщин. Первоначально данная задача была возложена на Якоменко, помощником была назначена я. В 1919 году И. Финкельштейн проводила митинги среди женщин коренного населения. На одном из них было поручено выступить мне. На митинге участвовало более 200 женщин, после окончания митинга я провела собеседование о роли и месте просветителей в истории и современности (За пять лет..., 1925: 109).

Нередко мужчины-инструктора препятствовали проведению женщинами пропагандистских работ. Но несмотря на это, после назначения на такие должности женщин-татарок работа заметно ускорилась. Языковые особенности, близость менталитета и привычек помогали им сблизиться с местными женщинами и повысить эффективность своей деятельности.

После установления советской власти в Туркестане вопрос культурного просвещения женщин был одним из важных. Несмотря на социально-экономические трудности, реализация политики предусматривала рост числа сторонниц новой власти и рабочей силы за счет активизации женщин края. Женщины-татарки внесли заметный вклад в обучение женщин. Они работали руководителями и преподавателями в школах по ликвидации безграмотности, в педагогических институтах и университетах.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interest.

ИСТОЧНИКИ

- Ф. Р–34. Оп–1. Д. 103. Л. 3.
 НА Уз. Ф. Р. 34. Оп. 1. Д. 103. Л. 21–21 (обр.).
 НА Уз. Ф. Р. 34. Оп. 1. Д. 523. Л. 43–43 (обр.).
 Первый Туркестанский съезд // Известия. 1920. 6 апреля.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдуллаева Я.* Женский вопрос в Каракалпакстане (социальные и политические аспекты). Дисс. ... докт. истор. наук. Ташкент, 2005.
Алимова Д.А. Решение женского вопроса в Узбекистане. Ташкент: Фан, 1987.
Аминова Р. Октябрь и решение женского вопроса в Узбекистане. Ташкент: Фан, 1975.
Ниишонбаева К.В. Культурные аспекты решение женского вопроса в Узбекистане (20–30 гг.). Дисс. ... канд. истор. наук. Ташкент, 1998.
 За пять лет. Сборник по вопросам работы Коммунистической партии среди женщин Средней Азии. М., 1925.
Отмар-Штейн Л.А. В Старой Бухаре // Пробужденные Великим Октябрем / под ред. И. Финкельштейн, Х. Шукуровой. Ташкент: Гос. изд. Узбекской ССР, 1961.
Расулов А. Туркистон ва Волгабўйи, Уралолди халқлари ўртасидаги муносабатлар (1917–1924 йиллар). Тошкент: Университет, 2005.
Расулов А.Н. Интернациональная помощь партийных организаций, трудящихся Средневожского региона народам Туркестана (1918–1924 г.г.). Дисс. ... канд. истор. наук. Казань, 1990.
Стрельцова А. Они были первыми. Ташкент, 1960.
Шукурова Х.С. Социализм и женщина Узбекистана. (Исторический опыт КПСС в раскрепощении женщин советского Востока на примере Узбекистана 1917–1937 гг.) / под ред. К.Е. Житова. Ташкент: Узбекистан, 1970.

REFERENCES

- Abdullaeva Ya. (2005) *Women's issue in Karakalpakstan (social and political aspects) late 19th – early 20th centuries*. Diss. ... Dr. Hist. Sci. Tashkent. (In Russ.)
 Alimova D.A. (1987) *Solving the women's issue in Uzbekistan*. Tashkent: Fan Publ. (In Russ.)
 Aminova R. (1975) *October and the solution to the women's issue in Uzbekistan*. Tashkent: Fen Publ. (In Russ.)
In Five Years (1925). Collection on the work of the Communist Party among the women of Central Asia. Moscow. (In Russ.)
 Nishonbaeva K.V. (1998) *Cultural aspects of the solution of women's issue in Uzbekistan (20–30s)*. Diss. ... Cand. Hist. Sci. Tashkent. (In Russ.)
 Otmar-Shteyn L.A. (1961) In Old Bukhara. *Awakened by the Great October Revolution*. Ed. I. Finkelshtein, Kh. Shukurova. Tashkent: Uzbek SSR Gosizdat Publ. (In Russ.)
 Rasulov A. (2005) *Relations between Turkestan and the peoples of the Volga and Ural regions (1917–1924)*. Tashkent: University Publ. (In Uzbek)
 Rasulov A.N. (1990) *International assistance from party organizations, workers of the Middle Volga region to the peoples of Turkestan*. Kazan. (In Russ.)

Shukurova Kh.S. (1970) *Socialism and the woman of Uzbekistan. (The historical experience of the CPSU in the emancipation of women in the Soviet East using the example of Uzbekistan in 1917–1937)*. K.E. Zhitov (ed.). Tashkent: Uzbekistan Publ. (In Russ.)

Streltsova A. (1960) *They were the first*. Tashkent. (In Russ.)

Сведения об авторе: Насретдинова Дилфуза Мухаммадиновна, кандидат исторических наук, доцент, Наманганский инженерно-технологический институт (160115, ул. Касансайская, 7, Наманган, Республика Узбекистан); e-mail: nasretdinova.dilfuza@mail.ru

About the author: Dilfuza M. Nasretdinova, Cand. Sc. (History), Associate Professor at Namangan Institute of Engineering and Technology (7 Kasansayskaya St., Namangan 160115, Republic of Uzbekistan); e-mail: nasretdinova.dilfuza@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 21.03.2024

Доработана после рецензирования / Revised 11.07.2025

Принята к публикации / Accepted 18.07.2025

ЭТНОГРАФИЯ ТЮРКСКОГО МИРА**ETHNOGRAPHY OF THE TURKIC WORLD**

Краткое сообщение / Brief message
<https://doi.org/10.22378/he.2025-10-3.432-441>

EDN: LQUFFN

**Татарская этнографическая коллекция в собрании
Национального музея Республики Татарстан****С.Ю. Измайлова**

*Национальный музей Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
svetlis@inbox.ru*

Резюме. В статье рассматривается история формирования татарской этнографической коллекции – одной из наиболее значимых в собрании Национального музея Республики Татарстан. Отмечены основные этапы поступления предметов татарской этнографии. Первый этап связан с деятельностью казанских коллекционеров, – А.Ф. Лихачевым, Л.О. Сиклером, Н.Ф. Катановым. Особую ценность представляют образцы национального костюма и ювелирные украшения первой половины – середины XIX века из собраний А.Ф. Лихачева и Л.О. Сиклера. Следующий этап, связанный с приходом в музей известного этнографа Б.Ф. Адлера и деятельностью Н.И. Воробьева на посту директоров музея, характеризуется началом научного изучения и комплектования татарской этнографии, проведением экспедиций и выставок. Экспедиции 1920-х годов, организованные Н.И. Воробьевым, П.М. Дульским, Г.С. Губайдуллиним, заложили основу систематического сбора материалов по культуре и быту народов Поволжья и Приуралья, в том числе татарского народа. Период 1920-х годов также характеризуется поступлением коллекций из Музея народов Востока и других казанских музеев. Взаимодействие музея с научными институтами позволили вести целевое комплектование татарской этнографической коллекции в 1950–1990-е годы, включая участие в этнографических экспедициях, а также организацию собственных историко-бытовых экспедиций. Показана деятельность музея по изучению и популяризации музейных коллекций через создание тематических выставок и экспозиций, альбомов и каталогов, взаимодействие с научным сообществом, мастерами декоративно-прикладного искусства.

Ключевые слова: татары, костюм, фонд, Национальный музей Республики Татарстан, А.Ф. Лихачев, Л.О. Сиклер, Б.Ф. Адлер, Н.И. Воробьев.

Для цитирования: Измайлова С.Ю. Татарская этнографическая коллекция в собрании Национального музея Республики Татарстан. *Историческая этнология*. 2025. Т. 10. № 3. С. 432–441. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-3.432-441> EDN: LQUFFN

Tatar ethnographic collection in the accumulation of the National Museum of the Republic of Tatarstan

S.Yu. Izmailova

National Museum of the Republic of Tatarstan

Kazan, Russian Federation

svetlis@inbox.ru

Abstract. The article examines the history of the formation of the Tatar ethnographic collection, one of the most significant collections of the National Museum of the Republic of Tatarstan. The main stages of admission of Tatar ethnography subjects are listed. The first stage is connected with the work of Kazan collectors, such as A. Likhachev, L. Sickler, and N. Katanov. The samples and jewelry from the first half – the middle of the 19th century from A. Likhachev and L. Sickler's collections are particularly valuable. The next stage is associated with the arrival of the famous ethnographer B. Adler and the activities of N. Vorobyov's tenure as the museum's director, which was marked by the beginning of scientific research and collection of Tatar ethnography, as well as the organization of expeditions and exhibitions. The expeditions conducted in the 1920s by N. Vorobyov, P. Dulsky, and G. Gubaydullin laid the foundation for the systematic collection of materials on the culture and everyday life of the peoples of the Volga region and the Urals, including Tatars. The 1920s were also notable for the arrival of collections from the Museum of Oriental Peoples and other museums in Kazan. The museum's collaboration with academic institutions allowed for the targeted acquisition of the Tatar ethnographic collection in the 1950s–1990s, including participation in ethnographic expeditions and organization of its own historical and cultural expeditions. The museum's efforts to study and promote its collections through the creation of thematic exhibitions, albums, and catalogs, as well as its cooperation with the academic community and artisans are showcased.

Keywords: Tatars, costume, fund, National Museum of the Republic of Tatarstan, A. Likhachev, L. Sickler, B. Adler, N. Vorobyov.

For citation: Izmailova S.Yu. (2025) Tatar ethnographic collection in the accumulation of the National Museum of the Republic of Tatarstan. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 10. No. 3: 432–441. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-3.432-441> (In Russ.)

Ценнейшей частью собрания Национального музея Республики Татарстан (НМ РТ) является татарская этнографическая коллекция, которая дает возможность представить уникальное наследие – национальный костюм, прошедший многовековой путь развития. Именно с костюмом связаны традиционные народные промыслы татарского народа, отличающиеся яркой самобытностью и привлекательностью, – узорная кожа, ювелирное искусство, золотное шитье, вышивка, шитье бисером, золотными и серебряными нитями.

Национальный музей Республики Татарстан – один из старейших региональных музеев России, крупнейшее хранилище памятников материальной и духовной культуры Среднего Поволжья и Приуралья. Комплексный по своему профилю – исторический, литературный, естественнонаучный – он хранит памятники истории, культуры, быта и традиций народов, живущих в Республике

Татарстане и Российской Федерации, а также древнейших мировых цивилизаций.

Музей был открыт как Казанский городской музей в 1895 г. В 1919 г. он становится Казанским губернским музеем, затем Центральным музеем ТАССР (1921), Государственным музеем ТАССР (1944), Государственным объединенным музеем ТАССР (1981). С 2001 г. имеет статус Национального музея Республики Татарстан (НМ РТ).

Татарская этнографическая коллекция является «золотым фондом» НМ РТ, формирование которого осуществлялось на протяжении всей истории учреждения. Благодаря поискам и сборам коллекционеров, исследованиям ученых, многообразной деятельности музейных специалистов, сохранены подлинные исторические образцы костюмов и предметов, созданных руками народных мастеров.

В музейном собрании содержатся коллекции, наглядно иллюстрирующие комплексы одежды главным образом Казани и уездов Казанской губернии (позднее Татарской Республики). Здесь издавна развивались национальные промыслы, проживало многочисленное татарское население.

Развитие татарского костюма шло на протяжении многих столетий: складывались формы, менялись приемы и способы его декоративно-художественного оформления. В процессе этнокультурной консолидации татарского народа определились основные элементы костюма, которые отражают временные традиции.

Основной состав коллекций, связанных с татарским костюмом, охватывает исторический период с начала XIX до середины XX в. Первые предметы татарской этнографии поступили в музей в составе собрания казанского коллекционера А.Ф. Лихачева и экспонатов Казанской научно-промышленной выставки 1890 г. В дальнейшем фонд пополнялся путем поступления частных коллекций Л.О. Сиклера и Н.Ф. Высоцкого, экспедиционных и научных поисков Н.Ф. Катанова, М.Е. Евсевьева, Н.Ф. Воробьева и других ученых, путем приобретения предметов у населения, а после 1917 г. за счет реквизируемых вещей или даров.

Наиболее значимая часть коллекции татарского костюма происходит из собрания А.Ф. Лихачева – одного из известных казанских коллекционеров XIX века, имевшего широкий круг интересов. Преимущественно он уделял внимание коллекционированию и изучению археологических древностей и восточных монет, собирал художественную коллекцию и библиотеку. Вместе с тем, занимаясь изучением материальной культуры эпохи средневековья, он обращал внимание и на предметы этнографии народов Казанской губернии, понимая большое научное значение старинной одежде и убранству, вышедшей или вышедшей из употребления. Особую ценность Лихачев придавал татарской коллекции, отмечая, что из всех народов «татары в своих предметах убранства сумели выразить и сохранить действительно азиатское великолепие» (Назипова, Измайлова, 2006: 135).

Благодаря многолетним сборам А.Ф. Лихачева татарский национальный костюм был впервые представлен широкой публике, демонстрируя высокий уровень материальной и духовной культуры татарского народа, высокое развитие народных промыслов. В лихачевскую коллекцию входили предметы и костюмы, принадлежавшие знатной части татарского населения, среди них – калфаки и тюбетейки, украшенные богатой вышивкой и бисером, расшитые золотыми и серебряными нитями, узорные сапоги. Одним из наиболее уникальных является женский костюм из темно-синей парчи – рубаха и камзол конца XVIII – первой половины XIX века.

В этот период была сформирована основная часть собрания татарских ювелирных изделий, являющихся органичной частью костюма народа. Коллекция татарских ювелирных украшений насчитывает более трёх с половиной тысяч предметов. Самая крупная коллекция подобного рода она содержит весь комплекс ювелирных украшений, которыми пользовались и которые создавали казанские татары в период расцвета этого искусства, вплоть до начала XX столетия. Среди первых поступлений – украшения, собранные А.Ф. Лихачевым в 1860–1885 гг. и переданные в музей при его основании в 1892–1895 гг. Ювелирные украшения из лихачевской коллекции, – браслеты, кольца и перстни, нагрудные украшения – отличаются высоким мастерством изготовления. Коллекция включает почти полный комплекс женских украшений казанских татар (головных, шейных, нагрудных, ручных), бывших в употреблении преимущественно в конце XVIII – середине XIX в.

Высокую ценность имеет коллекция татарских украшений Л.О. Сиклера, собранная им, главным образом, в Казани в конце XIX – начале XX в. Двенадцать его коллекций содержат более тысячи предметов, включая мелкие нашивные украшения. Среди них большое количество таких оригинальных женских украшений казанских татар, как *хаситэ*, *чуллы чэч-тэнкэсе*, *яка-чылбыры*, отражающие быт состоятельного городского населения.

Коллекция Л.О. Сиклера была впервые представлена в 1912 г. в географическом кабинете Казанского университета и привлекла к себе большое внимание. Однако после революции она была продана Волжской Всероссийской коллегии по делам музеев и охраны памятников искусства старины и увезена в Москву. Однако, по условию владельца, часть предметов была возвращена в Казань и хранится сейчас в НМ РТ, ряд предметов – в собрании Государственного музея изобразительных искусств Республики Татарстан, некоторые вещи находятся в хранилищах Государственного исторического музея в Москве.

С приходом в музей известного российского этнографа, профессора Б.Ф. Адлера, имевшего большой опыт работы в Этнографическом музее, Русском музее и Кунсткамере, началась реорганизация структуры Казанского городского музея и его фондов. Особое внимание было уделено коллекциям, отражающим быт и культуру народов Поволжья. Этнографические предметы, разбросанные по всей музейной экспозиции, были собраны и систематизированы в 1919–1921 гг. во многом благодаря трудам М.Е. Евсевьева – известного

ученого-этнографа, который ранее на протяжении многих лет участвовал в этнографических экспедициях, сотрудничал с Этнографическим отделом Русского музея, собирая предметы одежды и костюмные комплексы.

После упорядочивания этнографических фондов, в том числе и татарского, стали очевидными пробелы в комплектовании. Ключевую роль в формировании и пополнении коллекций сыграл ученый-этнограф Н.И. Воробьев, который пришел на работу в музей в 1921 г., а в 1923–1929 гг. стоял во главе музея. С началом его работы этнографические предметы стали активнее представлять на выставках, во время фольклорных вечеров и концертов, но самое главное – начались этнографические экспедиции по кантонам Татарской АССР, в ходе которых был собран значительный материал, задокументировавший культуру и традиции народов края, предметы быта и ремесел, национальный костюм.

Важным стимулом для активного сбора коллекций послужила Всесоюзная сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка в Москве 1923 г. В связи с подготовкой к этой выставке в 1922 г. сотрудники музея Н.И. Воробьев, П.М. Дульский и Г.С. Губайдуллин в составе экспедиции совершили поездки по деревням Арского кантона Автономной ТССР, которые позволили собрать обширный этнографический материал – одежду и обувь, образцы узорного ткачества и вышивки, предметы домашнего интерьера и ремесленный инвентарий, сделать жанровые и постановочные фотографии. Часть из них была показана на выставке в павильоне «Татария» (1923), а также на Международной выставке декоративного искусства и художественной промышленности искусств в г. Париже (1925), на выставке народов искусств СССР, организованной к десятилетию Октября (1927).

Проведение этнографических экспедиций в 1920-х годах положило начало систематическому и последовательному сбору материалов по культуре и быту народов Поволжья и Приуралья. Это позволило сформировать в музее значительную татарскую коллекцию, которая вызывает большой интерес у современных ученых-этнографов, историков, мастеров прикладного искусства, посетителей музея.

В 1920-е годы кроме экспедиционных сборов в музей поступили коллекции ряда казанских музеев и учреждений, среди них – коллекции Музея народов Востока, Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (1923), этнографические коллекции Сельскредитпромсоюза (1926).

Коллекции Музея народов Востока значительно обогатили этнографические фонды НМ РТ материалами народов Поволжья и Приуралья, Средней и Центральной Азии, мусульманских государств. Большую роль в сборе коллекций по татарам сыграли этнографы М.С. и А.-К. С. Губайдуллины. Ими были собраны городские и сельские женские и мужские костюмы, отдельные предметы национального костюма, старинные тюбетейки, женские уборы – калфаки и головные покрывала, сформирована коллекция татарской обуви, вышитой канителью и жемчугом, найдены бархатные и кожаные башмаки и другие предметы. Предметы приобретались у самых разных лиц – у вдовы казанского кол-

лекционера Р.И. Лихачевой, муллы С.М. Галеева, известных татарских династий купцов и промышленников, религиозных деятелей Апанаевых, Усмановых, Юнусовых, Губайдуллиных.

Более 30 коллекций по одежде татар поступило в 1950–1960-е годы. Чрезвычайно ценными являются материалы по татарской народной одежде, собранные во время историко-бытовых и этнографических экспедиций. Одной из таких стала экспедиция 1957 г. в Дубъязский, Тукаевский и Атнинский районы ТАССР под руководством старшего научного сотрудника Музея этнографии народов СССР Т.А. Крюковой с участием Н. Субаева и Р. Каримовой (Синицина, 2022: 171). В дальнейшем ежегодные выезды музейных сотрудников в составе научных экспедиций с Институтом языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР позволили вести целевое комплектование татарской этнографической коллекции.

Большую роль в формировании татарской коллекции музея сыграл старший научный сотрудник, заслуженный работник культуры Республики Татарстан М.К. Завьялова, которая в 1971–2013 гг. занималась систематизацией этнографических фондов, была участником и организатором экспедиций, создавала выставки, посвященные материальной культуре и национальному костюму татар. Одним из итогов ее работы стало издание книги «Татарский костюм» (Завьялова, 1996), где на основе музейных коллекций были составлены комплексы женской и мужской одежды татар в различных временных и социальных вариациях, с подразделением на праздничную и повседневную одежду.

Значительная часть предметов татарской народной одежды поступила в музей в 1986 г. от отдела этнографии Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала Академии наук СССР. Коллекция (около 200 единиц) была собрана в 1971–1985 гг. во время сплошного территориального обследования татар. Ее ценность заключается в том, что и отдельные предметы, и целые региональные комплексы народной одежды описаны, аннотированы и хронологически определены специалистами-этнографами. Коллекция НМ РТ достаточно полно представляет одежду второй половины XIX – начала XX в. казанских татар и кряшен по уездам Казанской губернии (особенно правобережных), а фрагментарно и костюм середины XIX века.

Коллекция татарской одежды татар в НМ РТ насчитывает более 500 единиц хранения, в том числе все известные в Казанской губернии типы плечевой одежды (верхней и нижней) – более 50 единиц хранения; другие детали одежды (головные уборы, нагрудники, обувь и пр.); ювелирные украшения – более 2 тысяч единиц хранения. Рубах (женских, мужских, детских) насчитывается около 100 экземпляров, из них к середине XIX в. относится чуть более десятка. Три женских (НМ РТ №№ 10197/12; 10225/36; 10225/38) и четыре мужских рубахи (в том числе вышитые свадебные) (НМ РТ №№ 10229/2; 10225/35; 10226/104; 13639/1) происходят из коллекций А.Ф. Лихачева и Л.О. Сиклера. В музейных фондах имеются как простые домотканые рубахи, так и рубахи-платья из парчи, среднеазиатских тканей, с вышивкой. Остальные представля-

ют собой различные (по крою, декоративному оформлению и характеру ткани) типы рубах, соответствующие концу XIX – началу XX в. Это традиционные туникообразные женские рубахи с удлиненным и укороченным остовом и рубахи в талию, с обильными сборками наподобие шлейфа сзади и сильно присборенной головкой рукава по типу европейской моды того времени.

Камзолов в фондах НМ РТ около 100 единиц хранения, из них только четыре мужских (НМ РТ №№15494; 10265/2; 10265/9), девять женских камзолов середины XIX в., сшитых из тяжелых парчовых тканей. Они являются наиболее ценными. Достаточно широко представлены головные уборы (различные виды калфаков, тастаров и других покрывал) – более 130 единиц хранения женских головных уборов и более 100 мужских головных уборов (тюбетеек), а также обувь (кожаная, лыковая, валяная).

До 1970 г. в собрании музея практически отсутствовала одежда татар-кряшен, татар-мишарей, касимовских, приуральских и других групп татар. Появлению в фондах музея коллекций по ним способствовали ежегодные историко-бытовые, этнографические экспедиции музея, выезды сотрудников в составе экспедиций научных учреждений города Казани. В настоящее время в собрании НМ РТ представлена традиционная одежда середины XIX – начала XX вв. татар-кряшен, татар-мишарей, касимовских, приуральских и других групп, приобретенная в Мамадышском, Пестречинском, Кукморском, Рыбно-Слободском, Балтасинском, Елабужском, Набережно-Челнинском, Апастовском (молькеевские кряшены) районах Татарской АССР, в Малмыжском районе Кировской области. Комплекс свадебной женской одежды начала XX в., головные уборы и украшения привезены из экспедиции в Кировской области (каринские татары). В Закамских районах Республики Татарстан, Ульяновской, Пензенской, Саратовской, Нижегородской областях собраны части женского народного костюма поволжских татар-мишарей.

Особого внимания заслуживает коллекция НМ РТ по татарской национальной узорной обуви, которая является самой крупной в России и в мире. Она включает преимущественно женскую обувь – *ичиги* и туфли, мужскую обувь XIX – начала XX в., изделия современных мастеров. Сложение этой коллекции началось с первых лет существования музея и продолжается до настоящего времени. Большой вклад в формирование коллекции внесли Н.И. Воробьев и П.М. Дульский. Ими собраны наиболее ценные и архаичные образцы кожаной обуви.

В 1920–1930-х годах в НМ РТ стало осуществляться целенаправленное комплектование изделий кожевенного промысла, развивавшегося в Казани и окрестных деревнях на протяжении XIX – начала XX вв. В 1925 г. Н.И. Воробьевым переданы образцы национальной обуви (женские и детские *ичиги*, туфли) производства товарищества «Казаков и К^о» (Казань). Ряд изделий поступило из кооперативных артелей Арского и Дубьязского районов ТАССР.

В 1940-е годы музейную коллекцию дополнили образцы продукции Казанского кожевенного комбината «Спартак», в 1960-е – образцы Арской и Дубьяз-

ской фабрик (1972), Арского производственного объединения (вплоть до 2000 г.). Сегодня в музейных фондах представлены изделия ООО «Экокожа» и «Туран», творческой мастерской «Булгари», авторские работы мастеров-художников А. Артемьевой, С. Кузьминых, И. Гайнутдинова, Н. Кумысниковой, А. Замиловой, С. Гарбузовой. Музейная коллекция содержит более 350 предметов из кожи и чрезвычайно важна для сохранения традиций татарской узорной кожи и возрождения интереса к этому древнему ремеслу.

Высокую ценность имеют фотографии второй половины XIX – начала XX в., на которых запечатлены представители татарского народа в национальных костюмах различных сословий и групп. Старинные фотографии дополняют галерею визуальных репрезентаций татарского костюма и визуализируют историко-этнографический контекст его бытования, позволяют расширить представления о повседневной и праздничной культуре, общественных и семейных ценностях татарского народа. Фотографии, представляющие историческую и этнографическую ценность, поступали в НМ РТ в разные годы от частных лиц, организаций, из экспедиций.

Большая часть фотоснимков относится к жанру бытовой фотографии: на них запечатлены одиночные и семейные портреты, значимые моменты семейной жизни, сцены провинциального быта. Сельское население представлено изображениями женщин и мужчин в домашнем интерьере, групповыми фотографиями людей, занимающихся сельскохозяйственными работами, изготовлением изделий традиционных промыслов.

На фотографических снимках можно увидеть женщин, мужчин и детей, одетых в традиционные костюмы. Они отличаются кроем и богатством тканей, набором ювелирных украшений, разнообразием головных уборов. Среди городских типажей преобладают изображения, которые показывают происшедшие изменения в татарском костюме под влиянием европейской моды, среди них – девушки и женщины в городском платье с калфаком-наколкой, мужчины в классическом европейском костюме и тюбетейках.

Исторические фотографии ярко демонстрируют способы ношения национального костюма и представляют особый интерес для изучения материальной и духовной культуры татарского народа. Их значительная часть была сделана в разных фотоателье Казани. Ряд фотоснимков (около 250) происходит из этнографических экспедиций под руководством Н.И. Воробьева.

Многообразие предметов и комплексов татарского костюма, представленное в фондах НМ РТ, позволяет в полной мере продемонстрировать уникальность культуры татарского народа, выявить общие и самобытные черты. На протяжении XX–XXI вв. коллекции привлекали интерес многих исследователей. Труды видных историков, искусствоведов, этнографов – Н.И. Воробьева, П.М. Дульского, Ф.А. Валеева, Г.Ф. Валеевой-Сулеймановой, Т.А. Крюковой, Р.Г. Мухамедовой, С.В. Суловой, С.В. Червонной и многих других ученых созданы на основе именно этих музейных коллекций.

Музей осуществляет работу по изучению и популяризации музейных коллекций, целенаправленно осуществляет свою миссию по представлению историко-культурного наследия татарского народа. Традиционный татарский костюм и его элементы неоднократно являлись объектом показа на музейных выставках и экспозициях российского и международного уровня. Одной из них является постоянная экспозиция татарского ювелирного искусства «Татарская золотая кладовая», открытая в 2005 г., где были представлены женский и мужской комплексы городского костюма XIX в., а также более 130 украшений. Среди них наиболее характерные украшения казанских татар – нагрудные перевязи *хасите*, застёжки *яка чылбыры*, накосники *чулны*, ажурные бляхи, изящные браслеты и серьги, футляры для миниатюрных Коранов.

Большую популярность получили выставочные проекты «Декоративно-прикладное искусство казанских татар: история и современность» (Москва, 2011), «Золотые руки мастеров: народные промыслы татар» (Казань, 2013–2018), где были показаны образцы одежды казанских татар.

В истории НМ РТ одним из самых знаковых стал межмузейный выставочный проект «Татарский костюм: история и современность» (2013), объединивший 45 российских музеев – Санкт-Петербурга, Казани, Оренбурга, Уфы, Астрахани, Тюмени, Саратова, Ижевска, Саранска, Ульяновска, Республики Татарстана. Впервые были продемонстрированы коллекции во многообразии представляющие татарский костюм в его историческом и региональном развитии, в общих и отличительных чертах. По итогам выставки вышел альбом (Сердечной тайны..., 2015), который знакомит широкую общественность с яркими образцами татарского костюма.

Многообразие предметов и комплексов татарского костюма, представленное в фондах НМ РТ, позволяет в полной мере продемонстрировать уникальность культуры татарского народа, ее самобытные черты.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ЛИТЕРАТУРА

Завьялова М.К. Татарский костюм: из собрания Государственного музея Республики Татарстан. Казань: Изд-во «Заман», 1996.

Назипова Г.Р., Измайлова С.Ю. Казанский антиквариум. Казань: Фолианть, 2006.

Сердечной тайны шелковый узор. Каталог выставки «Татарский костюм: история и современность». Казань: ООО «Полиграфика», 2015.

Синицына К.Р. Полвека музеев Казани и Татарии. Очерки истории 1917–1967 годов. Казань, 2002.

Татарский костюм. Российский этнографический музей / Авторы текстов, авторы-соавторы альбома-каталога: *И.Л. Измайлов, Е.В. Колчина, Л.И. Мишуриная, Р.Р. Султанова, В.Г. Холодная.* Казань: АО «ИД «Казанская недвижимость», 2023.

REFERENCES

- Nazipova G.R., Izmailova S.Yu. (2006) *Kazan Antiquarium*. Kazan: Foliant Publ. (In Russ.)
Silk pattern of heartfelt secrets. Catalog of the exhibition "Tatar costume: history and modernity" (2015). Kazan: Polygrafika Publ. (In Russ.)
Sinitsyna K.R. (2002) *Half a century of museums of Kazan and Tatarstan. Essays on the history of 1917–1967*. Kazan. (In Russ.)
Tatar costume. Russian Ethnographic Museum (2023). Authors of texts, authors-compilers of the album-catalog: I.L. Izmailov, E.V. Kolchina, L.I. Mishurinskaya, R.R. Sultanova, V.G. Kholodnaya. Kazan: JSC ID Kazan Real Estate Publ. (In Russ.)
Zavyalova M.K. (1996) *Tatar costume: from the collection of the State Museum of the Republic of Tatarstan*. Kazan: Zaman Publ. House. (In Russ.)

Сведения об авторе: Измайлова Светлана Юрьевна, заместитель генерального директора по научно-исследовательской работе, Национальный музей Республики Татарстан (420111, ул. Кремлевская, 2, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0009-0001-2669-0498>; e-mail: svetlis@inbox.ru

About the author: Svetlana Yu. Izmailova, Deputy General Director for scientific research at the National Museum of the Republic of Tatarstan (2 Kremlevskaya St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0009-0001-2669-0498>; e-mail: svetlis@inbox.ru

Поступила в редакцию / Received 6.02.2025

Доработана после рецензирования / Revised 23.05.2025

Принята к публикации / Accepted 16.06.2025

Краткое сообщение / Brief message
<https://doi.org/10.22378/he.2025-10-3.442-452>

EDN: WHVIIB

Межпоколенная трансмиссия традиционных семейных ценностей у тюркоязычных народов Дагестана

М.Б. Гимбатова

Институт истории, археологии и этнографии

Дагестанского федерального исследовательского центра

Российской Академии наук

Махачкала, Российская Федерация

gimbatova@list.ru

Резюме. Статья посвящена исследованию системы традиционных семейных ценностей у тюркоязычных народов, проживающих в равнинной части Дагестана. В парадигму семейных ценностей входят культ предков, любовь к родителям, к членам семьи, уважение к родственникам до седьмого колена, опека над младшими, забота о старших, чувство общности и принадлежности к одной семье, родственной группе. Автором установлено, что в иерархии семейных ценностей одно из первых мест занимает почитание предков и уважение старших. Соблюдение «этикетной субординации» в общении между членами семьи, особенно по отношению к старшим, создавало и поддерживало благоприятный семейный микроклимат, что находило эмоциональный отклик у подрастающего поколения и служило ориентиром для создания в будущем собственной семьи. Анализ материалов показал, что управление большой (неразделенной) семьей осуществлялось благодаря соблюдению половозрастной иерархии, обычая избегания и коллективной ответственности родственников до седьмого колена, культивированию семейных ценностей и традиций, передававшихся из поколения в поколение. Особое внимание уделено национальным особенностям речевого этикета в семье, соблюдению этических императивов и норм речевого общения, предписываемых младшим в отношении к старшим, использованию терминов родства, подчеркивающих половозрастные особенности коммуникантов. Приведенные в исследовании полевые авторские материалы, фольклорные и литературные источники подтверждают существовавший у тюркоязычных народов Дагестана культ мужчины. Главенство мужа над женой и детьми, братьев над сестрами – не только дань семейной традиции, но и одно из предписаний исламской религии для обеспечения семейного благополучия, сохранения нравственных идеалов и семейных ценностей. Интерес к данной проблематике вызван тем, что через ее изучение возможен полноценный анализ своеобразия функционирования общностей людей, объединенных историческим прошлым и настоящим, а также комплексом своеобразных черт культуры, которые формировались, развивались и изменялись под воздействием разных факторов.

Ключевые слова: Дагестан, тюркоязычные народы, семья, семейные ценности, семейные традиции, родители, половозрастная иерархия, обычай избегания.

Для цитирования: Гимбатова М.Б. Межпоколенная трансмиссия традиционных семейных ценностей у тюркоязычных народов Дагестана. *Историческая этнология*. 2025. Т. 10. № 3. С. 442–452. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-3.442-452> EDN: WHVIIB

Intergenerational transmission of traditional family values among the Turkic-speaking peoples of Dagestan

M.B. Gimbatova

Institute of History, Archeology and Ethnography

Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences

Makhachkala, Russian Federation

gimbatova@list.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the system of traditional family values among the Turkic-speaking peoples living in the lowland part of Dagestan. The paradigm of family values includes the cult of ancestors, love for parents, family members, respect for relatives up to the seventh generation, custody of the younger, caring for the elders, a sense of community and belonging to the same family, kinship group. The author has established that in the hierarchy of family values, one of the first places is occupied by reverence of one's ancestors and respect for elders. The observance of "etiquette subordination" in communication between family members, especially in relation to the elders, created and maintained a favorable family microclimate, which elicited an emotional response from the younger generation and served as a guideline for creating their own family in the future.

The analysis of the materials showed that the management of a large (undivided) family was carried out by observing the gender and age hierarchy, the custom of avoidance and collective responsibility of relatives up to the seventh generation, the cultivation of family values and traditions passed down from generation to generation. Particular attention is paid to the national peculiarities of speech etiquette in the family, the observance of ethical imperatives and norms of speech communication prescribed by the younger in relation to the elders, the use of kinship terms that emphasize the gender and age characteristics of communicants.

The author's field materials, folklore and literary sources provided in the study confirm the cult of men that existed among the Turkic-speaking peoples of Dagestan. The primacy of a husband over his wife and children, brothers over sisters, is not only a tribute to family tradition, but also one of the precepts of the Islamic religion to ensure family well-being, preserve moral ideals and family values. The interest in this issue is generated by the fact that through its study it is possible to fully analyze the uniqueness of the functioning of human communities united by the historical past and present, as well as a set of peculiar cultural features that were formed, developed and changed under the influence of various factors.

Keywords: Dagestan, Turkic-speaking peoples, family, family values, family traditions, parents, gender and age hierarchy, avoidance custom.

For citation: Gimbatova M.B. (2025) Intergenerational transmission of traditional family values among the Turkic-speaking peoples of Dagestan. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 10. No. 3: 442–452. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-3.442-452> (In Russ.)

Тюркоязычные народы Дагестана – кумыки, ногайцы, дагестанские азербайджанцы и терекменцы, издревле проживают в равнинной части Дагестана. Территория их расселения простирается от Ногайской степи на севере до южных границ Приморской низменности.

В XIX – начале XX века у тюркоязычных народов Дагестана существовало две формы семьи: большая (неразделенная) (*уллу агльлю* – кум.; *агъыр кюлфет* – азерб.; *бёюк кюлфет* – терек., *бир къазаннан ас ишетаганлар* – ног.), состоящая из двух, трех, а иногда четырех поколений людей, численный состав, которой колебался от 20 до 50 человек, очень редко до 60 – 70, и малая (нуклеарная) (*бир уьй агльлю* – кум.; *кюлфет, аиле* – азерб., терек.; *аьел* – ног.). Представители одной большой семьи именовали друг друга братьями, двоюродными братьями, троюродными братьями, невестку (жену сына) называли *гелин, келин*, дядю – *агай, атай* (так называли и любого мужчину старше себя), к старшей женщине уважительно обращались *абай, апай, уллу ажай* (кум.), *анай* (ног.), *бёюк ана* (азерб., терек.).

Взаимоотношения членов такой семьи регламентировались патриархальными нормами и традициями, зависящими во многом от численности и поколенного состава семьи и основывались на строгой половозрастной иерархии, где младшие подчинялись старшим, женщины – мужчинам. Возглавлял большое семейство самый опытный и старший из мужчин – отец (*ата*). Глава семейства нес ответственность за членов семьи, управлял семейными делами, считался хозяином всего имущества, решал судьбы членов семьи. Отец большого семейства имел полную власть над членами семьи. Описывая семейные отношения кумыков, кумыкский этнограф конца XIX – начала XX вв. М. Алибеков писал, что «до смерти отца сыновья от него не отделялись, ничего при жизни отца не называли своим, не спрося разрешения отца, ничего не давали и не брали» (Алибеков, 1927: 31). Полнота власти отца над сыновьями была закреплена и в адатах горцев Северного Кавказа от 1847 г. В одном из них отмечено: «Отец полновластен над сыновьями, и последние должны во всем повиноваться ему, со смирением и глубочайшим почтением принимать всякие приказания и безропотно исполнять оные. Малейшее сопротивление и непослушание воле родителей, по адату, величайший стыд, а по шариату – грех» (Леонтович, 1883: 250). Какое бы решение не принял глава семьи, все должны были согласиться с ним, даже если не были согласны. Для решения важных вопросов глава семьи мог посоветоваться с ее взрослыми членами и даже созвать семейный совет. Если силами семьи решить проблему не удавалось, глава семьи мог обратиться за помощью к главам родственных патронимических групп (Гаджиева, 2005: 124).

Жена главы семейства обладала полнотой власти в доме и пользовалась авторитетом и вниманием со стороны домочадцев. Муж советовался с женой по всем семейным вопросам, она была его первой советчицей и помощницей. С возрастом жена, как старшая женщина, принимала участие и в семейном совете, куда входили все взрослые мужчины тухума. Она следила за домашним хозяйством, порядком и микроклиматом в семье, отвечала за женскую половину и воспитание детей. Именно старшая женщина создавала атмосферу мира и согласия в доме, что нашло отражение в преданиях, сохранившихся до наших дней. Вот одно из них:

Некогда в одном селении жила семья, состоящая из родителей и их трех женатых сыновей. Жили они так дружно и счастливо, что Всевышний задумал проверить насколько семья крепка и послал к ним ангела объявить о намерении лишить их одной из своих милостей – счастья, здоровья или согласия. Появился ангел перед отцом семейства и огласил решение творца. Не сумев выбрать, чем же можно пожертвовать, он направил ангела к старшей снохе, чтобы она сделала выбор. Невестка, поразмыслив, решила, что можно поступиться богатством. Идут годы, а семья, как и прежде, живет в согласии. Вознамерился тогда создатель отнять у семьи другую благодать и снова отправил ангела к отцу семейства и вновь он отослал его к старшей снохе. На этот раз женщина согласилась отдать здоровье, сохранив согласие. Узнав об этом мудром решении, господь вернул отнятый у семьи достаток и здоровье, потому как, где есть между людьми согласие, там надлежит быть богатству и здоровью (Гимбатова, 2014: 70).

Членов большой (неразделенной) семьи объединяли взаимная любовь, доверие, уважение, желание оберегать и заботиться, проявлять доброту и сострадание. Эти семейные ценности, транслировавшиеся в повседневной жизни, передавались из поколения в поколение и служили ориентиром во взрослой семейной жизни.

В семье ребенок учился уважать старших, любить, заботиться и помогать родителям, выражать свои чувства, нести ответственность за свои поступки, сопереживать близким. Семейные ценности формировали у детей понимание роли семьи, ее значимости и уникальности, ориентировали на создание многодетных семей. В этом плане важнейшим средством воспитания являлся личный пример родителей.

Воспитательное влияние семьи на растущего в ней ребенка в целом определялись семейными нормами, ценностями, интересами. Они составляли «социальное наследство», которое родители передавали детям: коммуникативные навыки общения с членами семьи, с родственниками, людьми, этические нормы и ценностные ориентиры. Недаром кумыки говорят: «Уясында не гёрсе, учгъанда шону этер» («То, что увидит в гнезде, то повторит в полете»), т.е. в доме мужа.

В семьях тюркоязычных народов Дагестана стремились окружить детей родительской заботой и любовью, вырастить их добрыми и чуткими людьми. Для таких детей, когда они вырастали и создавали свои семьи, забота о престарелых членах семьи, материальная поддержка нетрудоспособных членов общества, моральная поддержка членов семьи в различных ситуациях становилась их неотъемлемой частью. В качестве назидания приводили поучительную притчу о важности и пользе в семье стариков.

В давние времена хан издал приказ умертвить всех стариков в своих владениях, как не приносящих пользы. И все под страхом смертной казни вынуждены были исполнить этот приказ. Лишь один молодой человек пожалел отца и спрятал его высоко в горах. Время от времени он навещал отца, приносил ему еду и спрашивал совета по хозяйственным делам, например, когда и чем засеять поле. Предполагая, что год будет дождливым, отец советовал сыну посеять ячмень вместо пшеницы, все остальные жители, у которых не было стариков спросить совета, засеяли поля пшеницей. На следующий год, который, по мнению старца, должен был быть засушливым, он посоветовал высадить хлопок, а все другие по незнанию посадили ячмень. Каждый год, благодаря советам отца, удавалось получать хорошие урожаи, когда другие терпели неудачи и совсем обнищали. Прознав об этом, хан приказал доставить к нему хозяйственного молодого человека и стал спрашивать, как же ему удастся так хорошо вести хозяйство? После долгих разговоров он все же признался, что не выполнил приказание хана и сберег отца, который и помогал ему своими советами. Выслушав его, хан отменил свой приказ и с того момента стариков перестали умерщвлять» (ПМА, 2012).

С тех пор в народе говорят: «Коль старика с тобою рядом нет, ты хоть со старым пнем держи совет».

Родители никогда не устраивали нравоучительных бесед, только личный пример родителей и поучительные рассказы взрослых о поступках (хороших или плохих), совершенных кем-то когда-то, носили воспитательный характер.

Глава семейства особое внимание обращал на поведение старших детей, их поступки, манеру общения, так как они были примером для младших. Для подтверждения данного тезиса приведем ногайскую пословицу, которая гласит: «*Алды арба кайда юрсе, арты арба да сонда юрер*» («За первой арбой последуют и другие») (Гимбатова, 2005: 105).

Непременной семейной ценностью у тюркоязычных народов Дагестана являлось почтительное отношение к старшим. Младшие члены семьи никогда не обращались к старшим по имени. Общение между членами семьи происходило с использованием терминов родства. Обращаться к старшему следовало, прибавив к личному имени термин родства, – *атай* (ног.), *баба*, *эми* (азерб., терек.), *агав*, *ага* (кум.), к мужчине – *акай* (ног.), *акка* (терк.), *амай*, *адаш*, *абав*, *агай* (кум.), к женщине – *авай* (ног.), *улли бажув*, *бажув*, *баджим*, *эчим*, *эчи*, *хала*, *тота* (кум.), *баджи*, *хала* (азерб., терек.).

Особой любовью и уважением пользовались родители. Дети беспрекословно слушались отца и мать. Верхом бескультурья и невоспитанности сыновей считалось пить и курить при отце, садиться за стол и трапезничать без его приглашения, общаться с женами, брать на руки своих детей и играть с ними при родителях. Указания отца выполнялись незамедлительно, даже если сыно-

вья были не согласны с ними. Такого же поведения по отношению к родителю требовали и от дочерей.

Любовью и почетом в семье была окружена и мать. О трепетном отношении к матери свидетельствуют многочисленные пословицы о матери: «*Анань абурламаган онгмас*» («Не уважающий мать, не достигнет успеха») (кум.), «*Атасы йок – ярты етим, анасы йок – керти етим*» («Без отца ты на половину сирота, без матери – круглый сирота»), «*Ата – ездей, ана казна*» («Отец – медь, а мать – богатство») (ног.), «*На истесёв иля, ананун хейрины хеч бир щей авазь елемэз*» («Чтобы ты не делал, но мать тебе никто не заменит») (азерб.).

Одним из предписаний в исламе – уважительное отношение к матери, и вообще, повиновение родителям – одно из настоятельных требований исламской религии.

В свою очередь и родители должны были с заботой и уважением относиться друг к другу. Мужья бережно и с уважением относились к своим женам, они советовались с ними по всем семейным вопросам. Благочестивые жены делали мужчин счастливыми, о чем свидетельствует одно из изречений Пророка Мухаммеда (с.а.с): «Тот, кто ведет мужчину к счастью – это женщина» (Мусульманский календарь за 2013 г.). Лукман Аль-Хаким¹ сравнивал жену с сокровищем. Он заявил, что «она (праведная жена – прим. авт.) – корона на голове царя. Жемчуг и другие драгоценности, цену которым не знает никто» (Наставления..., 2012).

В народных юридических обычаях кочевых мусульман Ставропольской губернии, к которой относились засулакские кумыки и ногайцы, отмечено, что супруги «должны жить в добром согласии и любви; жена повинуется мужу, а муж должен признавать ее как подругу, но не как рабыню» (Шихалиев, 1993: 126).

С почитанием к мужу должна была относиться и жена, проявляя послушание и уважение к мужу. Она не должна была обращаться к мужу по имени. Вместо имени она употребляла выражения – *байым* (мой богач), *бийым* (мой князь), *уй иеси* (хозяин дома), *кожайыным* (хозяин) (ног.), *джан киши* (дорогой мужчина) (азерб., терек.), «*Эй, эр*» («Эй, мужчина»), «*Эй, гиши*» («Эй, человек»), «*Эй, яшланы атасы*» («Эй, отец детей») (кум.).

Жена всецело зависела от мужа, беспрекословно подчинялась ему, она не вмешивалась в дела мужа и не указывала ему, что и как делать, не ложилась спать, пока муж не вернется домой. Так, Манай Алибеков писал о кумычках: «Жены не вмешивались в дела мужей. Они не знали и не спрашивали, что делал муж, что он брал, что он давал. Если даже они их спрашивали, то порядочные мужья отвечали: «Не в свое дело не вмешивайся». Порядочные же жены делали все, что им скажут мужья, и не разбираясь, правильно ли это или нет» (Алибеков, 1927: 30). Подобным же образом вели себя и дагестанские азербайджанки. Вот

¹ Лукман Аль-Хаким – праведник в исламе, именем которого названа 31 сура Корана. Согласно Корану, Лукман был мудрецом, постигшим бытие единого Бога. Все ученые ислама едины во мнении, что Лукман Хаким был праведным рабом Аллаха, мудрецом, но не был пророком.

что поэтому поводу писал А. Захаров: «Городская татарка (дербентская азербайджанка. – прим. авт.) не вмешивается в дела своего мужа. Очень часто она даже не знает, чем занимается ее муж, и какие ведет дела» (Захаров, 1894: 155).

О взаимоотношениях супругов в семье имеется немало пословиц. Так, кумыки говорят: «*Эри яманны энгинден, къатыны яманны энгинден*» («Плохого мужа можно определить по лицу жены, плохую жену – по рукаву мужа»), ногайцы – «*Эркекни семизи уьйдын сыйи, пишени семизи – уьйдын суму*» («Если муж в теле, то для семьи почет, если жена в теле, то это несчастье для семьи»).

Отношения между супругами строились на любви, личной привязанности, доверии, умении договариваться друг с другом. Об этом свидетельствует и многочисленные фольклорные данные. Так, например, у ногайцев существуют поговорки: «*Аьел басы – эр, хатын – мойын*» («Муж – голова, жена – шея»), «*Хатын – эр балтасынынъ сабы*» («Жена топориче топора мужа»). У кумыков же бытует выражение: «*Къатын айтар, эр къайтар*» («Жена скажет, муж повторит»).

Истинное положение женщины в кумыкской семье смог передать кн. А.-М. Хамзаев. В частности, он отмечал:

Взгляните на домашний быт кумыка. В нем женщина – полная хозяйка. Это ее арена, ее область, в которую никто не вмешивается. Она считает долгом повиноваться воле мужа; с малолетства внушали ей это родители и наставления их глубоко врезались ей в память, а исполнять их помогало осознанное уважение к мужу. Муж со своей стороны считает большим для себя стыдом подвергать жену тяжелым работам. Нередко случается, что жена имеет умственный перевес над мужем, тогда роли меняются, но считается великим пороком высказывать это перед посторонними людьми, и жена всячески старается скрыть слабости мужчины. При таких условиях может быть деспотизм и рабство? (Хан, князь, 1865).

Разводы были явлением редким. У кумыков на этот счет существует выражение: «*Атаны тёр янындан, эрни эшик арты къолай*» («Чем в отцовском доме на почетном месте сидеть, лучше у мужа за дверью стоять»). Не желала женщина иметь и дурную славу среди сельчан, получив статус разведенной – *кысыр* (кум.), *кысыр пише* (ног.), *дул хатын* (азерб., терек.).

У кумыков разведенных женщин и тех, что по несколько раз выходили замуж осуждали, о них говорили: «*Сапда турмайгъан балта*» («Топор, который не держится на ручке»), «*Эрсанайгъан къатын*» («Женщина, которая считает мужей»). К детям разведенной женщины относились с некоторым предубеждением, так, например, у ногайцев говорили: «*Тул катыннын баласы*» («Ребенок одинокой женщины»).

В каждой семье стремились воспитать настоящего мужчину рачительного хозяина, заботливого семьянина и порядочного человека. Известный кумыкский просветитель конца XIX – начала XX века Абусуфьян Акаев так описывает качества настоящего мужчины:

...быть надежным попутчиком, добрым соседом, порядочным в делах торговли, своевременно возвращать долги, быть верным данному слову. Если мужчина не нарушает этих заповедей, то все остальное в нем неважно. А если он их не соблюдает, то он не может называться мужчиной, даже если в мечети молится без усталости и постится, не пропуская ни дня, и тысячу раз отправлялся в хадж (паломничество в Мекку) (Акаев, 1993: 192–193).

Дочь воспитывали целомудренной, скромной, благонравной, покорной, почитающей обычаи предков. Ей с детства, как будущей матери, хозяйке дома, прививали такие качества как терпение, ласковость, сдержанность, доброжелательность, заботливость, нежность, мягкость.

К семейным ценностям относится и уважительное отношение друг к другу братьев и сестер. Родители с ранних лет воспитывали девочек в подчинении братьям, даже младшим по возрасту. «Пусть брат младше тебя, но шапка на нем выше (старше)», – повторяла ногайка дочери. «У сестры язык отсохнет, если будет ругать брата», – вторили азербайджанки. Самой нерушимой среди женщин считалась клятва: «Клянусь своим братом». Такого же уважительного отношения к сестрам требовали от сыновей и родители. «Обидевший сестру век плакать будет», – предостерегали ногайцы.

Из уст в уста передавалось предание о сестре, в котором рассказывается о «хане, приказавшем убить мужа, сына и брата одной женщины. Поддавшись ее мольбам о пощаде, хан согласился сохранить жизнь лишь одному из них. Женщина попросила помиловать брата. Хан, удивившись ее выбору, поинтересовался, почему выбор пал на брата? Женщина ответила, что любимого она еще встретит, сына сможет еще родить, а брата она нигде не найдет» (Захаров, 1894: 106–107).

Бывали случаи, когда женщина в знак траура по брату, отказывалась посещать общественные мероприятия, не выходила на улицу. В одном из кумыкских селений рассказывали, что женщина по имени Райганат, лишившаяся брата, несколько лет не показывалась на люди. Сельчане вспоминали, что зимой по утрам находили окровавленные пятна на снегу от потрескавшихся ног женщины, когда она до рассвета направлялась к роднику за водой.

С уважением ко всем членам семьи должна была относиться и невестка. Ею соблюдался обычай избегания, заключающийся в разговорном запрете со старшими до того момента, пока они сами не снимут запрет на общение с ними. Подобные ограничения на общение длились 3–4 года, но случалось, что они длились на протяжении всей жизни. Известный кумыкский просветитель XIX – нач. XX в. Манай Алибеков писал, что кумычки «с отцами мужей не говорили до смерти» (Алибеков, 1927: 30).

У ногайцев отца (свекра) и мать (свекровь) сноха называла *бийим*, *шешей*, у дагестанских азербайджанцев, дагестанских терекеменцев и кумыков родителей мужа невестка называла так же, как и остальные члены семьи. Молодая женщина с первого дня замужества должна была придумывать новые имена:

красивые, ласковые – для молодых, почтительные – для старших. Старших братьев мужа молодая у ногайцев называла *амал* (надежда), *мырзам* (мой мурза), у кумыков – *джан агъав* (дорогой господин), *паччам* (мой царь), у дагестанских азербайджанцев и дагестанских терекеменцев – *эми, даи*, с добавлением собственных имен (Мусалим эми, Бедирхан даи), младших братьев мужа ногайка называла *куват* (сила), *саъвле* (луч), *акие* (младшенький), *алтын топ* (золотой мяч), кумычка – *къардаш* (мой брат), *эрке улан* (гордый парень), *алтун тон* (золотая шуба), *къыз сюер* (любимый девушкой), если он не был женат, дагестанская азербайджанка и дагестанская терекеменка – *гадаш, гайын улан*, к старшим сестрам мужа кумычки обращались *жан бажим* (дорогая сестра), *гюлбажим* (цветущая сестра), дагестанские азербайджанки и терекеменки – *хала*, с добавлением собственного имени (Нуклу хала), ногайки – *авай*, с добавлением собственного имени (Майминат авай), младшим сестрам мужа кумычки давали имена *эрке къыз* (гордая девушка), *гиччи къыз* (маленькая девушка), *маржан* (коралл), *танажар* (жемчужина), ногайки – *аьруьвкыз* (хорошенькая), *эркем* (баловница), *синълим* (ясновидящая), *шикаьрим* (любимая), *ак бет* (белолицая), *бийкем* (госпожа), *акылы* (умница), *аявлым* (дорогая), *алтын шаш* (златокудрая), дагестанские азербайджанки и терекеменки – *баджи*, с добавлением собственного имени (Гюльбахар баджи) (Гимбатова, 2014: 84–85).

Налагался запрет на произнесение имен родни мужа и давно почившей. Суть обычая избегания заключалась не только в запрете на общение и произнесении имен старших родственников мужа, но и в учтливой форме обхождения с ними. Этот древний обычай способствовал сохранению порядка и согласия между члена семьи и являлся одним из этномаркирующих признаков тюркоязычных народов Дагестана. Зная этот обычай горцы и русские путешественники, восхищались красотой взаимоотношений, умением оказывать старшим знаки внимания.

К семейным ценностям относится и поддержание семейно-родственных отношений. Каждый кумык должен был хорошо знать свою генеалогию, или родословную, помнить имена семи отцов (Гаджиева, 2005: 233). Ногайцы обязаны были знать не только имена семи отцов, но и их потомков (семи отцов и их потомков). Эти знания передавались и закреплялись с помощью игр, которые устраивались в форме вопросов и ответов. Детям предлагалось назвать имена предков до седьмого колена, назвавшего все имена предков, ожидал маленький подарок (Гимбатова, 2007: 119).

У дагестанских терекеменцев родословная обычно заканчивалась 5-м коленом, что свидетельствует о том, что терекеменские тухумы не имели глубоких корней. Положение общинника в сельском обществе напрямую зависело от многочисленности родни и авторитета тухума, к которому он принадлежал (Гаджиева, 1990: 142). Следует отметить, что родство по отцу – *ата ян* считалось основным, нежели по линии матери – *ана ян*, что нашло отражение и в устном народном творчестве. Так, у ногайцев существовала поговорка, очевидно связанная с правом наследования: «*Атасы бирдинь малы бир, анасы бирдинь яны бир*» («С родней по отцу имущество общее, с родней по матери – ду-

ши родственны»), у кумыков – «*Ата яным алты пай, ана яным ярты пай*» («Отцовская сторона имеет права на шесть частей, а материнская – на полдоли»). Еще у кумыков говорили: «*Ата янгъа атдан тюш, ана янгъа оьтюп гет*» («При встрече с представителем отцовской стороны слезай с лошади, а при встрече с материнской стороной – проезжай, не останавливаясь»).

К культивируемым семейным ценностям относится не только уважительное отношение к родителям, к членам семьи и другим родственникам, но и участие в жизни родственников (помощь при строительстве дома, во время примирения кровников и т.д.), семейных мероприятиях (сватовство, свадьба, рождение ребенка, похороны), то есть поддержка тухумных отношений.

Огромная роль в межпоколенной трансмиссии семейных ценностей, основанных на уважении к старшим, любви к родителям, укреплении семейно-родственных отношений, заботе о младших, нравственных идеалах, отводилась старшему поколению, которое личным примером демонстрировало подрастающему поколению принципы семейной жизни, способствующие укреплению института семьи и сохранению патриархальных традиций у тюркоязычных народов Дагестана.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ИСТОЧНИКИ

ПМА, 2012. Полевые материалы автора. Записано от Джамалутдинова Джамалутдина 1949 г.р. в селе Каранайаул Каякентского района Республики Дагестан.

ЛИТЕРАТУРА

Акаев А. Пайхамарны ёлу булан (на кум. яз.) / Сост. Г.М.-Р. Оразаев. Т. 1. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1993.

Алибеков М. Адаты кумыков. Махачкала, 1927.

Гаджиева С.Ш. Дагестанские терекеменцы. XIX – начало XX в.: историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 1990.

Гаджиева С.Ш. Кумыки: историческое прошлое, культура, быт. Кн. 2. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 2005.

Гимбатова М.Б. Духовная культура ногойцев в XIX – начале XX века. Махачкала: Издательский дом Эпоха, 2005.

Гимбатова М.Б. Культура поведения и этикет ногойцев в семейном и общественном быту (XIX – начало XX века). Махачкала: Издательский дом Эпоха, 2007.

Гимбатова М.Б. Мужчина и женщина в традиционной культуре тюркоязычных народов Дагестана (XIX – начало XX в.). Махачкала: Издательский дом Эпоха, 2014.

Захаров А. Домашний и социальный быт женщин у закавказских татар // Сборник материалов для описания племен и народов Кавказа. Вып. XX. Тифлис, 1894. С. 91–157.

Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев: Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Т. II. Одесса, 1883.

Наставления мудреца Лукмана Аль-Хакима // Мусульманский календарь за 2013 год. (22 апреля 2013 год). Состав. М.М. Омаров. Кострома, 2012.

Хан, князь. Кое-что о кумыках // Кавказ. 1865. № 68.

Шихалиев Д.-М.М. Рассказ кумыка о кумыках. Приложение «Народные юридические обычаи у кочевых мусульман Ставропольской губернии». Махачкала, 1993. (Перепеч.: Газ. Кавказ. Тифлис, 1848. №№ 37–44).

REFERENCES

Akaev A. (1993) *The path of the Prophet. (in Kumyk language)*. Compiled by G.M.-R. Orazaev. Vol. 1. Makhachkala: Dag. Book Publ. (In Dag.)

Alibekov M. (1927) *Adaty kumykov*. Makhachkala. (In Russ.)

Gadzhieva S.Sh. (1990) *Dagestani Terekemen. 19th – early 20th century: historical and ethnographic research*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)

Gadzhieva S.Sh. (2005) *The Kumyks: historical past, culture, life*. Book 2. Makhachkala: Dag. Book Publ. (In Russ.)

Gimbatova M.B. (2005) *The spiritual culture of the Nogais in the 19th – early 20th century*. Makhachkala: Epoch Publ. (In Russ.)

Gimbatova M.B. (2007) *Culture of behavior and etiquette of Nogais in family and social life (19th – early 20th centuries)*. Makhachkala: Epoch Publ. (In Russ.)

Gimbatova M.B. (2014) *Man and woman in the traditional culture of the Turkic-speaking peoples of Dagestan (19th – early 20th centuries)*. Makhachkala: Epoch Publ. (In Russ.)

Khan, prince (1865) Something about Kumyks. *Kavkaz* [Caucasus]. No. 68. (In Russ.)

Leontovich F.I. (1883) *Adats of the Caucasian Mountaineers: Materials on the customary law of the North and East Caucasus*. Odessa. Vol. 2. (In Russ.)

Shikhaliev D.-M.M. (1993) *Kumyk's story about kumyks. Application "Folk legal customs among nomadic Muslims of Stavropol province"*. Makhachkala. (Reprinted by: *Kavkaz Newspaper*. Tiflis, 1848. No. 37–44). (In Russ.)

The teachings of the Sage Lukman Al-Hakim (2021). *The Muslim calendar for 2013*. (April 22, 2013). Compiled by M.M. Omarov. Kostroma. (In Russ.)

Zakharov A. (1894) Domestic and social life of women among Transcaucasian Tatars. *Collection of materials for the description of the tribes and peoples of the Caucasus*. Tiflis. Vol. 20: 91–157. (In Russ.)

Сведения об авторе: Гимбатова Мадина Багавутдиновна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН (367030, ул. М. Ярагского, 75, Махачкала, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0002-6767-4478>; e-mail: gimbatova@list.ru

About the author: Madina B. Gimbatova, Dr. Sc. (History), Leading Research Fellow at the Institute of History, Archeology, Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (75 M. Yaragsky St., Makhachkala 367030, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0002-6767-4478>; e-mail: gimbatova@list.ru

Поступила в редакцию / Received 2.12.2024

Доработана после рецензирования / Revised 13.03.2025

Принята к публикации / Accepted 15.04.2025

**СОВРЕМЕННЫЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ
И ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ****MODERN NATIONAL AND LANGUAGE PROCESSES**

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2025-10-3.453-471>

EDN: WJZDJW

**Татары и государственная национальная политика
в Башкортостане в XX – начале XXI вв.:
переписной аспект**

Л.В. Сагитова

*Институт истории им. Ш.Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
liliya_sagitova@mail.ru*

И.З. Гарифуллин

*Казанский государственный энергетический университет
Институт истории им. Ш.Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
elnar-1979@mail.ru*

Резюме. В статье рассматриваются процессы этнической категоризации татар в ходе переписных кампаний на территории Башкортостана в контексте государственной национальной политики региональной власти в XX и XXI вв. Кейс решается в рамках полипарадигмального подхода, позволяющего сочетать конструктивистскую, инструменталистскую и примордиалистскую методологии. Это раскрывает место и роль реифицированных категорий этничности в государственной политике на уровне национальной республики. В ходе анализа прослеживается устойчивость сложившихся политических управленческих паттернов во взаимодействии двух уровней политических практик: центральной и региональной. Так, региональные интересы республиканской власти – стремление увеличить численный состав башкир за счет татар в ходе статистических обследований населения региона – объясняется реализовавшейся в ходе большевистской национальной политики и принципами этнотерриториального деления советского государства. Кейс демонстрирует возможность переконструирования этнической идентичности у близких по культуре и языку этнических групп (башкир и татар) с использованием: административного ресурса, символической политики и информационных технологий. На основании проведенного анализа, делается вывод: а) о значимости политической конъюнктуры, оказывающей влияние на достоверность статистического обследования населения; б) важности разработки более чувствительного инструментария (бланка Всероссийской переписи населения) для адекватной фиксации этнической идентич-

ности в культурно сложном обществе; в) о необходимости деполитизации ВПН для гармонизации межнациональных отношений и успешности процесса интеграции народов РФ в российскую нацию.

Ключевые слова: этничность, национальная политика, этническая идентификация, перепись населения, Республика Башкортостан, татары, башкиры, демография.

Для цитирования: Сагитова Л.В., Гарифуллин И.З. Татары и государственная национальная политика в Башкортостане в XX – начале XXI вв.: переписной аспект. *Историческая этнология*. 2025. Т. 10. № 3. С. 453–471. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-3.453-471> EDN: WJZDJW

Tatars and state national policy in Bashkortostan in the 20th – early 21st centuries: the population census aspect

L.V. Sagitova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
liliya_sagitova@mail.ru*

I.Z. Garifullin

*Kazan State Power Engineering University
Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
elnar-1979@mail.ru*

Abstract. The article examines the processes of ethnic categorization of Tatars during the Population Census on the territory of Bashkortostan in the context of the state national policy of the regional authorities in the 20th and 21st centuries. The case is solved in the framework of the polyparadigmatic approach that allows combining constructivist, instrumentalist and primordialist methodologies. This allows us to identify the place and role of reified categories of ethnicity in the state policy at the level of the national republic. The analysis traces the stability of the established political management patterns in the interaction of two levels of political practices: the central and the regional one. Thus, the regional interests of the republican authorities – the desire to increase the number of Bashkirs at the expense of Tatars during statistical surveys of the region’s population – are explained by the Bolshevik national policy and the principles of ethno-territorial division of the Soviet State. The case demonstrates the possibility of reconstructing ethnic identity among ethnic groups close in culture and language (Bashkirs and Tatars) using the following: administrative resources, symbolic policies, and information technologies. Based on the conducted analysis, the following conclusion has been made: a) regarding the significance of the political situation, which influences the reliability of the population statistical survey; b) the importance of developing more sensitive tools (the All-Russian Population Census form) for adequately recording ethnic identity in a culturally complex society; c) regarding the need to depoliticize the All-Russian Population Census for the harmonization of interethnic relations and the success of the process of integrating the peoples of the Russian Federation into the Russian nation.

Keywords: ethnicity, national policy, ethnic identification, population census, Republic of Bashkortostan, Tatars, Bashkirs, demography.

For citation: Sagitova L.V., Garifullin I.Z. (2025) Tatars and state national policy in Bashkortostan in the 20th – early 21st centuries: the population census aspect. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 10. No. 3: 453–471. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-3.453-471> (In Russ.)

Коллизия взаимоотношений культурной группы и государства в контексте легитимации этнического многообразия проста: государство классифицирует на основе определенных культурных, расовых признаков сообщества людей, производит статистические обследования и утверждает официальный этнический, расовый состав своего населения. В примордиальной трактовке – сложившиеся на основе культурных признаков группы – продукт длительной истории их становления (Широкогоров, 2002; Пименов, 2007: 9) и дальнейшего формирования в нацию (Сталин, 1946: 296–297). В конструктивистской – продукт классификации агентов-идентификаторов – государства, бюрократии и интеллектуалов (Брубейкер, 2012; Hobsbawm, 1990; Андерсон, 2001). Однако здесь следует оговорить тот факт, что социальные конструкторы на практике работают с реифицированными категориями, приобретшими черты примордиальности. Элемент конструктивизма в субъектно-объектной рамке социального взаимодействия имеет свою специфику. Так, академик В.А. Тишков, анализируя практику переписей населения, приводит ее в качестве примеров проявления социального конструктивизма в сфере этнической политики и делает вывод о том, что «Группой, а значит, и «народом России» они становятся после обнародования списка этнических категорий, которые уже после и почти обязательно трактуются как «народы» (Тишков, 2023: 186).

В противовес жесткой дефиниции «народы» ученый приводит определение этничности, данное в международных стандартах, сформулированных в рекомендациях ООН по проведению переписей населения. В нем подчеркивается близкая самому ученому процессуальность феномена:

Этничность – многоаспектный феномен, это больше процесс, чем статическая концепция, и по этой причине этническую классификацию следует трактовать с учетом подвижности ее границ, сложность в пределах самой этничности, понимаемой как отличительность по культурно-языковым и идентификационным характеристикам (Тишков, 2023: 188).

Представляется, однако, что отрицаемая в приведенной дефиниции незыблемость статичности концепта этничности/этнической группы – в диахронном измерении не является характеристикой универсальной. Временной контекст, а именно социальные условия жизнедеятельности культурных групп в определенную историческую эпоху накладывают ограничения на возможности конструирования идентичности. Консолидация их членов вокруг одного этнонима, который, в свою очередь, становится определителем этнической группы в качестве нации, выстраивает для них на протяжении длительного времени достаточно жесткую идентификационную рамку. Структуру идентичности группы

по утвердившимся критериям формируют: категория территории ее исторического расселения, элементы культуры и типов хозяйствования, язык, факты жизни общины и память о предках. Длительная по времени реификация категорий и атрибутов этнической группы, подкрепляемая социально-психологическими механизмами ингруппового фаворитизма, приобретает для нее характер родовых атрибутов. Этот стабильный в своей воспроизводимости историко-культурный багаж в домодерном мире становится в эпоху Модерна основой нации. Именно с ним работают интеллектуалы-конструкторы и его используют политики в отстаивании интересов и в мобилизации этнической группы.

Проблематизация идентификации татар в ходе Всесоюзных/ Всероссийских переписей на территории Республики Башкортостан своими корнями уходит в эпоху трансформации мусульманской идентичности инородческого населения Волго-Уральского региона в конце XIX – начале XX вв., – в национальную, а также в специфику большевистской национализации этничности. По мнению историка С.М. Исхакова, нациестроительство среди инородческого населения поддерживалось большевиками, стремившимися девальвировать мусульманский фактор не только в силу атеистических устремлений. Для укрепления власти им была нужна поддержка национализирующихся элит в противовес масштабному социальному движению российских мусульман за свои права (проект «Культурно-национальной автономии мусульман Европейской России и Сибири»).

Инициатива создания в 1918 г. Республики Идель-Урал, призванной объединить татаро-башкирское население Волго-Уральского региона, вызвала резкое сопротивление у новой советской власти. Так, один из участников 2-го Всероссийского съезда мусульманских коммунистических организаций народов Востока (Москва, 22 ноября – 3 декабря 1919 г.) крымско-татарский коммунист И. Фирдевс выразил позицию большевиков:

Безусловно, мы должны поддерживать национальное движение, но путем создания мелких республик. Не надо давать этому национальному движению объединяться в громадной общей территории, не давать, чтобы это национальное движение охватило громадную территорию, приобрело экономические ресурсы. Безусловно, мы должны создавать не крупные республики, а мелкие республики, присоединяя их к себе и не давая им возможности объединиться (Исхаков, 2022: 123–124).

В этой логике создавались ТАССР (Декрет от 27 мая 1920 г.) и БАССР (Декрет от 14 июня 1922 г.). По мнению цитируемого выше С.М. Исхакова, большевики, создавая здесь территориальные автономии, намеренно не считались с фактическим расселением нерусских народов, что приводило к конфликтам на этой основе, к разжиганию тем самым вражды между ними и ставило всех их в полную зависимость от воли большевистского правительства (Исхаков, 2022: 124).

*Политизация этничности в ходе
Всероссийских переписных кампаний*

Исследователи конструктивисткой деятельности региональной власти в ходе переписных кампаний в Республике Башкортостан выделяют довольно обширную территорию, входившую до образования ТАССР и БАССР в 1920-е годы, в состав трех уездов Уфимской губернии – Белебеевский, Бирский (ныне это северо-западный Башкортостан, примерно до Уфы) и Мензелинский (ныне восточный Татарстан, примерно до Набережных Челнов и Елабуги) (Габдрафиков, 2021: 18). При нарезке границ новорожденных республик в 1920-е гг. получилось так, что районы с компактным проживанием татар вошли в состав Башкирской АССР¹. Соответственно, эти населенные пункты со схожим по культуре и языку населением становятся значимым ресурсом в реализации политических амбиций власти.

Сам по себе принцип институционализации этнотерриториального субъекта сначала в СССР, а теперь и в Российской Федерации, завязанный на численной представленности в нем «титульной нации», политизирует процедуру переписи населения, которая призвана статистически подкрепить легитимность национальной «квартиры» для той, или иной этнической группы в статусе нации. Степень искушения в игре с идентичностями со стороны властных элит возрастает в условиях, когда схожие по языку и культуре этнические группы проживают на территории политического конкурента.

В этой логике «традиция» регулирования этностатистики со стороны власти в этой республике получила свой старт еще в советский период. Так, исследования американского ученого Д. Горенбурга свидетельствуют об активном вмешательстве административного аппарата БАССР, направленном на башкиризацию татарского населения, в ходе переписи населения республики в 1979 г. (Gorenburg, 1999).

О влиянии переписных кампаний на реидентификацию жителей приграничных регионов пишет и академик В.А. Тишков: «Иногда это вариант, когда раз в десять лет массово перетаскивают жителей северо-западной Башкирии из татар в башкиры и наоборот» (Тишков, 2023: 197). Детальному анализу манипуляций с идентичностями в ходе государственных переписей разных лет посвящен ряд работ этнолога И.М. Габдрафикова² (Габдрафиков 2003; Габдрафиков, 2007). Проведенное им исследование данных Госкомстата Башкортостана с сопоставлением демографических показателей и результатов переписных кампаний позволило выявить фиктивность официальных результатов переписи 2002 г. в этой республике (Габдрафиков, 2002). Его выводы сопоставимы с ре-

¹ История с формированием границ ТАССР и БАССР в 1920-е годы – это отдельный сюжет взаимоотношений центральной большевистской власти с политически разноориентированными региональными элитами. Конъюнктура их взаимодействия предопределила результат этнотерриториального деления.

² Габдрафиков И.М. Чудовищная фальсификация или геноцид народов // Халык ихтияры. 2004. № 10 (ноябрь).

зультатами независимого исследователя из Франции Ксавье Ле Торривеллека, заменившего статистический анализ на качественное исследование хода переписной кампании 2002 г. Его полевые исследования методом включенного наблюдения подтверждают факты сильного административного давления со стороны башкирской власти в ходе переписной кампании, направленной на башкиризацию татарского населения (Ксавье Ле Торривеллек, 2002). В другой своей работе этот исследователь также отмечает усиленную политизацию переписи населения в сравнении с другими регионами РФ: «...на фоне других регионов Российской Федерации (во всяком случае, тех, где работали участники нашего проекта) Башкортостан выделялся своим особым отношением к переписи – как к политическому событию» (Ксавье Ле Торривеллек, 2006: 130).

Высокую степень уязвимости данных статистического учета этнических групп в ходе переписных кампаний отмечает и Е.А. Варшавер: «Перепись стала рассматриваться, как способ воображения государствами объекта управления... а также признаваться в большей степени ареной политической борьбы, нежели объективным инструментом отображения реальности» (Варшавер, 2022: 201).

Демография и переписные кампании в советской Башкирии 1959–1979 годов: поиск оснований несопоставимости

Фальсификации данных переписи 1979 г., а также частично переписи 1959 г., были официально выявлены в 1987 г. Это произошло в результате анализа, проведенного по запросу Центрального Комитета партии СССР, который стремился разобраться с многочисленными жалобами, поступавшими от татарского населения Башкортостана. В этом контексте следует отметить, что национальная политика в регионе, проводимая под руководством первого секретаря Башкирского обкома КПСС М.З. Шакирова (1969–1987 гг.), вызывала значительное недовольство среди татар.

В ходе анализа данных переписей Д.М. Исхаковым было установлено, что за период с 1926 по 1979 гг. произошли существенные изменения в национальном составе 373 населённых пунктов Башкирии. В них национальная принадлежность их жителей была изменена с татарской на башкирскую. То есть, если в переписях 1926 и 1939 гг. эти населённые пункты считались татарскими, то к 1979 г. они уже числились как башкирские (Исхаков, 2005).

Эта масштабная переидентификация татарского населения демонстрировала проводимую республиканской властью этнонациональную политику, не согласующуюся с интересами татарского населения.

Политический тренд того времени иллюстрирует отчет одного из секретарей райкома Бураевского района, который в ходе переписной кампании докладывал, что «задание обкома по числу башкир не только выполнено, но и перевыполнено на 15%» (Исхаков, 2005: 30).

Политизация этноидентификационных практик со стороны власти БАССР получила негативную оценку в 1987 г., в период гласности, когда жалобы со стороны татарского населения БАССР были услышаны центральными партий-

ными органами. Это сказалось на карьере партийных функционеров. Так, советский башкирский писатель, журналист и общественный деятель, второй секретарь Обкома БАССР Т.И. Ахунзянов, отвечавший за идеологию с 1967 по 1987 гг., был снят со своей должности с формулировкой «за значительные недостатки в идеологической работе по укреплению дружбы народов»³. Двадцатилетний период работы Т.И. Ахунзянова на посту второго секретаря Обкома БАССР охватывает две переписные кампании 1970 и 1979 гг., что свидетельствует о масштабах его деятельности в качестве конструктора этнической карты БАССР. Примечательно, что в 2002 г. в интервью газете «Татарстан яшьләре» он так описывал практики переписных кампаний 1979 года:

«В годы моей работы численность башкир с 650 тыс. выросла до 950 тыс. Во время переписи я говорил: «У нас народ не знает, какой он национальности. Не надо допытываться. Есть же хорошие книги, отражающие результаты прежних ревизий (ревизские переписи XVIII–XIX вв.). Если то или иное село раньше было записано башкирами, нечего ковыряться, надо, говорю, записать его население башкирским. На язык не смотрите, язык не является определяющим в национальном самоопределении»⁴.

Обозначенная бывшим партийным функционером установка на нивелирование языкового компонента в ходе переписных кампаний в БАССР на территориях компактного проживания татар – важный аспект процесса этнической идентификации. Именно язык матери, который передавался от поколения поколению, являлся для человека советской эпохи одной из значимых и базовых компонент этнической принадлежности и этногрупповой солидарности. Это обстоятельство выступало значительной препойой в игре с идентичностями. Поэтому вполне логичной представляется инициатива республиканской партийной администрации в декабре 1978 г. (в ходе подготовки переписи 1979 г.) внесения изменений в Конституцию БАССР в части лишения татарского языка государственного статуса. В качестве институциональных последствий – стало закрытие татарских школ и перевод их на башкирский язык обучения. Эта кампания, начавшаяся после подведения итогов сфальсифицированной переписи, привела к значительному сокращению числа детей, получающих образование на татарском языке. По данным Д. Горенбурга, количество учащихся татарских школ в северо-западных районах Башкирии сократилось с 111 000 в 1978 г. до 21 000 в 1987 г. – почти в 5,5 раз (Gorenburg, 1999: 573). Это резкое падение никак не могло быть объяснено естественными демографическими процессами и свидетельствовало о масштабах проводимой этнонациональной политики.

³ Пленум ЦК КПСС 1988 г. осудил перекосы в национальной политике в отдельных регионах СССР, в том числе и в Башкирии, в связи с чем были приняты дисциплинарные меры (Материалы Пленума..., 1989).

⁴ Башкортостанда ниләр булып ята? Казань: Идел-Пресс, 2002. С. 41.

Важно отметить, что фальсификация переписи 1979 г. имела далеко идущие последствия, выходящие за рамки простого закрытия школ. Изменение этнической статистики, достигнутое путем давления и принуждения, должно было по замыслу руководства республики увеличить объемы государственного финансирования, направляемого на нужды башкир. Это касалось и распределения бюджетных средств на развитие инфраструктуры, образования и культуры, а также предоставления льгот и преференций. Таким образом, фальсификация переписи служила инструментом перераспределения ресурсов в пользу одной этнонациональной группы за счет другой.

Проводившаяся политика вызывала широкое недовольство среди татарского населения. Многие из них под давлением властей были вынуждены указать в переписных листах вопреки своей воле башкирскую национальность. Это создавало искажённую картину реальной этнической ситуации в республике и затрудняло объективную оценку потребностей различных этнонациональных групп. И действительно, сравнение данных переписей населения в Башкортостане, проведённых в 1970 и 1979 гг. с демографической статистикой рождаемости среди этнических групп, демонстрирует значительные расхождения. В частности, несмотря на высокую рождаемость среди татарского населения, общее количество татар в статистике переписи сократилось с 945 тысяч в 1970 г. до 940 тысяч в 1979 г. (Давлетшина, 2001). В то же время численность башкир возросла с 892 тысяч до 936 тысяч. Сопоставимость убыли и прибыли среди татарского и башкирского населения обращает внимание на практики вышеописанных переписных кампаний.

Аналогичные тенденции наблюдались и в предыдущих переписях населения БАССР. Первичный анализ численности основных этнических групп, проживавших на территории БАССР, показывает необъяснимое уменьшение численности татар в переписях 1959 и 1979 гг. при одновременном росте числа русских и башкир в республике. При этом надо отметить, что до 1987 г. естественный прирост (т.е. уровень рождаемости) у татарского населения был выше, чем среди русских, и среди башкир (табл. 1). Соответственно, ожидаемо, что показатели увеличения татарского населения в переписях должны были быть значительно выше, однако в данных статистики они либо оставались на месте, либо значительно уменьшались.

Таблица 1

**Рождаемость (на 1000 чел.) по национальностям в Башкортостане
с 1979 по 1993 гг.**

Годы	Башкиры	Русские	Татары
1979	17,9	15,4	18,3
1985	22,1	16,0	23,8
1987	26,0	16,7	19,9
1989	23,5	13,7	18,7
1990	21,8	12,2	16,9
1991	20,2	11,1	15,2
1993	14,9	9,1	11,6

*Общественно-политическая конъюнктура
и переписные кампании 1989 и 2009 годов*

Ситуация изменилась лишь после отставки руководства Башкирского обкома в 1987 г. и начавшихся процессов демократизации. Критика прежней национальной политики, отмена ряда привилегий по этническому признаку и, что особенно важно, ослабление тотального контроля со стороны государства в переписной кампании создали условия для проведения более объективной процедуры переписи 1989 г. Демократизация общества и ослабление пропагандистского давления позволили многим татарам, ранее вынужденно записавшимся башкирами, указать свою прежнюю национальную принадлежность.

Отпадение доли татар объяснимо увеличило долю башкирского населения, обозначившего башкирский язык в качестве родного. Если в 1979 г. их число составляло 64,4%, то в 1989 г. стало 74,7%⁵. Тем не менее, уменьшение доли башкир дало повод Башкирскому национальному центру «Урал» заявить об ущемлении прав башкир. При этом объективность результатов переписи 1989 г. не оспаривалась, но констатировалась «катастрофическая демографическая ситуация для коренных жителей» – башкир (Кульшарипов, Газизов, 2011: 208). Причины виделись в урезании экономических и политических прав республики, а также в проблемах социально-экономической ситуации в БАССР.

Поскольку вес доли «титულიной» этнической группы сохранил свою значимость в условиях новейшей истории Башкортостана, политизация последующих переписей населения в республике обрела новый импульс. Так, снижение численности башкир в переписи 1989 г. в докладе председателя исполкома ВКБ Н. Мажитова объяснялось деятельностью «райкомов КПСС, исполкомов районных и местных советов западных и северо-западных районов совместно с активистами ТОЦ (Татарского общественного центра – прим. авт.) и ультрарадикально и антибашкирски настроенным руководством»⁶. В Обращении баш-

⁵ Башкортостан халык саны // Кызыл таң. 27 марта 1990.

⁶ Доклад Н. Мажитова «О мероприятиях Исполкома Всемирного курултая башкир, связанных с подготовкой к предстоящей в 2002 г. переписи населения РФ» от 9 октября 2001 г. См.: Габдрафиков И.М. Еще раз об итогах переписи 2002 г. в Республике Башкортостан // Халык ихтияры. 2005. Август. С. 4.

кирских ученых к Президенту России от 18 сентября 2002 этот факт объяснялся деятельностью «великодержавных пантатаристов»⁷.

Примечательно, что роль языка в качестве индикатора этнической идентичности в противовес принятым Обкомом КПСС БАССР принципам переписи 1979 г., стала оцениваться в качестве доминантной. По мнению авторов Резолюции, «Это выразилось в приостановлении в башкирских деревнях обучения на башкирском языке... В создании накануне и в период переписи населения повсюду обстановки запугивания и преследования всех инакомыслящих... В такой обстановке основная часть исконного башкирского населения была записана татарами» (О мероприятиях..., 2001).

Декларативность приведенного заявления иллюстрируется отсутствием, как доказательных фактов по процедуре и итогам переписи 1989 г. в самой Резолюции, так и соответствующих заявлений со стороны Башкирского Национального Центра «Урал», выступающего в качестве его политического союзника.

Тем не менее, политизация переписной кампании в новейшей истории Башкортостана получила свое выражение в общественно-политическом дискурсе региональной политической, интеллектуальной элиты и в новых инструментах символической политики и пропаганды. План действий по выработке необходимых мер по проведению переписи 2002 г., принятый на упомянутом выше Заседании Исполкома Курултая башкир, был нацелен на перезапуск политики башкиризации татарского населения в новых условиях и реализацию стратегии идеологической пропаганды.

В качестве новых инструментов стало обращение к «исконной традиции»: проведение повсеместных башкирских национальных праздников; публикация коротких наглядных материалов с результатами переписи XVIII–XX вв. по якобы «башкирским селам» Северо-Западного региона Республики Башкортостан, и приграничных с Татарстаном районов; выпуск и тиражирование резолюций Исполкома ВКБ и идеологически комплементарных статей в государственных и муниципальных СМИ. Наряду с этим, как отмечает И.М. Габдрафиков, примерно за год до сроков проведения самой переписи по республиканскому телевидению, радио и печатным СМИ практически ежедневно шла информационная обработка населения республики о том, что исконное население сел и деревень западной Башкирии и восточной Татарии – это башкиры, а не татары (Габдрафиков, 2021: 19). Примечательно, что языковой вопрос был решен своеобразно: татарский язык, на котором общались татары этих сел, был объявлен «северо-западным диалектом башкирского языка» (Габдрафиков, 2021: 19).

Альтернативные мнения трактовались как «оголтелая кампания в адрес башкирской общественности по дискредитации взвешенной национальной политики РБ, учитывающей интересы всех национальностей» и не имели возмож-

⁷ Обращение башкирских ученых к Президенту России от 18 сентября 2002 г. // Халык ихтияры. 2004. Ноябрь. С. 5.

ностей для публичной репрезентации своей позиции (Габдрафиков, Баймухаметова, 2003: 97–98).

Одним из влиятельных ресурсов проводимой политики стали государственные научные институты. Один из официальных идеологов республики 2000-х гг. И.Г. Илишев⁸ в январе 2002 г. в журнале *«Ватандаш»* опубликовал программную статью о целях и задачах административного аппарата и башкирских организаций при проведении переписной кампании (Илишев, 2002: 68). В своих публикациях ученый обосновывает стабильность социально-политической обстановки в республике необходимостью увеличения доли башкир по отношению к другим этническим группам:

...с морально-психологической точки зрения, уменьшение численности башкирского народа или даже его сохранение на прежнем уровне (отсутствие прогресса равносильно в данных исторических условиях регрессу), может окончательно деморализовать коренное автотонное население... И в итоге [это] лишит руководство республики надежной социально-политической опоры⁹.

Исходя из этого, он формулирует в обращении к Исполкому Всемирного курултая башкир вектор региональной этнополитики: «Считал бы стратегической задачей количественное выравнивание башкир с татарами, т.е. восстановить статус-кво и вернуться, прежде всего, к уровню переписи 1979 г.»¹⁰.

В качестве одного из инструментов восстановления численности башкир, ученый определяет родословную каждой семьи «эффективным средством возвращения башкир к своим корням должны стать шежере»¹¹.

Соответственно, история башкирского народа становится одним из идеологических ресурсов реидентификации татар в башкиры, что вызывает ответную реакцию сопротивления со стороны татарского населения Республики Башкортостан и стимулирует участие Татарстана по защите его прав. В преддверии переписи, 18 сентября 2002 г. в Уфе прошла научно-практическая конференция «Против фальсификации истории Башкортостана». Как сама тема конференции, так и ее резолюция носили политизированный характер: в обращении к Президенту РФ ее участники потребовали «принятия срочных мер по ограждению многонационального народа Башкортостана от кампании лжи, клеветы, развернувшейся в Татарстане»:

⁸ И.Г. Илишев в 2000-е гг. занимал должность директора Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук.

⁹ Илишев И.Г. Предстоящая перепись населения: политический аспект // Ватандаш. 2002. Январь. С. 71.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

Укрепление демографического потенциала башкирского народа объективно соответствует политическим интересам, как Российского государства, так и русского народа, поскольку башкиры являются необходимым противовесом для развернувшейся татарской экспансии в Волго-Уральском регионе (Габдрафиков, Баймухаметова, 2003: 97).

Примечательно, что политические интересы Российской Федерации в Волго-Уральском регионе репрезентируются через этнические категории: в объединении «титульной» этнической группы с доминирующей этнокультурной группой – русскими – в противостоянии с татарами, которые интерпретируются в качестве политически «неблагонадежного» народа в российском государстве.

Уже в процессе проведения названного мероприятия главы администраций районов Башкортостана ежедневно отчитывались о численности переписанных башкир. Это зафиксировал французский ученый Ксавье Ле Торривеллек, проводивший в 2002 г. полевые исследования в республике (Ксавье Ле Торривеллек, 2003: 98). В мае 2003 г. Государственный комитет статистики Республики Башкортостан опубликовал предварительные итоги переписи населения, в которых отсутствовала информация о численности этнических групп. Отсутствие актуальных данных компенсировалось публикацией Института истории, языка и литературы УНЦ РАН «О прогнозируемом росте численности башкирского населения». В ней речь шла о том, что по итогам «новейшей переписи будет «восстановлена» ситуация, существовавшая в республике до переписи 1989 г., и башкиры по численности «поднимутся» с третьего места на второе после русских, обойдя татар. Публикация этого материала вместе с официальной информацией республиканского Госкомстата означала, что итоги переписи покажут значительный рост численности башкир и аналогичное ему уменьшение доли татарского населения¹². Официальные и окончательные итоги Всероссийской переписи 2002 г. в Башкортостане были подведены лишь в самом конце 2005 г., в то время как остальные субъекты РФ опубликовали ее результаты в конце 2003 – начале 2004 гг.

По этим данным численность башкир поднялась с 22% до 30% (с 864 тыс. в 1989 г. до 1 221 тыс. в 2002 г.), а татар, в свою очередь, снизилась с 28% до 24% (с 1 121 тыс. до 990 тыс.) населения республики. Фальсификацию результатов переписи признавали многие эксперты (Сафин и др., 2023; Ксавье Ле Торривеллек, 2003). На основе данных ежегодных отчетов Госкомстата это наглядно доказал и этнолог И.М. Габдрафиков. Согласно им, численность татар должна была достигнуть по итогам переписи 2002 г. около 1 215 тыс. человек, из чего можно заключить, что более 200 тыс. татар были переписаны башкирами¹³.

¹² Прогноз 2003 – О прогнозируемом росте численности башкирского населения // Республика Башкортостан. 13 мая, 2003.

¹³ Габдрафиков И.М. Чудовищная фальсификация или геноцид народов // Халык ихтияры. 2004. Ноябрь.

*Перепись 2010 г. и этнонациональная политика
в условиях смены власти в Республике Башкортостан*

Подготовка к переписной кампании 2010 г. сохранила политический вектор предыдущей переписи 2002 г., и сопровождалась постановкой новых задач по увеличению доли башкир. Примечательно, что значимым ресурсом, как и в переписях 1970-х гг. в БАСССР, стало обращение к истории. Политический курс был репрезентирован историком, ректором Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан (2011–2015 гг.), советником президента Башкортостана С.Н. Лаврентьевым Агентству «Интерфакс»:

Строительство этноса, нации – дело достаточно долгое, поэтому за последние 150 лет изменения не носят кардинального характера. В частности, интересны документы по землевладению в Оренбургской и Уфимской губерниях и материалы Всероссийской переписи 1897 года. По всей Уфимской губернии, в составе которой тогда были Златоустовский, Уфимский, Стерлитамакский, Белебеевский, Бирский и Мензелинский уезды, 41% населения говорил на башкирском, 8,4% – на татарском, 1% – на мишарском и 1,8% – на тептярском языках. Эти показатели очень близки к совокупному показателю численности башкир и татар в современной Башкирии¹⁴.

Такой политический вектор был ослаблен важным обстоятельством, повлиявшим на ход переписи 2010 г. Им стала смена власти в Республике Башкортостан, когда в июне 2010 г. первый президент Башкортостана Муртаза Рахимов был вынужден оставить свой пост. Переходный период характеризовался ослаблением административного ресурса в ходе переписной кампании. С одной стороны, отсутствовали директивы, которые бы указывали на необходимость завышения или занижения численности определенных этнических групп. С другой стороны, не было и жестких указаний на то, чтобы не вмешиваться в процесс переписи. В условиях временного «нейтралитета» центральной республиканской власти возросла роль руководителей на местах: в разных районах результаты значительно варьировались в зависимости от личных позиций их глав.

Для иллюстрации можно привести несколько примеров. Татары в Учалинском районе по переписи 1939 г. составляли 30,7% населения. В 1989 г. их доля уменьшилась до 14,9%. В переписи 2002 г. эти цифры снизились уже до 7,8% (в городе Учалы – 15,7%). Однако в переписи 2010 г. татары в Учалинском районе вновь составили 15,9%, а в городе Учалы их численность достигла 20,9%. Это

¹⁴ Госсоветник при президенте Башкирии С.Лаврентьев: «Итоги переписи отразят объективную картину, а политики найдут возможность спокойно и конструктивно решать возникающие проблемы» // Агентство Интерфакс. 15 апреля, 2010. URL: <https://www.interfax-russia.ru/exclusives/gossovetnik-pri-prezidente-bashkirii-b-s-lavrentev-b-itogi-perepisi-otrazyat-obektivnuyu-kartinu-a-politiki-naydut-vozmozhnost-spokoyno-i-konstruktivno-reshat-voznikayushchie-problem> (дата обращения: 13.02.2025).

резкое изменение может быть связано с местной политикой и настроениями, которые могли повлиять на процесс переписи (Итоги Всероссийской переписи..., 2012).

Еще один пример – Дюртюлинский район, где по итогам переписи 2010 г. татары составили 49,3%. Это был усредненный результат между данными 2002 г. (35,5%) и «эталонной» переписью 1989 г. (59,1%). Эти показатели могут характеризовать позицию местной, районной власти. Местные власти, возможно, придерживались более лояльной позиции к национальной политике, что могло способствовать более адекватным результатам переписи.

В некоторых районах, где местные власти, судя по всему, продолжали поддерживать прежнюю политику, результаты переписи практически не изменились. Например, в Янаульском районе в 2002 г. доля башкир составила 49,45%, а татар – 13,31%. По итогам переписи 2010 г. доля башкир снизилась до 48,3%, а татар незначительно увеличилась до 13,8%. Эти данные свидетельствуют о том, что местные руководители могли не вмешиваться в процесс переписи, что позволило сохранить более стабильные результаты.

Таким образом, перепись 2010 г. в Башкортостане показала, как местные политические обстоятельства и личные позиции руководителей муниципальных образований могут влиять на результаты статистических данных и в целом на этническую карту региона.

*Инструментарий всероссийских переписей, политическая
ангажированность переписных кампаний и государственные интересы*

Сопоставление процедур и результатов переписных компаний в Башкортостане в течение длительного периода с различающимися политическими системами демонстрируют, тем не менее, взаимозависимость макро-, мезо- и микроуровней в этноидентификационных процессах. Их результаты репрезентируют силу и значимость конструктивистского и примордиального: динамизм и ситуативность первого вполне успешно подкрепляется ресурсами последнего.

Рассмотренный кейс демонстрирует значимость сопряженности двух факторов, задействованных в этой важной для государства процедуре. Первый из них – это принцип политической легитимации национальной республики в качестве этнотерриториального субъекта на основе показателей численности « титульной национальности». Второй фактор – это инструментарий переписи – бланк, который заполняют либо разной степени ангажированности и компетентности переписчики, либо сами респонденты.

Перипетии переписных кампаний в Башкортостане свидетельствуют не только об избыточности и вреде административного ресурса, но и о сложности этноидентификационной ситуации, когда социальная мобильность, межэтнические браки и культурная гетерогенность сильно затрудняют ситуацию этнокультурного самоопределения респондента переписи. О проблемах с фиксацией маркеров этничности во Всероссийских переписях населения (ВПН), их адекватности этнической идентификации респондента ведется активная дискуссия

(Варшавер, 2022; На пути к переписи..., 2003; Степанов, 2019; Тишков, 2001; Тишков, 2002; Тишков, 2003; Тишков, 2023). Среди экспертов и ученых проблематизируется соотношение этнического бэкграунда и настоящей для респондента этнической идентификации, а также роль родного или же актуального для респондента языка в качестве определителя этнической принадлежности (Габдрахманова, Асос-и-Фонт Эктор, 2024). Как отмечает В.А. Тишков, метод и формат используемого для измерения этничности переписного вопроса могут оказывать влияние на выбор респондентом ответа. Ученый акцентирует субъективную природу самого термина, выступая за то, чтобы информация об этничности реализовывалась через самоидентификацию отвечающего, а также давала ему возможность указывать множественную этническую идентификацию (Тишков, 2023: 185). О том, что инструментарий переписи способствовал эскалации межэтнической напряженности, поскольку не учитывал двойственную или нечеткую этническую идентичность, писал И.М. Габдрафиков. Надежду на деполитизацию переписных кампаний он возлагает на принятое Росстатом решение о том, что во время предстоящей переписи можно будет указывать несколько национальностей (первая национальность, вторая, третья), а также несколько языков (Габдрафиков, 2021: 22).

Как показал представленный кейс, на конечные результаты переписей в Башкортостане решающее влияние оказывала как общая политическая ситуация в стране, так и в самой республике. Условия демократизации общественной жизни конца 1980-х гг. и сигналы центрального правительства СССР минимизировали возможности для фальсификации переписи. Наиболее адекватной и политически не ангажированной можно назвать Всесоюзную перепись населения 1989 г. Однако политизированность практически всех других переписных кампаний продолжает оставаться проблемной. Так, В.А. Тишков признает, что вопрос об этнической мобилизации в момент переписи относится к числу давних и трудно разрешимых, и что его нужно учитывать при объяснении итогов переписей не только объективными «этническими процессами», а конструированием этничности через политические и морально-эмоциональные воздействия (Тишков, 2023: 200). Говоря об этом, он приводит в качестве примера Башкортостан:

Только этими факторами можно объяснить <...> очень значительный прирост (почти 100 тыс.) башкир в Башкортостане. Только этим обстоятельством можно объяснить, почему башкиры оказались единственным из поволжских народов, который при вышеотмеченном недоучете сохранил свою численность при одинаковой среди них демографической и миграционной ситуации. <...> Проведению переписи предшествовали националистические кампании под лозунгами «Запишись башкиром!» (Тишков, 2023: 200).

Отмечая роль республиканской администрации, ученый акцентирует и задействованность федеральных структур: «В ситуации с башкирами в этом ак-

тивно участвовали представители региональной власти и даже некоторые «эксперты ФАДН» (Тишков, 2023: 200).

Кейс с переписными кампаниями в Башкортостане высвечивает политическую сущность, казалось бы, нейтральных демографических обследований населения. Смысловая многослойность этой процедуры, которую государство проводит каждое десятилетие, напрямую связана с его многокультурностью. Формат структуры переписного бланка проектирует институциональный дизайн сосуществования этнических групп или народов и в определенных политических условиях формирует их социальную иерархию. Хотя и ушло в прошлое понятие «титульной нации» с присущими ей преференциями в национальной квартире, носящей ее имя, сохраняющаяся инерция политической культуры – особенно в картине мироустройства государственной бюрократии – воспроизводит старые паттерны в политических практиках государственной национальной политики. Не ангажированные ученые и общественные деятели стремятся довести до общественности, что между обычными людьми, на повседневном уровне между башкирами и татарами мирные и добрососедские отношения. Другое дело – поле политики, где реализуются политические амбиции и проекты. Здесь триумvirат региональных чиновников, ангажированных властью интеллектуалов, и четвертая власть в лице СМИ реализуют националистические проекты, выстраивающие жесткую иерархию этнических групп, что приводит к межэтнической напряженности и недоверию к власти. В совокупности, все эти действия и их последствия создают серьезные препятствия не только к консолидации регионального сообщества для решения актуальных задач развития на уровне самого региона, но и в целом, процессу интеграции народов России в гражданское сообщество – российскую нацию.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The authors declares that there is no conflict of interest.

ИСТОЧНИКИ

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года по Республике Башкортостан. URL: <https://www.webcitation.org/6EzC0FMGq> (дата обращения: 13.02.2025).

ЛИТЕРАТУРА

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-пресс-Ц, 2001.

Брубейкер Р. Этничность без групп // Этничность без групп. М., 2012. С. 22–60.

Варшавер Е.А. В ловушке двойной иррелевантности: (вос)производство этничности во взаимодействиях между переписчиками и переписываемыми в ходе всероссийской переписи 2021 г. в Дагестане // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 4. С. 199–221. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2150>

Габдрафиков И., Баймухаметова Г. Республика Башкортостан // На путях к переписи. На пути к переписи / под ред. В. Тишкова. М.: ОАО «Авиаиздат», 2003. С. 65–100.

Габдрафиков И.М. Переписи населения в татаро-башкирском пограничье: политизация этностатистики // Вестник антропологии. 2021. № 3. С. 17–23. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2021-3/17-23>

Габдрафиков И.М. Перепись населения в Башкирии: материалы полевой этнографии // Этнография переписи – 2002 / под ред. Е. Филипповой, Д. Ареля, К. Гусеф. М., 2003. С. 101–134.

Габдрафиков И.М. Феномен Башкортостана: от «трагической демографии» к «закономерной реконфигурации численности» // Этнокультурный облик России: перепись 2002 года. М.: Наука, 2007. С. 137–150.

Габдрахманова, Г.Ф., Алос-и-Фонт Э. К вопросу о фиксации национальной принадлежности и владения языками во Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг. // Социологические исследования. 2024. №1. С. 30–39. <https://doi.org/10.31857/S0132162524010032>

Давлетишина З.М. Татарское население Башкортостана: этнодемографическое исследование. Уфа: Гилем, 2001.

Исхаков Д.М. Перепись 2002 г. в Башкортостане: историко-демографический комментарий к итогам. Казань: ЦЭМ, 2005.

Исхаков С.М. К вопросу о причинах образования Татарской АССР // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т.12. №2. С.117–130.

Ксавье Ле Торривеллек Пространство, время и идентичности Башкортостана // Обретая себя. Серия «Башкортостан в зарубежных исследованиях». Казань, 2006. С. 5–30.

Ксавье Ле Торривеллек. Перепись и идентичности: Башкирия в октябре 2002 года // Этнография переписи – 2002. М., 2003. С. 94–101.

Кульшарипов М.М., Газизов Р.Р. Новейшее башкирское национальное движение и проблемы российского федерализма. Уфа, 2011.

Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 10 января 1989 г. М., 1989.

На пути к переписи / под ред. В. Тишкова. М.: ОАО «Авиаиздат», 2003.

Пименов В.В. Основы этнологии: учебное пособие. М.: Изд-во МГУ, 2007.

Сафин Ф.Г., Кульшарипов Ф.Р., Скогорев С.В. Контрадикторность этнодемографических процессов в Башкортостане (1979–2020 гг.) // Вестник антропологии. 2023. №3. С. 319–337. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2023-3/319-337>

Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос. Соч. Т. 2. М., 1946.

Степанов В.В. Измерение культурного многообразия России // Измерение культурного многообразия. Языковая ситуация, переписи, полевая этностатистика / под ред. М.Ю. Мартынова, В.В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2019. С. 140–154.

Тишков В.А. Историко-антропологический анализ переписи населения. М.: ИЭА РАН, 2003.

Тишков В.А. О переписывании народов, или деконструкция переписей населения // Этнографическое обозрение. 2023. № 4. С. 183–211. <https://doi.org/10.31857/S0869541523040085>

Тишков В.А. Политика цифр в переписи населения 2002 года // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень. № 40. 2001. С. 288–302.

Тишков В.А. Уроки переписи // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень. № 45. 2002.

Широкогоров С.М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений // Этнографические исследования. Книга вторая. Этнос. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2002.

Этнография переписи – 2002 / под ред. Е. Филипповой, Д. Арель, К. Гусеф. М.: ОАО «Авиаиздат», 2003.

Gorenburg Dm. Identity change in Bashkortostan: Tatars into Bashkirs and back // *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 22. No. 3. 1999. P. 554–580.

Hobsbawm E.J. *Nations and nationalism since 1780*. Cambridge, 1990.

REFERENCES

Anderson B. (2001) *Imagined Communities*. Moscow: Kanon Press Publ. (In Russ.)

Brubaker R. (2012) Ethnicity without groups. In: *Ethnicity without groups*. Moscow: 22–60. (In Russ.)

Davletshina Z.M. (2001) *The Tatar population of Bashkortostan: an ethnodemographic study*. Ufa: Gilem Publ. (In Russ.)

Ethnography of the census – 2002. (2003). Eds. E. Filippova, D. Arel, K. Gusef. Moscow: Aviaizdat Publ. (In Russ.)

Gabdrāfikov I., Baymukhametova G. (2003) The Republic of Bashkortostan. In: *On the path to the census. On the way to the Population census*. V. Tishkov (ed.). Moscow: OAO Aviaizdat Publ.: 65–100. (In Russ.)

Gabdrāfikov I.M. (2021) Population censuses in the Tatar-Bashkir borderland: politicization of ethnostatistics. *Vestnik antropologii* [Herald of Anthropology]. No. 3: 17–23. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2021-3/17-23> (In Russ.)

Gabdrāfikov I.M. (2003) Population census in Bashkiria: materials of field ethnography. In: *Ethnography of Census – 2002*. Eds. E. Filippova, D. Arel, K. Gusef. Moscow: 101–134. (In Russ.)

Gabdrāfikov I.M. (2007) Bashkortostan phenomenon: from “tragic demography” to “natural population reconfiguration”. In: *Ethnocultural image of Russia: the 2002 census*. Moscow: Nauka Publ.: 137–150. (In Russ.)

Gabdrakhmanova G.F., Alos-e-Fort E. (2024) On the issue of recording national identity and language proficiency in the All-Russian Population Census 2020–2021. *Sotsiologicheskie Issledovaniia* [Sociological Research]. No. 1: 30–39. <https://doi.org/10.31857/S0132162524010032> (In Russ.)

Gorenburg Dm. (1999) Identity change in Bashkortostan: Tatars into Bashkirs and back. In: *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 22. No. 3: 554–580.

Hobsbawm E.J. (1990) *Nations and nationalism since 1780*. Cambridge.

Iskhakov D.M. (2005) *The 2002 Census in Bashkortostan: a historical and demographic commentary on the results*. Kazan. (In Russ.)

Iskhakov S.M. (2022) Revisiting the reasons for the formation of the Tatar ASSR. *Iz istorii i kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya* [From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region]. Vol. 12. No. 2: 117–130. (In Russ.)

Kulsharipov M.M., Gazizov R.R. (2011) *The newest Bashkir national movement and the problems of Russian federalism*. Ufa. (In Russ.)

Materials of the Plenum of the Central Committee of the CPSU (1989). January 10, 1989. Moscow.

On the way to the population census (2003). Ed. V. Tishkov. Moscow: OAO Aviaizdat Publ. (In Russ.)

Pimenov V.V. (2007) *Fundamentals of ethnology: a textbook*. Moscow: Moscow State University Publ. (In Russ.)

Safin F.G., Kulsharipov F.R., Skogorev S.V. (2003) Contradictory nature of ethnodemographic processes in Bashkortostan (1979–2020). *Vestnik antropologii* [Herald of Anthropology]. No. 3: 319–337. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2023-3/319-337> (In Russ.)

Shirokogorov S.M. (2002) Etnos. Research of the basic principles of change of ethnic and ethnographic phenomena. In: *Ethnographic Research*. Book 2. Ethnos. Vladivostok: Far Eastern University Publ. (In Russ.)

Stalin I.V. (1946) *Marxism and the national question*. Works. Vol. 2. Moscow. (In Russ.)

Stepanov V.V. (2019) Measuring the cultural diversity of Russia. In: *Measuring cultural diversity. Language situation, censuses, field ethnostatistics*. Eds. M.Yu. Martynova, V.V. Stepanov. Moscow: IEA RAS Publ.: 140–154. (In Russ.)

Tishkov V.A. (2001) The politics of numbers in the 2002 population census. In: *Ethnological monitoring and early conflict warning network. Bulletin*. No. 40: 288–302. (In Russ.)

Tishkov V.A. (2002) Population census lessons. In: *Ethnological monitoring and early conflict warning network. Bulletin*. No. 45. (In Russ.)

Tishkov V.A. (2003) *Historical and anthropological analysis of the population census*. Moscow: IEA RAS Publ. (In Russ.)

Tishkov V.A. (2023) Counting the peoples or deconstructing population censuses. *Etnographicheskoye obozrenie* [Ethnographic Review]. No. 4: 183–211. <https://doi.org/10.31857/S0869541523040085> (In Russ.)

Varshaver E.A. (2022) Trapped in double-irrelevancy: (re)-production of ethnicity in interactions between census-takers and their respondents based on the results of observations during 2021 All-Russian Census in Dagestan. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of public opinion: Economic and social changes]. No. 4: 199–221. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2150>. (In Russ.)

Xavier le Torrivellec (2003) Population census and identity: Bashkiria in October 2002. In: *Ethnography of Population Census -2002*. Moscow: 94–101 (In Russ.)

Xavier le Torrivellec (2006) Space, time and the identity of Bashkortostan. In: *Finding yourself. Series "Bashkortostan in Foreign Research"*. Kazan: 5–30. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Сагитова Лилия Варисовна, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0002-6426-6970>; e-mail: liliya_sagitova@mail.ru

Гарифуллин Ильнар Зульфатович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и педагогики, Казанский государственный энергетический университет (420066, ул. Красносельская, 51, Казань, Российская Федерация), младший научный сотрудник отдела новейшей истории, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0009-0000-2252-8533>; e-mail: elnar-1979@mail.ru

About the authors:

Liliya V. Sagitova, Dc. Sc. (Politics), Associate Professor, Leading Research Fellow at the Department of Ethnological Research, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0002-6426-6970>; e-mail: liliya_sagitova@mail.ru

Ilnar Z. Garifullin, Cand. Sc. (History), Senior Lecturer at the Department of History and Pedagogy, Kazan State Power Engineering University (51 Krasnoselskaya St., Kazan 420066, Russian Federation); Junior Research Fellow at the Department of Contemporary History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0009-0000-2252-8533>; e-mail: elnar-1979@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 17.02.2025

Доработана после рецензирования / Revised 8.08.2025

Принята к публикации / Accepted 14.08.2025

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2025-10-3.472-490>

EDN: XUUSWJ

Татарский язык в межличностной коммуникации и в общественных пространствах городов Татарстана

Г.Ф. Габдрахманова

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
medi54375@mail.ru*

Г.И. Макарова

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан,
Казань, Российская Федерация
makarova_guzel@mail.ru*

Резюме. В статье анализируется использование жителями пяти наиболее крупных городов Татарстана (Казань, Набережные Челны, Нижнекамск, Альметьевск, Зеленодольск) татарского языка в межличностной коммуникации и в разного рода учреждениях, городских публичных средах. Она основывается на данных массового этносоциологического опроса, проведенного в конце 2024 – начале 2025 гг. В ходе их обобщения авторы стремились использовать некоторые новые подходы к анализу этноязыковых процессов – через постановку вопроса о выборе языка коммуникации не только в связи с принадлежностью респондентов к той или иной этнической группе, но и в зависимости от среды и ситуации общения, социокультурных норм и ожиданий.

Исследование показало, что татарский язык заметно чаще выбирается в частной жизни горожан и в меньшей степени – в публичной. Тем не менее в социально-институциональной сфере он в той или иной степени («постоянно» и «иногда») замечается около 90% горожан. Татарский язык применяется чуть меньше в образовательных организациях, несколько больше – в административных и медицинских учреждениях и ощутимо чаще он звучит в публичных пространствах городов.

Во всех сферах межличностной коммуникации у русских исследуемых поселений наблюдается преобладание использования русского языка. Среди татар преобладает татарско-русское двуязычие либо татарское моноязычие. Два языка используют 60–80% татар в дружеской коммуникации, половина – в деловой, а также при разговорах с родителями, супругами, бабушками/дедушками, треть – когда они обращаются к своим братьям, сестрам.

75–96% опрошенных признают значимость представленности татарского языка в социокультурном пространстве их городов. Однако при оценке реальной ситуации от пятой части до трети татар по разным поселениям отметили недостаточность его присутствия. Обнаруженный общественный запрос на татарский язык, его восприятие как органичной части городского ландшафта весомой долей представителей разных национальностей демонстрирует значимую роль этого языка в межличностной коммуникации и в социокультурном развитии крупных городов Татарстана.

Ключевые слова: татарский язык, языковое поведение, межличностная коммуникация, выбор языка общения, городские общественные пространства, Татарстан.

Для цитирования: Габдрахманова Г.Ф., Макарова Г.И. Татарский язык в межличностной коммуникации и в общественных пространствах городов Татарстана. *Историческая этнология*. 2025. Т. 10. № 3. С. 472–490. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-3.472-490> EDN: XUUSWJ

The Tatar language in interpersonal communication and public spaces of Tatarstan cities

G.F. Gabdrakhmanova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
medi54375@mail.ru*

G.I. Makarova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
makarova_guzel@mail.ru*

Abstract. The article analyzes the use of the Tatar language by residents of the five largest cities of Tatarstan (Kazan, Naberezhnye Chelny, Nizhnekamsk, Almetyevsk, and Zelenodolsk) in interpersonal communication and in various institutions and urban public environments. It is based on the data of a mass-scale ethno-sociological survey conducted in late 2024 – early 2025. In the course of integrating the data, the authors sought to use certain new approaches to the analysis of ethnolinguistic processes – by posing the question of the choice of the language of communication not only in connection with the respondents’ belonging to a particular ethnic group, but also in relation to the environment and situation of communication, socio-cultural practices and expectations. The study showed that the Tatar language is chosen significantly more often in the private life of city residents and to a lesser extent in their public life. Nevertheless, in the social and institutional sphere it is noticed to one degree or another (“constantly” and “sometimes”) by about 90% of city residents. The Tatar language is used slightly less in educational institutions, somewhat more in administrative and medical institutions, and it is heard noticeably more frequently in public spaces of cities.

In all spheres of interpersonal communication, the Russian language is predominant among the Russian settlements under examination. Tatar-Russian bilingualism or Tatar monolingualism prevails among Tatars. Two languages are used by 60–80% of Tatars in friendly communication, half in business, as well as when talking with parents, spouses, grandparents, and a third when they address their brothers and sisters.

75–96% of respondents recognize the importance of the representation of the Tatar language in the socio-cultural space of their cities. However, when assessing the real situation, from a fifth to a third of Tatars in different settlements pointed out the insufficiency of its presence. The identified public demand for the Tatar language, its perception as an organic part of the urban landscape by a significant proportion of representatives of different nationalities, demonstrates the significant role of this language in interpersonal communication and in the socio-cultural development of large cities in Tatarstan.

Keywords: Tatar language, linguistic behavior, interpersonal communication, choice of language of communication, urban public spaces, Tatarstan.

For citation: Gabdrakhmanova G.F., Makarova G.I. (2025) The Tatar language in interpersonal communication and public spaces of Tatarstan cities. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 10. No. 3: 472–490. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-3.472-490> (In Russ.)

Сохранение и функционирование этнических языков в условиях глобализации и доминирования крупных языковых систем выступает одним из главных направлений исследований в современной социолингвистике. Согласно данным Всероссийской переписи населения 2020, Татарстан является многоязычным регионом. Во время нее зафиксировано владение жителями РТ более чем 180 языками: указали данный пункт переписного листа 3 923 329 жителей региона. Об их использовании в повседневной жизни заявили 3 905 388 человек. Русским языком, согласно переписи, владеют 3 853 041 человек (используют 3 725 281 чел.), татарским – 1 547 426 (1 452 976), чувашским – 71 321 (64 172), удмуртским – 18 097 (16 352), марийским – 11 388 (9 517), мордовским – 7 730 (6 653). Поскольку татарский и русский языки в Татарстане представляют собой языки со значимой демографической мощностью и закреплены в республике в качестве государственных их реальное применение представляет особый научный и практический интерес. Тем более актуально изучение их использования в условиях современного поликультурного города. Учитывая обозначенные и ряд других факторов – влияние языковой политики и развития этнокультурных, региональной и локальных идентичностей, повседневных социокультурных взаимодействий – мы предполагали, что реальная языковая ситуация в республике может характеризоваться сложной динамикой.

Цель статьи – определить использование жителями пяти наиболее крупных городов Татарстана татарского языка в межличностной коммуникации и в разного рода учреждениях, городских публичных средах. Актуальность исследования обусловлена важностью оценки реального функционирования данного языка в условиях многоязычного города. Его новизна заключается в том, что оно проводилось в разрезе конкретных городских поселений, а не республики в целом, в особом внимании к связанной, прежде всего, с этническим составом населения, специфике проявления в них языковой ситуации.

Методология и методика исследования

Проблематика применения языков участниками этнокультурного взаимодействия, характеризующегося многообразием и одновременно относительной стабильностью, выводит на сложные вопросы переменных, позволяющих фиксировать их языковое поведение: кто говорит, на каком языке, с кем и когда. Джошуа А. Фишман предложил отказаться от изучения степени знания родного и второго языка и сосредоточиться на таком показателе как выбор языка, который, по его мнению, далеко не случаен и не является результатом сиюминутно-

го предпочтения. Теоретик обратил внимание на то, как на этот выбор влияет принадлежность к группе, тематика разговора (одна тема может идти лучше на одном языке, чем на другом), социокультурные нормы и ожидания, характер ситуации коммуникации и в целом сфера использования языка. В части последнего Фишман упоминает Шмидт-Рора – исследователя, выделившего такие области как семья, двор и улица, школа, церковь, литература, пресса, военная служба, суд и государственное управление (Фишман, 2012).

Отечественные ученые провели немало конкретных исследований коммуникативной функции языков народов России. В числе них назовем Е.М. Арутюнову (Арутюнова, 2024), Р.Р. Галлямова (Галлямов, 1997), И.А. Данилова, Н.И. Иванову (Данилов, Иванова, 2023; Данилов, 2024), В.В. Иванова (Иванов, 2022), Ф.Г. Сафина, Е.Ф. Идрисову (Сафин, Идрисова, 2022), В.И. Шабыкова, Е.В. Соловьева (Шабыков, Соловьев, 2019), М.М. Шахбанову (Шахбанова, 2022). На социолингвистических аспектах функционирования языков концентрируют внимание В.Ю. Михаличенко (Михаличенко, 2000). Применительно к Республике Татарстан этноязыковые процессы, в том числе в городских поселениях, изучаются А.Ф. Валеевой (Валеева, 2002), Я.З. Гариповым (Гарипов, 2017), сотрудниками отдела этнологических исследований Института истории им.Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан (Государственные языки..., 2016; Тюркские языки..., 2011; Габдрахманова, 2023а; Габдрахманова, 2023б), а также З.А. Исхаковой (Исхакова, 1999), Л.М. Мухарямовой, Н.М. Мухарямовым, О.Б. Януш (Мухарямова, 2003; Януш, Мухарямов, Мухарямова, 2020). Анализ публикаций позволяет выделить наиболее значимые сферы использования языков народов России: область политики, делопроизводства и обслуживания населения (торговля, общественное питание, транспорт, связь), наука, образование (прежде всего школьное), СМИ, семья, религия, ландшафт городов.

В нашем исследовании мы стремились проследить социально-институциональный и ситуационный (по классификации Джошуа А.Фишман) уровни использования русского и татарского языков в городах Республики Татарстан. Под первым мы понимаем учреждения, которые находятся в компетенции органов государственной власти и управления, а также отчасти публичные пространства городов, организация и функционирование которых прямо или опосредованно иницируются и создаются государством. Все они являются общедоступными, в них приходится бывать большинству горожан, но, согласно Джошуа А.Фишман в этой институциональной сфере, хотя все участники и абстрагируются от темы коммуникации, отношений между коммуникаторами и от места, где происходит коммуникация, все же она является социокультурной моделью, отражающей языковые выборы (Фишман, 2012: 70–71). Поэтому в нашем исследовании мы не анализировали саму ситуацию выбора языка посетителями организаций и общественных пространств, но сосредоточились на оценках участниками опроса того, насколько часто они слышат в них речь на татарском языке. Само присутствие языковой речи так или иначе отражает язы-

ковой выбор государственного аппарата, а также тех, кто прямо или опосредованно вступает во взаимодействие с ним и/или с другими горожанами в определенной мере институционально заданной среде.

В то же время, по оценкам многих исследователей, самым существенным проявлением многоязычия выступает семья. И даже если язык вытеснен из других сфер, именно в ней он может сохраняться и влиять на социокультурную идентичность представителей этнического сообщества (Губогло, 1998; Макарова, 2010: 135–137; Халиулина, Идрисова, 2022). Барнет У. Пирс и Вернон Е. Кронен – авторы теории координированного управления смыслообразованием – обращают внимание на то, что «события и объекты социального мира не просто творятся в коммуникации, это процесс сотворения, совместного созидания, результат объединенных усилий множества людей», это вопрос самоидентификаций, отношений и культур, которые «создаются, конструируются посредством различных коммуникативных паттернов, используемых при взаимодействиях» (Казаринова, 2017: 117). В то же время Джошуа А. Фишман обращает внимание на то, что во внутрисемейной коммуникации очень выпукло проявляются себя ролевые отношения, то есть многое зависит от того, кто и с кем из членов семьи разговаривает на конкретном языке. Поэтому при изучении ситуативного уровня использования русского и татарского языков мы спрашивали респондентов о том, какие конкретные языки они выбирают во время общения с разными членами семьи и ближайшего окружения – с представителями старшего поколения, родителями, братьями, сестрами, детьми, внуками, друзьями и коллегами.

Данная статья основывается на результатах массового социологического опроса, проведенного в конце 2024 – начале 2025 гг. в смешанном формате (телефонный опрос и опрос по месту жительства) в городах Татарстана: Казани (n=400), Набережных Челнах (n=400), Нижнекамске (n=400), Альметьевске (n=300), Зеленодольске (n=300). Выборка отражала социально-демографические пропорции населения – возраст, пол, национальный состав. Охарактеризуем кратко каждый из выбранных для исследования городов.

Казань – столица республики с более чем тысячелетней историей. Население города составило на начало 2024 г. 1318604 чел.¹ В настоящий период это важнейший промышленный, финансовый, образовательный, научный, культурный и туристический центр страны. По результатам Всероссийской переписи населения–2020 татар в Казани – 48,8%, русских – 46,9% (процентное соотношение во всех городах высчитывалось авторами от указавших свою национальную принадлежность).

¹ Численность всех изучаемых городов представлена по: Статистический бюллетень «Численность населения муниципальных образований Республики Татарстан» на начало 2024 года (Статистический бюллетень) // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан. URL: <https://16.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/МОчисл2024.docx?ysclid=m6f4wpgzhv590552750> (дата обращения: 23.01.2025).

Набережные Челны – статус города получен в 1930 г., в 1969–1989 гг. его население возросло в 13 раз в связи с Всесоюзной комсомольской стройкой и возведением КамАЗа. Ныне это важнейший центр машиностроения в регионе и стране, крупнейший город (по классификации Г.М. Лаппо) (Лаппо, 1997) с численностью 544383 чел., расположенный в 205 км от Казани. Согласно результатам последней переписи населения, татары составляют здесь 48,8%, русские – 46,2%.

Нижнекамск – город (с 1966 г.), выстроенный вокруг «Нижнекамскнефтехима» (с 2021 г. входит в состав «Сибур») – сегодня это крупнейшая в России и Европе компания по производству нефтехимической продукции. Также здесь возведено мощное предприятие нефтеперерабатывающей отрасли «Танеко», развивается ряд других производств. Это «большой» город (240379 чел.) в 170 км от столицы Татарстана. По переписи 2020 г. в Нижнекамском муниципальном районе татар – 52,3%, русских – 42,6%.

Альметьевск – сформировавшийся на месте татарского села в ходе разработки нефтяных месторождений город (с 1953 г.); ведущее предприятие – «Татнефть» – одна из крупнейших нефтяных компаний РФ. Другие его производства также выстраиваются преимущественно вокруг нефтедобычи и нефтесервиса. Население на начало 2024 г. составило 163747 чел., город находится в 224 км от Казани. В национальном составе Альметьевского района, по данным переписи 2020 г., татар – 56,6%, русских – 36,2%.

Зеленодольск – возникший на месте рабочего поселка, приближающийся по численности к большому (98888 чел.) город (с 1932 г.). Его градообразующими предприятиями являются «Завод имени Серго» – POZIS и «Зеленодольский судостроительный завод им. А.М. Горького», имеющие преимущественно оборонную направленность. Расположен в пределах Казанской агломерации, в 34 км от Казани. В Зеленодольском муниципальном районе по результатам последней переписи русских – 56,3%, татар – 40,8%.

Использование татарского языка в организациях и учреждениях городов

Специальный блок анкеты был направлен на выяснение того, как часто респонденты слышат татарский язык в разного рода учреждениях города. Признали, что татарская речь звучит «постоянно» в городской администрации и других государственных учреждениях – от 24% до 37% всех участников исследования (табл. 1). Причем эти данные оказались определенно выше в Казани и Н.Челнах – то есть в столице республики, где, по-видимому, обращается больше внимание на применение в процессе коммуникации с посетителями не только русского, но и татарского языка как государственного языка РТ, а также во втором по численности городе Татарстана. Несколько ниже эти данные в Нижнекамске и Альметьевске, и еще ниже – в Зеленодольске. Тем не менее, если сложить ответы «постоянно» и «иногда», мы получаем от двух пятых до почти девяти десятых (78%–88%) всех респондентов по разным городам РТ (84% в

Казани, 88% в Челнах, 89% в Нижнекамске, 87% в Альметьевске и 78% в Зеленодольске).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Как часто Вы слышите татарскую речь в администрации города и в других государственных учреждениях?», %

Варианты ответов	Казань		Н.Челны		Нижнекамск		Альметьевск		Зеленодольск	
	татары	русские	татары	русские	татары	русские	татары	русские	татары	русские
Постоянно	38,7	34,8	38,2	37,6	26,8	33,9	27,1	28,7	23,8	24,3
Иногда	46,2	50	50	50	60,3	56,1	58,2	63	54,9	56,2
Не слышу совсем	9,1	9	5,4	8,4	9,6	8,8	10,6	5,6	14,8	13
Затрудняюсь ответить	6,0	6,2	6,4	4,0	3,3	1,2	4,1	2,7	6,5	6,5

Проанализируем далее, как обстоят дела с применением татарского языка в поликлиниках и больницах. Здесь результаты по нестоличным городам в целом такие же, буквально чуть ниже: от 22% до 33% всех респондентов признались, что слышат татарский язык в них постоянно (табл. 2). В то же время в столице региона, где находится комплекс Республиканской клинической больницы, в котором принимают пациентов со всего Татарстана, в том числе из татарских сельских районов, ответили, что он звучит часто, 41% опрошенных. Если сложить постоянно и иногда, мы имеем девять десятых всех респондентов во всех изучаемых городах (89% в Казани, 92% в Челнах и Нижнекамске, 94% в Альметьевске и 91% в Зеленодольске).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Как часто Вы слышите татарскую речь в поликлиниках и больницах города?», %

Варианты ответов	Казань		Н.Челны		Нижнекамск		Альметьевск		Зеленодольск	
	татары	русские	татары	русские	татары	русские	татары	русские	татары	русские
Постоянно	40,5	41,6	35,5	32	24,4	31,8	19,4	25,9	29,5	28,4
Иногда	47,6	47,8	53,8	61,8	67,5	58,8	73,5	69,4	59	64,5
Не слышу совсем	9,2	5,6	8,1	4,5	6,2	7,6	4,7	3,7	9	5,9
Затрудняюсь ответить	2,7	5,0	2,6	1,7	1,9	1,8	2,4	1,0	2,5	1,2

Уже при первоначальном рассмотрении данных, характеризующих частоту использования татарского языка в образовательных учреждениях городов обра-

тило на себя внимание то, что до двух пятых всех участников исследования затруднились ответить на него (при этом анализ перекрестных зависимостей показал, что таковых было ощутимо больше в возрастной группе старше 60 лет – то есть это респонденты, дети которых уже выросли, и они могут не знать реальную ситуацию в школах, колледжах, вузах). В связи с этим мы исключили в следующей далее таблице (табл. 3) тех, кто затруднился ответить, и приводим проценты лишь по высказавших свое мнение. Признались, что слышат татарскую речь в школе, колледже, ВУЗе постоянно от 24% до 31% ответивших татар и от 15% до 30% ответивших русских по разным городам. Если сложить «постоянно» и «иногда» мы получаем в данном случае от 76% до 84% татар и от 72% до 79% русских. В то же время от 16% до 24% татар и от 18% до 26% русских признались, что не слышат татарский язык в школах, колледжах, вузах своего поселения совсем.

Таблица 3

**Распределение ответов на вопрос:
«Как часто Вы слышите татарскую речь в школе, колледже, вузе?», %**

Варианты ответов	Казань		Н.Челны		Нижекамск		Альметьевск		Зеленодольск	
	татары	русские	татары	русские	татары	русские	татары	русские	татары	русские
Постоянно	31,3	30,4	27,8	27,9	24,3	22,7	26,8	15,2	25	24
Иногда	52,3	48,7	55,6	45,9	51,3	58,2	49,1	66,7	50,9	54,8
Не слышу совсем	16,4	20,9	16,6	26,2	24,4	19,1	24,1	18,1	24,1	21,2

* Распределение представлено среди ответивших (за исключением затруднившихся).

Важным для нас показателем языкового выбора стали вопросы, касающиеся субъективной оценки самой ситуации использования татарского языка в учреждениях, организациях и общественных пространствах городов. Первый из них касался значимости его присутствия (табл. 4). Необходимость этого признали от 75% (в Зеленодольске, где доля русских выше, чем татар) до 96% респондентов (по всем другим поселениям). И это – результат более чем тридцатилетней языковой политики республики, направленной на расширение его использования в регионе наряду с русским. Вместе с тем, если рассматривать данные в национальном разрезе, таковых оказалось на 7–16% (по разным городам) меньше среди русских, чем среди татар.

Второй вопрос был направлен на выявление оценок респондентами достаточности представленности татарского языка в пространствах городов (табл. 5). Здесь разница во мнениях татар и русских оказалась более значительной. Причем в данном случае ответили «да» уже ощутимо меньше татар, чем русских: от 84% до 97% русских и от 60% до 83% татар. Вместе с тем подчеркнули, что им не хватает в городских пространствах татарского языка от 21% (в Альметьевске и Нижнекамске; в Челнах – четвертая их часть) до 37% татар (в Зеленодольске),

проживающих в нестоличных городах Татарстана, и почти шестая их доля – в столице республики. С ними согласились от 3% до 13% русских.

Таблица 4

Мнение респондентов о необходимости присутствия татарского языка в общественном пространстве города, 2024–2025, %

Варианты ответов	Казань		Н.Челны		Нижнекамск		Альметьевск		Зеленодольск	
	татары	русские	татары	русские	татары	русские	татары	русские	татары	русские
Да	93	86,5	93	85,4	96,2	83	97,6	86,1	91	74,6
Нет	5,4	8,4	5,9	8,4	3,3	12,9	2,4	8,3	6,6	18,9
Затрудняюсь ответить	1,6	5,1	1,1	6,2	0,5	4,1	–	5,6	2,4	6,5

Таблица 5

Оценка достаточности присутствия татарского языка в пространстве города, % среди ответивших

Варианты ответов	Казань		Н.Челны		Нижнекамск		Альметьевск		Зеленодольск	
	татары	русские	татары	русские	татары	русские	татары	русские	татары	русские
Да	83,2	90,3	72,3	86,8	78,6	96,5	71,7	83,9	60,4	87,3
Нет	13,9	5,2	25,4	12,5	20,9	2,8	20,5	12,9	36,9	7,1
Затрудняюсь ответить	2,9	4,5	2,3	0,7	0,5	0,7	7,8	3,2	2,7	5,6

Татарская речь в публичных городских средах

Интересно далее рассмотреть, в какой мере татарская речь звучит в публичных пространствах городов – в транспорте, на улицах и торговых площадках, на массовых городских мероприятиях. Отметим сразу, что доля указавших, что слышит в них татарскую речь, оказалась в целом более высокой (табл. 6). Выделили вариант «постоянно», отвечая на вопрос «Как часто Вы слышите татарскую речь в общественном транспорте?», от 31% респондентов в Зеленодольске до 54% участников исследования в Альметьевске, в Казани – 47%.

Цифры по использованию татарского языка на улицах, в магазинах и торговых центрах в целом такие же, а по отдельным городам чуть выше (табл. 7). От 31% (в Зеленодольске) до 61% (в Альметьевске) всех участников исследования (в Казани – 44%) дали ответ «постоянно» на вопрос, касающийся звучания татарской речи в названных пространствах.

Таблица 6

**Распределение ответов на вопрос:
«Как часто Вы слышите татарскую речь в общественном транспорте?», %**

Варианты ответов	Казань		Н.Челны		Нижекамск		Альметьевск		Зелено- дольск	
	тата- тары	рус- ские	тата- ры	рус- ские	та- тары	рус- ские	та- тары	рус- ские	та- тары	рус- ские
Постоянно	46,8	46,6	36,6	39	38,8	33,3	56,5	52,8	30,3	29,8
Иногда	46,8	45,5	55,4	53,1	56,5	60,8	37,6	45,3	59,8	64,9
Не слышу совсем	4,8	2,2	5,9	6,2	2,4	2,9	2,9	1,9	5,7	4,2
Затрудняюсь ответить	1,6	5,7	2,1	1,7	2,3	3,0	3,0	–	4,2	1,1

Таблица 7

**Распределение ответов на вопрос: «Как часто Вы слышите татарскую речь
на улицах, в магазинах, торговых центрах?», %**

Варианты ответов	Казань		Н.Челны		Нижекамск		Альметьевск		Зелено- дольск	
	тата- тары	рус- ские	тата- ры	рус- ские	та- тары	рус- ские	та- тары	рус- ские	та- тары	рус- ские
Постоянно	42,2	44,4	39,8	35	41,1	38	64,1	60,2	31,1	30,2
Иногда	52,4	51,7	51,1	61	51,7	59,7	34,1	36,1	61,5	61,5
Не слышу совсем	4,9	1,7	9,1	3,4	6,2	2,3	1,2	3,7	6,6	7,1
Затрудняюсь ответить	0,5	2,2	–	0,6	1	–	0,6	–	0,8	1,2

Таблица 8

**Распределение ответов на вопрос: «Как часто Вы слышите татарскую речь
на культурно-массовых мероприятиях (Сабантуй, День города и т.д.)?», %**

Варианты ответов	Казань		Н.Челны		Нижекамск		Альметьевск		Зелено- дольск	
	тата- тары	рус- ские	тата- ры	рус- ские	та- тары	рус- ские	та- тары	рус- ские	та- тары	рус- ские
Постоянно	63,2	51,1	69,7	59,3	71,3	67,8	80,6	75	51,6	40,8
Иногда	31,4	40,4	28,1	36,7	26,8	31	18,8	21,3	44,3	53,8
Не слышу совсем	2,7	0,6	0,5	1,1	0,5	1,2	–	1,9	0,8	2,4
Затрудняюсь ответить	2,7	7,9	1,7	2,9	1,4	–	0,6	1,8	3,3	3

И, наконец, на культурно-массовых мероприятиях слышат татарскую речь часто, согласно данным опроса, уже от 45% до 77% всех респондентов в различных городах (табл. 8). В Зеленодольске ответили «постоянно» – 45%, в Ка-

зани – 58%, в Н.Челнах – 63% всех опрошенных, в Нижнекамске – 70% – и в Альметьевске – 77 %. Следует признать, что на таких знаковых праздниках, как День города или Сабантуй, применение татарского языка может носить символический характер.

Использование татарского языка в повседневной жизни горожан

Опрос жителей Казани, Н.Челнов, Нижнекамска, Альметьевска и Зеленодольска выявил, что во всех сферах межличностной коммуникации респондентов обследованных городов у представителей русской общности наблюдается преобладание русского языка, а у татар – татарское моноязычие или татарско-русское двуязычие (табл. 9). При выборе языка общения большую роль играет не только принадлежность к этнической группе, но и объект, с которым участники исследования выстраивают коммуникацию. Рассмотрим данный тезис подробнее.

Таблица 9

Данные о степени использования языков в частной жизни, %*
(Распределение ответов на вопрос: «На каком языке вы говорите...?»)

Варианты ответов	Казань		Н.Челны		Нижнекамск		Альметьевск		Зеленодольск	
	татары	русские	татары	русские	татары	русские	татары	русские	татары	русские
<i>с друзьями</i>										
на татарском	4,8	–	2,2	–	3,4	–	6,5	–	6,6	0,6
на русском	34,9	96,6	28	94,9	34,3	96,5	11,8	91,7	35,2	97
на татарском и русском	60,3	3,4	69,8	4,5	62,3	3,5	81,7	8,3	58,2	2,4
на другом	–	–	–	0,6	–	–	–	–	–	–
<i>с соседями</i>										
на татарском	5,4	–	1,6	–	2,9	–	8,9	–	7,4	0,6
на русском	34,8	86,1	35,4	95,4	34,4	95,3	13	92,5	31,1	94
на татарском и русском	59,8	13,9	63	4,6	62,7	4,7	78,1	7,5	61,5	5,4
на другом	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
<i>на работе</i>										
на татарском	31,3	–	20,6	0,7	32	–	44	–	11,5	1,2
на русском	33,1	96,8	35,7	95,7	29,1	96,9	17,2	95,6	35,4	96,3
на татарском и русском	35,6	1,3	43,7	2,9	38,9	3,1	38,8	4,4	53,1	2,5
на другом	–	1,9	–	0,7	–	–	–	–	–	–

Варианты ответов	Казань		Н.Челны		Нижнекамск		Альметьевск		Зеленодольск	
	татары	русские	татары	русские	татары	русские	татары	русские	татары	русские
<i>с родителями</i>										
на татарском	31,7	–	26,3	–	47,1	–	57	0,9	16,7	0,6
на русском	23,9	99,4	25,2	98,8	19,9	98,8	9,3	92,5	29,8	98,1
на татарском и русском	44,4	0,6	48,5	0,6	33	1,2	33,7	5,7	53,5	1,3
на другом	–	–	–	0,6	–	–	–	0,9	–	–
<i>с братьями, сестрами</i>										
на татарском	42	0,7	45,1	1,6	43,8	0,7	46,7	–	30,1	1,9
на русском	26,8	98,5	26,5	95,6	23,3	97,2	18,1	94,4	29,2	94,4
на татарском и русском	31,2	0,8	28,4	1,9	32,9	2,1	35,2	4,2	40,7	3,7
на другом	–	–	–	0,9	–	–	–	1,4	–	–
<i>с бабушкой, дедушкой</i>										
на татарском	27,2	–	27,8	–	43,4	0,7	54,1	1	24	0,7
на русском	21,2	98	29,2	97,9	18,9	96,4	8,1	94,8	17,7	97,2
на татарском и русском	51	2	43	1,4	37,7	2,9	37	3,1	58,3	2,1
на другом	0,6	–	–	0,7	–	–	0,8	1,1	–	–
<i>с супругой, супругом</i>										
на татарском	18,3	–	10,2	–	19,5	–	40,7	1,1	8,5	0,7
на русском	26,1	96,4	36,9	98	29,9	98,6	20,8	95,7	32,1	97,9
на татарском и русском	55,6	3,6	52,2	2	50,6	1,4	38,5	3,2	59,4	1,4
на другом	–	–	0,7	–	–	–	–	–	–	–
<i>с детьми, внуками</i>										
на татарском	9,7	3,8	9,3	2	9,3	2,8	12,2	3,3	6,7	2,8
на русском	63,9	79,1	62,2	83,7	62,2	81,4	65,6	83,7	67,6	81,7
на татарском и русском	26,4	16,5	27,9	13,6	27,9	15,2	21,4	13	25,7	14,8
на другом	–	0,6	0,6	0,7	0,6	0,6	0,8	–	–	0,7

* Распределение представлено среди тех, кто имеет друзей, соседей, коллег и т.д.

Начнем со сферы дружеского общения. Здесь 91–97% русских всех поселений говорят исключительно на русском языке и около 3% применяют его вместе с татарским языком. В разговорах с друзьями используют два языка около 60% опрошенных татар (исключение – Альметьевск, где двуязычная коммуникация была отмечена среди 81% респондентов-представителей этой общности), татарский – 7% из их числа. Аналогичные показатели среди опрошенных русских и татар наблюдаются в части соседской и деловой коммуникации. Правда, в Казани 14% русских участников исследования сообщили о русско-татарском двуязычии во время общения с соседями, а в Альметьевске 44% татар – о говорении с коллегами исключительно на татарском языке (это выше, чем в Казани и Нижнекамске на 12 п.п., чем в Н.Челнах – в два раза, по сравнению с Зеленодольском – в четыре раза).

Внутрисемейное общение характеризуется более явным влиянием типа адресата общения на выбор языка. Особенно сильно эта связь заметна, когда жители обследованных городов выстраивают коммуникацию с детьми и внуками. Именно с ними респонденты чаще всего применяют только русский язык. Об этом заявило чуть более 60% татар и около 80% русских респондентов из всех обследованных городов, причем ориентация участников исследования на указанный язык заметно меньше зависит от этнической принадлежности, чем при его использовании в сфере деловой и дружеской коммуникации. Так, разница между русскими и татарами всех городов по вопросу об использовании русского языка при взаимодействии с подрастающим поколением составила лишь 20 п.п., тогда как с коллегами и друзьями – 60 п.п. Тем самым, можно сделать заключение о снижении коммуникации с детьми и внуками на татарском языке. Только на татарском говорят с ними от 2% до 12% респондентов-русских и татар. Что касается использования одновременно двух языков в разговорах с детьми и внуками, то оно оказалось у татар на уровне 21–26%, у русских – 13–17%. Полагаем, что такие близкие показатели в этих двух этнических группах можно объяснить высокой долей межэтнических, русско-татарских браков в Татарстане (по оценкам экспертов, она составляет в Казани половину всех заключенных союзов, а в городах республики – треть), в которых один из супругов стремится поддержать культурную идентичность мужа или жены. Не исключено, что на выбор двуязычия влияет весьма значимая для жителей Татарстана региональная идентичность, ассоциируемая ими с татарским языком и культурой, с успехами региона в разных областях.

Что касается языков общения с другими членами семьи, то русские горожане прибегают исключительно к русскому языку. Их небольшая доля (в пределах статистической погрешности) использует два языка – русский и татарский, когда они общаются с родителями или с представителями старшего поколения, которые, очевидно, являются татарами.

У респондентов из числа татар преобладает татарское моноязычие и русско-татарское двуязычие: в сумме это около 80% респондентов из всех обследованных поселений. Два языка используется примерно третью татар, когда

они обращаются к своим братьям, сестрам, а половиной – в разговорах с родителями, супругами (в Нижнекамске и Альметьевске лишь третью); и примерно 50% респондентов из Казани и Зеленодольска применяют оба языка во время коммуникации с бабушками, дедушками (в других городах – это 37–43% участников опроса).

Исключительно татарский язык чаще применяется татарами, когда они разговаривают с братьями, сестрами. Показатель не отличается по поселениям (около 45%) за исключением Зеленодольска (30%). С другими членами семьи этот язык применяется респондентами по-разному. Так, с родителями только на татарском языке говорят 17% жителей Зеленодольска, каждый третий респондент из Казани и Н.Челнов, половина участников исследования из Нижнекамска и Альметьевска. Близкие показатели зафиксированы в части языков общения с бабушками и дедушками. С мужем или женой на татарском языке говорят в Альметьевске 40% опрошенных татар, а в других городах – 9–18%. В целом заметно, что к этому языку чаще прибегают татары Альметьевска, а реже – Зеленодольска.

* * *

Исследование выявило значимые различия между социально-институциональным и ситуационным уровнями использования татарского языка в городах Татарстана. Он заметно чаще выбирается в частной жизни горожан и в меньшей степени – в публичной. Но, как показали данные, даже внутри каждого из указанных уровней наблюдается существенная дифференциация, и она по-разному связана с этнической принадлежностью горожан.

Судя по субъективным оценкам, татарский язык сегодня меньше применяется в образовательных организациях поселений. Признались, что не слышат в школах, колледжах и вузах татарский язык совсем, до пятой части и более ответивших на соответствующий вопрос. По всем другим учреждениям таких оказалось не более 7% респондентов. Несколько больше, согласно результатам опроса, он применяется в поликлиниках и больницах, а также в городской администрации и в других государственных учреждениях. И ошутимо чаще татарская речь, по данным исследования, звучит в публичных пространствах городов. Часто ее слышат в общественном транспорте – от 31% до 54% всех респондентов; на улицах и торговых площадках – от 31% до 61% опрошенных по разным городам; на массовых культурно-досуговых мероприятиях – от 45% до 77% всех участников исследования.

Разница между русскими и татарами обследованных городских поселений в оценке присутствия татарского языка на социально-институциональном уровне оказалась статистически незначимой, то есть, выбор данного языка говорящими (государственными служащими, специалистами бюджетной сферы, горожанами – посетителями государственных организаций и общественных пространств) одинаково замечается представителями разных городских этнических сообществ. Но каковы реальные практики говорения на татарском языке в публичной сфере у представителей разных этнических групп? С кем и на какие те-

мы они говорят на нем? Что именно фиксировали респонденты, когда во время опроса оценивали присутствие татарского языка в государственных учреждениях и в общественных пространствах? Формальное дублирование (например, объявление остановок в транспорте) или разговоры посетителей? Для выяснения всех этих моментов необходимым представляется продолжение исследовательской работы с помощью метода наблюдения.

Более тонкого инструментария требует изучение ситуации выбора самими горожанами языка общения в межличностной коммуникации. Массовый опрос не предусматривал анализ тематики разговоров респондентов на татарском языке с разными членами семьи и близкими, длительности его применения, языковых стимулов и ограничений, присутствующих в семьях опрошенных, тем не менее он позволил получить интересные данные о ситуационном уровне выбора этого языка. Именно здесь проявилась его явная связь с этнической принадлежностью и адресатом коммуникации. У представителей русской общности зафиксировано преобладание русского языка, а у татар – татарское моноязычие или татарско-русское двуязычие. Исключительно русский язык применяют более 92% русских горожан во время их общения с соседями, друзьями, коллегами. Два языка используют 60% опрошенных татар в дружеской коммуникации (в Альметьевске эта цифра достигает 81%), половина – в деловой, треть – когда они обращаются к своим братьям, сестрам, и примерно половиной респондентов – при разговорах с родителями, супругами, бабушками, дедушками. Только татарский язык чаще применяется татарами, когда они разговаривают с братьями и сестрами. Приведенные цифры свидетельствуют о том, что у татар семья постепенно перестает быть главным и единственным институтом традиционного воспроизводства татарского языка. Сегодня заметную конкуренцию ей создают другие участники повседневной жизни горожан – друзья, коллеги, соседи, которые, как показало исследование, начинают активно включаться в процесс стимулирования к использованию данного языка.

Опрос выявил существенное снижение влияния этнической принадлежности горожан на выбор ими татарского языка при общении с подрастающим поколением. Именно в разговорах с детьми и внуками респонденты чаще применяют исключительно русский язык – это 60% татар и около 80% русских всех обследованных городов. Только на татарском языке разговаривают с ними 2–12% русских и татар, используют два языка – 21–26% и 13–17% соответственно. Ситуация выравнивания языкового выбора представителей разных национальностей при коммуникации со своими потомками, как и обстоятельство появления в семьях респондентов, идентифицирующих себя русскими и сообщивших во время опроса об общении с детьми на татарском языке, требуют более детального изучения.

Анкетирование при этом показало, что большинство респондентов – и татар, и русских – признают важность представленности татарского языка в социокультурном пространстве города. И это – достижение языково-культурной политики республики последних десятилетий. Вместе с тем таковых оказалось

на 8–16% по разным городам меньше среди русских, чем среди татар. А при оценке реальной ситуации с применением данного языка часть татар отметила недостаточность его присутствия в городских пространствах. Такой общественный запрос, а также выбор татарского языка существенной долей членов татарской общности, его восприятие как органичной части городского ландшафта весомой долей представителей разных национальностей демонстрирует значимую роль татарского языка в межличностной коммуникации и в социокультурном развитии самых крупных городов Татарстана.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Е.М. Город как фактор: языковая ситуация и восприятие проблематики этнических языков в Республике Саха (Якутия) // Историческая этнология. 2024. Т.9. №3. С. 458–473. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-3.458-473>

Валеева А.Ф. Влияние урбанизации на языковое поведение жителей полиэтничного региона // Социологические исследования. 2002. №8. С.40–49.

Габдрахманова Г.Ф. Институционализация российской национальной школы в поле политики (на примере саха- и татароязычных школ республик Саха (Якутия) и Татарстан) // Полис. Политические исследования. 2023б. № 3. С. 98–113. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.03.08>

Габдрахманова Г.Ф. Языковой ландшафт российского города: социогуманитарные подходы изучения // Социологические исследования. 2023а. № 2. С. 72–82. <https://doi.org/10.31857/S013216250021396-8>

Галлямов Р.Р. Двужычие в городах Башкортостана // Социологические исследования. 1997. № 8. С. 49–55.

Гарипов Я.З. Этноязыковые процессы в многонациональном российском регионе: тенденции развития и особенности социального проектирования (на примере Республики Татарстан). Диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук. Уфа. 2017.

Государственные языки Республики Татарстан: множественность измерений. Сборник очерков / под ред. Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой, А.Р. Мухаметзяновой. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016.

Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. М., 1998.

Данилов И.А. Якутский язык в северном промышленном моногороде: языковая дистрибуция в речевом репертуаре саха // Научный диалог 2024. Т. 13. Вып. 5. С. 48–66. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-5-48-66>

Данилов И.А., Иванова Н.И. Языковая дистрибуция городской повседневности саха: социолингвистическое измерение (по данным 2021 г.) // Новые исследования Тувы. 2023. № 4. С. 301–313. <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.21>

Иванов В.В. Бурятский язык в языковом ландшафте и языковых практиках в городе Улан-Удэ // Социолингвистика. 2021. № 1(5). С. 147–163. <https://doi.org/10.37892/2713-2951-2021-1-5-147-163>

Исхакова З.А. Языковая ориентация татарского и русского городского населения Республики Татарстан // Языковая политика в Республике Татарстан. Документы и материалы (80–90-е годы). Казань: Магариф, 1999. С. 293–303.

Казаринова Н.В. Межличностная коммуникация: из истории идей // Дискурс. 2017. №1. С.114–122.

Ланто Г.М. География городов: Учеб. пособие для геогр. ф-тов вузов. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997.

Макарова Г.И. Идентичности татар и русских в контексте этнокультурной политики Российской Федерации и Республики Татарстан. Казань, 2010.

Михаличенко В.Ю. Языки Российской Федерации и нового зарубежья: статус и функции. Москва: Эдиториал УРСС, 2000.

Мухарямова Л.М. Языковые отношения: политологический анализ. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2003.

Сафин Ф.Г., Идрисова Э.Ф. Этноязыковые ориентации молодежи в Башкортостане (по данным этносоциологического опроса) // Социоллингвистика. 2022. № 1 (9). С. 24–36. <https://doi.org/10.37892/2713-2951-1-9-24-36>

Тюркские языки в условиях глобализации (социологический анализ татарского языка). Коллективная монография / Сост.: Габдрахманова Г.Ф., Исхакова З.А., Мусина Р.Н. Астана: Кантана-пресс, 2011.

Фишман Дж. Кто говорит на каком языке, с кем и когда? // Социоллингвистика и социология языка. Хрестоматия / [пер. с англ.]; ответ. ред. Н.Б. Бахтин. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. С. 63–83.

Халиуллина А.И., Идрисова Э.Ф. Сохранение родных языков у малочисленных национальностей в полиэтничном российском регионе (на примере чувашского населения в Башкортостане) // Социоллингвистика. 2022. № 1 (9). С. 37–46. <https://doi.org/10.37892/2713-2951-1-9-37-46>

Шабыхов В.И., Соловьев Е.В. Влияние урбанизации на динамику языкового поведения нерусских этносов Республики Марий Эл // Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал. М.: РУТ (МИИТ), 2019. Вып. № 4 (75). С. 42–51.

Шахбанова М.М. Языковое сознание городского населения Дагестана // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 269–275. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-269-275>

Януш О.Б., Мухарямов Н.М., Мухарямова Л.М. Языковая политика в теоретических контекстах неоинституционализма // Политическая лингвистика. 2020. № 6. С. 156–165. <https://doi.org/10.26170/pl20-06-17>

REFERENCES

Arutyunova E.M. (2024) The city as a factor: the linguistic situation and perception of the problems of ethnic languages in the Republic of Sakha (Yakutia). *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 9. No. 3: 458–473. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-3.458-473> (In Russ.)

Danilov I.A., Ivanova N.I. (2023) Language distribution of urban everyday life in Sakha: sociolinguistic dimension (according to the data from 2021). *Novye issledovaniya Tuvy* [The New Research of Tuva]. No. 4: 301–313. <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.21> (In Russ.)

Danilov I.A. (2024) The Sakha language in a northern industrial monotown: Linguistic distribution in speech repertoire of Sakha People. *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue]. No 13(5): 48–66. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-5-48-66> (In Russ.)

Fishman J. (2012) Who Speaks What Language, with Whom, and When? In: *Sociolinguistics and Sociology of Language*. Reader / [translated from English]; reprinted by N.B. Bakhtin. St. Petersburg: Publishing House of the European University at St. Petersburg: 63–83. (In Russ.)

Gabdrakhmanova G.F. (2023a) Language landscape of a Russian city: socio-humanitarian approaches to its study. *Sotsiologicheskije Issledovaniya* [Sociological Studies]. No 2: 72–82. <https://doi.org/10.31857/S013216250021396-8> (In Russ.)

Gabdrakhmanova G.F. (2023b) Institutionalization of the Russian national school in the field of politics (the case of Sakha and Tatar-speaking schools of the Republics of Sakha (Yakutia) and Tatarstan). *POLIS. Politicheskije issledovaniya* [POLIS. Political Studies]. No 3: 98–113. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.03.08> (In Russ.)

Gallyamov R.R. (1997) Bilingualism in the cities of Bashkortostan. *Sotsiologicheskije Issledovaniya* [Sociological Studies]. No 8: 49–55. (In Russ.)

Garipov Ya.Z. (2017) *Ethnolinguistic processes in a multinational Russian region: development trends and features of social design (the case of the Republic of Tatarstan)*. Diss. ... Doctor Sociol. Sciences. Ufa. (In Russ.)

Guboglo M.N. (1998) *Languages of ethnic mobilization*. Moscow. (In Russ.)

Iskhakova Z.A. (1999) Linguistic orientation of the Tatar and Russian urban population of the Republic of Tatarstan. In: *Language policy in the Republic of Tatarstan. Documents and materials (80–90s)*. Kazan: Magarif Publ.: 293–303. (In Russ.)

Ivanov V.V. (2021) The Buryat language in the linguistic landscape and language practices in Ulan-Ude. *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics]. No. 1 (5): 147–163. <https://doi.org/10.37892/2713-2951-2021-1-5-147-163> (In Russ.)

Kazarinova N.V. (2017) Interpersonal communication: from the history of ideas. *Diskurs* [Discourse]. No. 1: 114–122. (In Russ.)

Khaliulina, A.I., Idrisova, E.F. (2022) Preservation of native languages among minority nationalities in a multiethnic Russian region (the case of the Chuvash population in Bashkortostan). *Sociolingvistika* [Sociolinguistics]. No. 1 (9): 37–46. <https://doi.org/10.37892/2713-2951-1-9-37-46> (In Russ.)

Lappo G.M. (1997) *Geography of cities: Textbook for geographic faculties of universities*. Moscow: Gumanit. izd. tsentr VLADOS Publ. (In Russ.)

Makarova G.I. (2010) *Identities of Tatars and Russians in the context of ethnocultural policy of the Russian Federation and the Republic of Tatarstan*. Kazan. (In Russ.)

Mikhailichenko V.Yu. (2000) *Languages of the Russian Federation and the New Abroad: status and functions*. Moscow: Editorial URSS Publ. (In Russ.)

Mukharyamova L.M. (2003) *Language relations: political science analysis*. Kazan: Kazan University Publ. (In Russ.)

Safin F.G., Idrisova E.F. Ethnolinguistic orientations of youth in Bashkortostan (according to ethnosociological survey data). *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics]. No. 1(9): 24–36. <https://doi.org/10.37892/2713-2951-1-9-24-36> (In Russ.)

Shabykov V.I., Solovyov E.V. (2019) The influence of urbanization on the dynamics of linguistic behavior of Russian ethnic groups in the Republic of Mari El. *Poisk: Politika. Obshchestvovedenie. Iskustvo. Sotsiologiya. Kul'tura: nauchnyy i sotsiokul'turnyy zhurnal* [Search: Politics. Social studies. Art. Sociology. Culture: a scientific and sociocultural journal]. No. 4 (75): 42–51. (In Russ.)

Shakhbanova M. (2022) Linguistic consciousness of the urban population of Dagestan. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski* [State and Municipal Administration. Scholar Notes]. No. 1: 269–275. (In Russ.)

State languages of the Republic of Tatarstan: multiple dimensions. A collection of essays (2016) Eds. G.F. Gabdrakhmanova, G.I. Makarova, A.R. Mukhametzyanova. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ. (In Russ.)

Turkic languages in the context of globalization (sociological analysis of the Tatar language). (2011). Eds. Gabdrakhmanova G.F., Iskhakova Z.A., Musina R.N. Astana: Kantana-press Publ. (In Russ.)

Valeeva A.F. (2002) The influence of urbanization on the linguistic behavior of residents of a multiethnic region. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological studies]. No. 8: 40–49. (In Russ.)

Yanush O.B., Mukharyamov N.M., Mukharyamova L.M. (2020) Language policy in theoretical contexts of neo-institutionalism. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics]. No 6: 156–165. (In Russ.) <https://doi.org/10.26170/pl20-06-17> (In Russ.)

Сведения об авторах:

Габдрахманова Гульнара Фаатовна, доктор социологических наук, заведующая отделом этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0002-1796-5234>; e-mail: medi54375@mail.ru

Макарова Гузель Ильясовна, доктор социологических наук, главный научный сотрудник отдела этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0002-3912-0961>; e-mail: makarova_guzel@mail.ru

About the authors:

Gulnara F. Gabdrakhmanova, Dr. Sc. (Sociology), Head of the Department of Ethnological Research, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturin St., Kazan, 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0002-1796-5234>; e-mail: medi54375@mail.ru

Guzel I. Makarova, Dr. Sc. (Sociology), Chief Researcher of the Department of Ethnological Research, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0002-3912-0961>; e-mail: makarova_guzel@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 28.02.2025

Доработана после рецензирования / Revised 9.04.2025

Принята к публикации / Accepted 23.04.2025

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ
CHRONICLE OF SCIENTIFIC LIFE

Аннотация встречи / Abstract of a meeting
<https://doi.org/10.22378/he.2025-10-3.491-510>

EDN: YVGFEV

**Изобретая прошлое:
дискуссия на Круглом столе «Всецарица “Суембика”»**

**Л.Р. Габдрафикова^{1,2}, Г.Ф. Габдрахманова¹ ✉, Д.М. Гараев^{1,3},
М.М. Гибатдинов¹, Э.М. Дусаева⁴, Б.И. Измайлов¹, И.Л. Измайлов¹,
Л.В. Сагитова¹, А.Г. Хайрутдинов¹, И.И. Ханипова¹**

¹ *Институт истории им. Ш.Марджани
Академии наук Республики Татарстан*

² *ФИЦ «Казанский научный центр РАН»*

³ *Казанский (Приволжский) федеральный университет*

⁴ *Институт городских исследований «Тамга»*

Казань, Российская Федерация

✉ medi54375@mail.ru

Резюме. 24 апреля 2025 г. в Институте истории им. Ш.Марджани АН РТ прошел Круглый стол «Всецарица «Суембика»: образ и его трансформация в исторической памяти русского и татарского народов». В связи с тем, что тема исторической памяти с акцентом на общих местах памяти как пространства преодоления конфликтов и культурного консенсуса является важной с научной и практической точек зрения, редакция журнала «Историческая этнология» решила опубликовать стенограмму заседания. В нее включен текст доклада ведущего научного сотрудника Института, доктора исторических наук И.Л. Измайлова и дискуссии, возникшей вокруг него.

Сююмбеке была правительницей Казанского и Касимовского ханства. Время ее властвования пришлось на период завоевания Казани московским царем Иваном IV и междоусобных войн средневековых тюрко-татарских государств (середина XVI в.). Историческая роль этой женщины была яркой и трагической. С ее именем связана распространенная народная легенда о том, что Сююмбеке сбросилась во имя любимого человека с башни Казанского Кремля. Но эта проездная башня была построена лишь в конце XVII в. Целью Круглого стола стало обсуждение вопроса о том, почему Сююмбеке стала знаковой личностью в исторической памяти татар и как формировался ее образ на протяжении нескольких столетий.

Участники дискуссии пришли к заключению о том, что образ Сююмбеке начинает формироваться в XVII в. и получает окончательное оформление в период нациестроительства у татар

© Габдрафикова Л.Р., Габдрахманова Г.Ф., Гараев Д.М., Гибатдинов М.М., Дусаева Э.М., Измайлов Б.И., Измайлов И.Л., Сагитова Л.В., Хайрутдинов А.Г., Ханипова И.И., 2025

в начале XX в. Особое место этой женщины в исторической памяти предопределилось множеством факторов: благодаря творчеству писателей и поэтов России эпохи романизма, которые первыми публично сконструировали образ Сююмбеке; ее ассоциирование татарским народом и татарской интеллигенцией с трагическим периодом национальной истории, ограничения российской империи в части педалирования темы правителей тюрко-татарских ханств, являвшихся мужчинами и судьба которых не была столь драматичной; гендерной принадлежностью, придавшей образу эмоциональность и основу для его восприятия через материнство; наконец, природой самой исторической памяти, предполагающей обязательное наличие пантеона героев, жертвующих собой ради народа. Жертвенность, мученичество, напряжение истории – главные эмоциональные основы изобретения прошлого.

Ключевые слова: историческая память, исторический образ, нарративы, конструирование памяти, Сююмбеке.

Для цитирования: Габдрафикова Л.Р., Габдрахманова Г.Ф., Гараев Д.М., Гибатдинов М.М., Дусаева Э.М., Измайлов Б.И., Измайлов И.Л., Сагитова Л.В., Хайрутдинов А.Г., Ханипова И.И. Изобретая прошлое: дискуссия на Круглом столе «Всецарица "Суембика"». *Историческая этнология*. 2025. Т. 10. № 3. С. 491–510. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-3.491-510> EDN: YVGFV

Inventing the past: Discussion at the Round table “The Queen of All "Suembika"”

**L.R. Gabdrafikova^{1,2}, G.F. Gabdrakhmanova¹ ✉, D.M. Garaev^{1,3},
M.M. Gibatdinov¹, E.M. Dusaeva⁴, B.I. Izmailov¹, I.L. Izmailov¹,
L.V. Sagitova¹, A.G. Khairutdonov¹, I.I. Khanipova¹**

¹ *Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences*

² *Federal Research Center "Kazan Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences"*

³ *Kazan (Volga Region) Federal University*

⁴ *Institute of Urban Studies “Tamga”*

Kazan, Russian Federation

✉ medi54375@mail.ru

Abstract. On April 24, 2025, the Round table “The Queen of All "Suembika": Image and its transformation in the historical memory of the Russian and Tatar peoples” was held at the Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences. Due to the fact that the topic of historical memory with an emphasis on common places of memory as a space for cultural consensus and overcoming conflicts is important from a scientific and practical point of view, the editors of the *Historical Ethnology* journal decided to publish the transcript of the meeting. It includes the text of the report of the leading researcher of the Institute, Doctor of Historical Sciences I.L. Izmailov and the discussion that arose around it. Syuyumbike was the ruler of the Kazan and Kasimov Khanates. The time of her reign fell on the period of the conquest of Kazan by the Moscow Tsar Ivan IV and

the internecine wars of the medieval Turkic-Tatar states (mid–16th century). The historical role of this woman was outstanding and tragic. There is a popular legend associated with her name that Syuyumbike threw herself off the tower of the Kazan Kremlin in the name of her beloved one. However, this gate tower was built only at the end of the 17th century. The purpose of the Round table discussion was to consider the question of why Syuyumbike became an iconic figure in the historical memory of the Tatars and how her image was formed over several centuries. The participants of the discussion came to the conclusion that Syuyumbike's image began to form in the 17th century and received its final form during the period of nation-building among the Tatars at the beginning of the 20th century. The special place of this woman in historical memory was predetermined by multiple factors. 1) Owing to the work of writers and poets of Russia during the era of Romanism, who were the first to publicly construct the image of Syuyumbike. 2) Its association by the Tatar people and the Tatar intelligentsia with a tragic period of the national history, the limitations of the Russian Empire in terms of pedaling the theme of the Turkic-Tatar khanates rulers, who were men and whose fates were not so dramatic. 3) Gender, which imparted emotionality to the image and the basis for its perception through motherhood. 4) Finally, the nature of historical memory itself, which presupposes the obligatory presence of a pantheon of heroes who sacrifice themselves for the sake of the people. Sacrifice, martyrdom, the tension of history are the main emotional foundations of the invention of the past.

Keywords: historical memory, historical image, narratives, construction of memory, Syuyumbeke.

For citation: Gabdrafikova L.R., Gabdrakhmanova G.F., Garaev D.M., Gibatdinov M.M., Dusaeva E.M., Izmailov B.I., Izmailov I.L., Sagitova L.V., Khairutdinov A.G., Khanipova I.I. (2025) Inventing the past: Discussion at the Round table “The Queen of All "Suembika””. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 10. No. 3: 491–510. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-3.491-510> (In Russ.)

М.М. Гибатдинов: Тема сегодняшней встречи очень примечательна во многих аспектах. Говоря о роли личности в истории, можно прочитать сотни лекций. Некоторые будут доказывать, что ее нет, значение имеет только естественный ход исторических событий, логика мирового прогресса и какие-то массы, группы решают вопросы исторического развития. Кто-то будет доказывать обратное. Я согласен со вторым: несмотря на все закономерности, которые мы пытаемся выявить и иногда прописать прошлое, мы все больше убеждаемся, что личность в истории играет определенную роль. Определяющую или не определяющую – я не знаю. Но личности откладывают отпечаток на эпоху, а она откладывает отпечаток на нас, а нас, в свою очередь, на понимание того, поэтому этот вопрос очень важный.

Другой вопрос – насколько те реальные исторические личности, которые существовали когда-то, насколько они соотносятся или вообще не соотносятся с теми образами, которые у нас в головах, в душе, в нашей исторической памяти. У каждого кто учился в школе есть образ, который стоит перед глазами, когда говорят о Сююмбеке, Иване Грозном, Александре Невском. Потому что они для нас существуют, они реальные через картины, фильмы, другие произведения искусства. Какой из этих образов для нас с вами, для современников более ценен и действенен? Тот реальный аутентичный, но неизвестный, который еще

надо доказывать каким он был? Или образ из произведений художников, который кому-то может нравиться больше и тогда человек, привыкнув к нему с детства, будет доказывать, что Сююмбеке так и выглядела? Это разговор очень интересный и требует продолжения.

Д.М. Гараев: Тема памяти стала объектом внимания у историков относительно недавно. В 1970-ые годы они стали изучать не только прошлое, но и то, какие есть о нем представления у людей. Это происходило еще в Советском Союзе. Сегодня тема памяти стала актуальна, поскольку, например, есть идея Виктора Шнирельмана о войнах памяти. В 1990 и 2000-е ученые уделяли много внимания различиям, войнам, столкновениям, образам другого. Сейчас чаще говорят об общих местах памяти как альтернативе такому взгляду. Интересно понять, не только как места памяти могут разъединять, создавать сложные ситуации, но и как они могут объединять. В этой связи у нас возникла идея поговорить об этом, сделать серию семинаров, посвященных теме исторической памяти. Я предложил назвать ее «Республика». Это слово имеет двойное значение: «Res publica» с латыни – это «вещь» и «общественное». Позже оно стало пониматься, как «общее дело». Например, общее дело горожан стало близко понятию «общие места памяти». «Республика» ищет эти общие места, общее дело и готова говорить об этом.

Искандер Лерунович расскажет нам об образе Сююмбеке в русской и татарской исторической памяти. Это сложный образ, а поэтому это особо интересная тема.

И.Л. Измайлов: Я горд и благодарен за то, что мне поручили такую сложную миссию открыть цикл семинаров. Они будут не только общим местом, но должны стать важной дискуссионной площадкой. В Советское время в академических институтах существовали такие занятия, как дискуссионные лекции, на целый год утверждалась тематика и каждый ученый должен был в рамках этого семинара прочитать какую-то лекцию. Это служило основой для дискуссий и обсуждений, выработки общих подходов. Когда мы обсуждали с чего начать, решили, что тема Сююмбеке вызовет наибольший интерес. Она одна из самых важных, ключевых: если говорим о местах памяти, то Сююмбеке лучше всего подходит для определения этого понятия. Приступим к лекции.

Есть легенда, которую часто рассказывают туристам экскурсоводы, что Сююмбеке якобы бросилась с башни в центре Казанского Кремля, чтобы не попасть в плен к врагам. Эти рассказы часто сопровождаются разными романтическими подробностями. Это показывает, как сложно и одновременно просто формируется исторический образ и насколько он далек от реалий истории. Это как раз то, что должна изучать историческая антропология и то, что понимается как «историческая память». Попробуем рассмотреть этот феномен, обращаясь к образу Сююмбеке.

Историческая личность часто играет разные роли при жизни и еще чаще превращается в набор клише, которые используют потомки для объяснения прошлого. В полной мере это является правильным для такой личности, как ка-

занская и касимовская ханбике Суюмбеке. Историческая роль ее была яркой и трагической. Таков был удел женщин во всем средневековом мире, где они были не просто на вторых ролях, но игрушками и жертвами в руках мужчин. Но личная трагедия Суюмбеке, совпавшая со временем падения Казанского ханства, определила ее связь с этим событием, придав ему отсвет личности. Именно такой образ привлекал внимание писателей и поэтов России эпохи романизма, запечатлевших Суюмбеке в поэмах, пьесах и даже опере. Из русской культуры ее образ вернулся в татарскую культуру, став неотъемлемой частью формирующегося образа «Матери нации». Образ Суюмбеке является удивительным примером, связующим разные культурные миры. В XIX в. он нашел материальное воплощение в почитании проездных башен воеводского двора Казанского Кремля конца XVII в.

Для нас важно рассмотреть и понять образ Суюмбеке с помощью концепции исторической памяти, которую можно свести в важные блоки: «бремя памяти» – отсылка к прошлому как важнейший эффективной скрепы для консолидации нации; «культурная травма» – страдания и траур консолидируют сильнее, чем триумф и успех; «конструирование памяти» – важное значение забвения и воспоминания для конструирования национальной памяти; «изобретенное прошлое» – выявление расхождения между научным исследованием и сконструированной национальной памятью.

Историческая личность – Суюн-бике (Сөйүнч-бике) (Суюнбик-царица, Сумбека), хан-бике, дочь ногайского бия Юсуфа – была женой казанских ханов – Джан-Али (1533–1535), Сафа-Гирея (1535–46) и Шейх-Али (с 1551). Ее выдали замуж за казанского хана Джан-Али, брата касимовского хана Шейх-Али, который пользовался покровительством московского правительства. Политика Джан-Али вызвала недовольство казанской аристократии. В 1535 г. он был свергнут заточен в тюрьму в Иски-Казани, а позднее казнен. Возведенный на престол новый хан Сафа-Гирей взял в жены Суюмбеке – вдову хана Джан-Али. В 1536–37 гг. хан Сафа-Гирей вел наступательную военную политику в отношении Московского государства, что вызвало недовольство казанской аристократии. В 1546 г. они свергли Сафа-Гирея и заставили его вернуться в Ногайскую орду. Сафа-Гирей смог заручиться поддержкой бия Юсуфа – отца Суюмбеке, который поддержал его в борьбе за Казань. Короткое правление Шейх-Али и его репрессии в отношении казанской аристократии привели к мятежу. В июле 1546, заключив договор с ногайским бием Юсуфом и получив у него войско во главе с сыном Юсуфа Юнусом, Сафа-Гирей вернулся в Казань и сверг хана Шейх-Али. Новый хан продолжал вести наступательную военную политику, периодически ведя войны с Москвой.

Пик политической карьеры Суюмбеке пришелся на год, когда в марте 1549 г. Сафа-Гирей скоропостижно скончался, оставив правителем малолетнего сына Утямыш-Гирея. Ханбике Суюмбеке стала регентшей и фактической правительницей Казанского ханства вместе с огланом Кучаком (Кошакком). Ее правление вызвало недовольство царя Ивана IV, который начал войну, но поход

на Казань в 1550 г. окончился неудачей. Уже весной 1551 г. Сююмбеке, спасаясь от заговора казанской аристократии, пыталась бежать к отцу, но попала в засаду и была выдана в Москву, где ее заставили выйти замуж за касимовского хана Шейх-Али. По слухам, которые попали в дипломатическую переписку Ивана IV с ее отцом бием Юсуфом в 1554 г., муж относился к ней плохо и даже мучил ее. Дата смерти и место погребения Сююмбеке неизвестны.

Сююмбеке была одной из немногих женщин-правительниц в мусульманском мире и это не могло привлечь к ней внимание. В исторической памяти ее яркая и насыщенная событиями жизнь стала предметом художественного осмысления.

Первым стало историко-публицистическое сочинение «Казанская история (История о Казанском царстве)» (разные редакции составлялись в конце XVI – середине XVII в.), где «Сунбика» описывается как умная и красивая, но коварная женщина, повинующаяся не политическим расчетам, но своим чувствам (любви, ревности, ненависти). Ее яркий образ в этом сочинении стал определяющим для русской литературы, касавшейся истории Казани и ее завоевания.

В XVIII в. появились русские исторические поэмы, где Сююмбеке стала символом Казани, средоточием антирусских сил, но при этом ее образ – это жестокая и коварная, хотя и чувственная женщина (М.М. Херасков «Россияда» (1779), А.Н. Грузинцев «Покоренная Казань» (1818), Г.Р. Державин «Грозный, или покорение Казани» (1814)). В век романтизма образ «Сююмбеке» стал трактоваться как романтическая натура, приносящая политику в жертву своим чувствам (С.Н. Глинка «Сумбека, или падение Казанского царства» (1806), М.С. Рыбушкин «Иоанн, или взятие Казани» (1814)). В середине XIX в. с движением в сторону реализма в романах образ царицы предстает более сложным и трагичным (В.И. Лапин «Взятие Казани» (1855)).

В исторической памяти татарского народа образ Сююмбеке проникает из русской литературы и переосмысливается через образ родины, которую предали, а сама судьба Сююмбеке переплетается с падением Казани. В татарских исторических сочинениях различных жанров (от исторических трудов (Ш. Марджани, Х. Фаизханова, Х. Атласи) до романов и стихотворений (Г. Исхаки, М. Гафури, Ф. Амирхан) и исторических драм (Ф. Туйкин) образ Сююмбеке являлся символом сопротивления русскому завоеванию, борьбы за национальную свободу, а ее трагическая судьба, предвосхищающая падение Казанского ханства, вызывала катарсис, стремление к продолжению борьбы за свободу.

В художественном отношении широко известен «Баит о Сююмбеке», впервые опубликованный в 1912 г., который явно восходит к популярным произведениям историка Р. Фахретдина и плачем «Сунбеки» из «Казанской истории».

Позднее в татарской литературе был создан романтический и идеализированный образ Сююмбеке (Ф. Амирхан, Ш. Ахмадиев), дававший автору повод размышлять о судьбах татарского народа и переплетении его трагедии с судьбой опальной ханбике. В этих произведениях она отождествляется с самим народом, как его «дочь» и даже «мать нации». Через эмигрантскую татарскую литературу

ее образ проникает и в турецкую литературу. В 1990-е гг. романтический образ Суюмбеке и ее трагедия были вписаны в трагедию народа, став ярким образом свободолюбия и непокорности (Р. Батулла, М. Хабибуллин, М. Тугай).

Уже в 1917 г. образ Суюмбеке нашел материальное воплощение и был перенесен у татар на русскую проездную башню XVII в. внутри Казанского Кремля, возведенную в том месте, где ранее была дворцовая мечеть и мавзолеи казанских ханов. С этого момента эта башня неофициально носит название «Башня Суюмбеке». Так историческая память народа, перенесла почитание места у татар на выстроенную на этом месте русскую башню, соединив образ ханской Казани с образом Суюмбеке.

Таким образом, личность и трагическая судьба ханбике стала не только достоянием истории, но выйдя за ее пределы, переросла в символ трагедии Казанского ханства. Олицетворяя при этом некий очистительный катарсис возрождения нации, она объединила татарскую и русскую историю, культуру.

И.И. Ханипова: В середине 1980-х годов, будучи школьницей, я слышала от экскурсоводов легенду о том, как Суюмбеке спрыгнула с башни. Это действительно легенда, поскольку в советские годы еще не было ясно, когда башня Суюмбеке была поставлена. Сегодня экскурсоводы ответственно относятся к подаче и интерпретации исторического материала.

И.Л. Измайлов: Очень хорошо, что экскурсоводы становятся более подкованными, но эта легенда все равно существует. Она живет своей жизнью и распространяется не только экскурсоводами, она живет в народе. Это очень показательно и интересно. По сути «Башня Суюмбеке» – это реальное «место памяти» и этот феномен требует осмысления, о чем я и пытался сказать в своем докладе.

Б.И. Измайлов: Легенда – это отдельная история, связанная с городскими историями, которые вырастают вокруг любых архитектурно значимых объектов топонимики. Она живет своей жизнью, она не зависит от экскурсоводов. Даже если экскурсоводы будут говорить о них как о части исторических нарративов, все равно эти легенды будут существовать параллельно. Надо правильно понять историю и ее образы, без этого невозможно понимать прошлое. В докладе зашла речь о «Казанской истории». Я сомневаюсь, что «Остров-Буян» как-то связан с ней и с тем более с селом Верхний Услон. Сказка А.С. Пушкина была написана в 1831 г. и никак не связана с Волгой, которую он даже не видел.

И.Л. Измайлов: Не видел, но читал «Казанскую историю», о чем неоднократно писалось в литературоведении и, не видя Волги, он представлял себе Свияжск, как некий центр мира – между Русью и восточной Казанью. Сказки Пушкина очень насыщены разными образами и очень эклектичны. Восточные мотивы в них очень явственны. Суть не в том, списал ли Пушкин остров-Буян с Свияжска или нет, а в том, что «Казанская история» была очень популярна и ее образы активно проникали в художественную литературу.

Б.И. Измайлов: Нет там таких описаний. Представления о Буяне больше связано с Балтией.

И.Л. Измайлов: Еще раз повторю, не важно связан или нет образ «Острова-Буяна» со Свияжском. Гораздо важнее, что образы «Казанской истории» были в культурном обиходе. Буян – это более сложный образ, а не точка на современной географической карте. Это скорее некий образ в ментальном пространстве, и он связан с поворотом, развилкой миров. На этот счет есть большая литература, но мы сейчас не будем об этом говорить.

Л.Р. Габдрафикова: В источниках прослеживается, когда впервые появляется название башни Сююмбеке?

И.Л. Измайлов: Нет, но она никогда в русской литературе не называлась «Башней Сююмбеке». В татарской литературе эта связь появилась в начале XX в.

Л.Р. Габдрафикова: Получается в XVIII в. в русской литературе. А в более раннее время?

И.Л. Измайлов: Я думаю, что оно появляется в самом начале XX в. Раньше названия не было. Распространение образа Сююмбеке и название башни связаны между собой. Видимо, укоренение образа и название башни в Кремле – это явление одного порядка. Но точно это установить сложно. Это же образ, некая ментальная точка в «месте памяти». Как она зародилась и распространилась не совсем понятно. Надо искать, изучать газеты, другие источники. У меня есть только предварительная схема.

Л.Р. Габдрафикова: Как эта башня называлась раньше?

И.Л. Измайлов: Никак.

Л.Р. Габдрафикова: Когда она была построена?

И.Л. Измайлов: Не знал, что будет специальный вопрос о «Башне Сююмбеке», но могу сказать в самом общем виде, чтобы не углубляться во все детали, что она была построена, судя по данным археологии, в конце XVII в. Не все детали этого строительства понятны и известны, но она уже есть на гравюрах западноевропейских путешественников. Башня была частью какого-то большого строительства – воеводского двора. Но оно не было завершено, и башня осталась вне предполагаемого ансамбля. Это дает основания спекулировать на том, что башня является частью ханского двора. Действительно здесь был Ханский двор и в нем было много построек – мечети, дворец, мавзолеи. Но ничего похожего на башню. Она четко датируется концом XVII в. и не имеет связи с ханским периодом. Археологи пытаются утверждать, что здесь была какая-то другая дозорная башня, но результаты этих наблюдений неопубликованы и понять, что это за постройка, была ли она вообще – непонятно. На гравюрах видно некое высокое строение. Но сами гравюры достаточно условны и не писались с натуры.

Б.И. Измайлов: По этому вопросу прослеживаются разные моменты. Если говорить про башню между дворцовой церковью и башней Сююмбеке – есть отдельная часть, которая по всей видимости связана с мечетью ханского двора, но она частично уходит под первый пилон, получается северный пилон «Башни Сююмбеке». Второй пилон висит только на деревянных сваях, отчего идет крен

в сторону (потому что они стоят на разных основаниях). У С.П. Саначина есть логичная история. Она логичная, потому что он ее объясняет на картах. Я не очень понимаю его связь между появлением башни и появлением обер-комендантского дома в 1708 г. Что такое обер-комендант? Вся административная реформа Петра I была связана исключительно с военными действиями, Северной войной. Появление губерний тоже с этим связано. Саначин обозначает крупные города, где есть крепости обер-комендантов с достаточно размытыми должностными инструкциями. В этой связи, якобы, на территории современного Казанского Кремля в 1708–1714 гг. начинается строительство обер-комендантского двора. Возникает вопрос: «Для чего такую башню возводить в обер-комендантском дворе?».

И.Л. Измайлов: Я думаю, это более ранняя постройка, допетровская.

Б.И. Измайлов: Согласен. Либо она была построена в конце XVII в. Но для чего в обер-комендантском дворе была нужна эта махина?

И.Л. Измайлов: У меня есть гипотеза о том, что к столетию присоединения Казанского края к русскому государству намечалось строительство какого-то сооружения. Триумф русской власти, русского величия в архитектуре, центром этого ансамбля должны были быть огромные проездные ворота. Сейчас после всех перестроек трудно понять реальное расположение построек, но я сам застал, на старых фото видно, что подъем от Тайницкой башни шел именно к «Башне Сююмбеке». Сейчас все не так ясно видится. Раньше спуск был вполне логичным, как и поворот к башне. Он шел с Тайницкой башни.

Б.И. Измайлов: Это скорее всего было связано со старой топонимикой Казанского ханства, поскольку она была неравномерной. Там заезд был именно в Ханский двор.

И.Л. Измайлов: Все правильно. В Казанском ханстве не обязательно, что въезд был прямо на месте башни, он был чуть в стороне, а мавзолеи были внутри двора. Но где-то здесь находились проездные ворота, следы которых были снесены поздними постройками.

Б.И. Измайлов: С позиций концепции исторической памяти проблема мне видится в другом. На мой взгляд, следом должен изучаться вопрос о том, почему сохранялась память об этом месте. Как из русской публицистики на эту башню была перенесена история, связанная с Сююмбике? Моя версия такова. Данное место, поскольку территория Кремля, видимо, долгое время в XVI–XVIII вв. была закрыта, во всяком случае для татар, как и для любого гражданского населения, не связанного со службой, было покрыто тайной. Я думаю, что часть этого места, где находился мавзолей, была выровнена с землей, закопана, но в памяти мусульман это место существовало, как святое место. Не случайно, в начале XIX в. сюда приходили татары и молились. Такая память сохранялась даже в советское время – вспомним, что культ неких святых мест существовал в таком виде в разных регионах. В 1990-е годы мы видим на фотографиях, связанных с возрождением ислама, – то, как молятся в Казанском Кремле.

Первое, откуда сняли императорский герб и поставили полумесяц была «Башня Сююмбеке». Память о святом месте возможно в последствии была перенесена, особенно тогда, когда в Казанском Кремле появилось многостроей. По всей видимости, рядом были территории, связанные с православным Благовещенским собором, поэтому появление этой башни для мусульман создавало ощущение места памяти. Получается, что там, где конкретизировалась башня у татар-мусульман концентрировалась и историческая память. Она называлась не «Сююмбеке», а Ханская мечеть.

Л.Р. Габдрафикова: В конце XVIII столетия в Казани были разговоры о том, что в этой башне, на шпигеле, хранятся какие-то татарские записи. Не только сами татары верили, что там что-то есть, но и остальные. Решили осмотреть шар. Он оказался полый и пустой. Но это ведь сколько действий надо было совершить предварительно для осуществления этой идеи?! Получить разрешение от властей, плюс огромная высота. Есть ли, помимо нарративов, какие-то документы об этом эпизоде?

Б.И. Измайлов: Еще одно подтверждение того, что это место очень почиталось. Это легенда, конечно, но не важно подтверждалась она или нет в документальных рукописях. Главное, что эти легенды были и они принимались на веру. Даже если сейчас скажешь, что было не так, люди все равно будут верить. Главное, что возникла связь этой башни с эпохой Казанского ханства, а уже позднее – с Сююмбеке.

Д.М. Гараев: Мне кажется, очень важно, что имеется отдельный образ Сююмбеке, есть отдельная башня – все это классика жанра, т.е. это просто место памяти. Но почему именно Сююмбеке? Получается из всего набора героев выбирается именно она – женщина. Причем здесь она? Для меня это не очень понятно, потому что Лилия Габдрафикова писала про рубеж XIX–XX века – это такой период, во время которого выстраивается идентичность татарской нации. Здесь я вижу, что татарская идентичность выстраивается вокруг травмы. Если мы говорим про память, получается, что вокруг этого объединиться гораздо проще?

И.Л. Измайлов: Из всех разных возможных альтернатив, которые представлялись историей наиболее раскрученным в русской культуре оказалась Сююмбеке. Но раз русские почитают, а мы – татары – почему нет? У нас должна быть своя героиня – «мать нации». А тут такая трагическая судьба, напрямую связанная с падением Казани и потери независимости. Интересно, что этот вопрос стал актуальным именно в начале XX в. Создание партии «Союз мусульман», открытие газет, развитая историческая традиция – все это явления нациестроительства. Именно в этот период и формируется пантеон героев и антигероев нации. Сююмбеке подходила по всем параметрам.

Д.М. Гараев: Вы думаете именно потому, что это в определенное время был самый раскрученный персонаж у русских, в российской историографии?

И.Л. Измайлов: Да, он проник к татарам именно через русскую культуру. Через такие имена, как М.М. Херасков, Р.Г. Державин. Все указывает на то, что

татарская культура освоила этот образ позднее. Нет сведений, что он как-то распространялся и был популярен у татар вплоть до конца XIX в.

Б.И. Измайлов: Здесь есть методологическое объяснение: мы иногда путаем историческую память и память коллективную. Мы говорим – есть, например, ханбике Нурсултан. Мы знаем о ней по источникам, которые опубликовали и изучили в XIX – начале XX вв., М.Н. Бережков написал о ней большую статью. Но у людей память формируется на основании других аспектов, в том числе связанных с историческими драмами и, возможно, с травмами.

Здесь есть отдельный момент – как реально Суюмбеке оказалась в ситуации, когда историческая травма для всего татарского государства и татарской истории связалась именно с ней, персонифицировалась с ее образом. Хан Йадегар-Мухаммад участвовал в обороне Казани и правил этим городом, но память о нем никак не отразилась в исторической памяти. Он не стал героем драматичной страницы истории народа в качестве последнего казанского хана. Может потому, что он после сдачи в плен перешел на службу к Ивану Грозному и вместе с Шейх-Али воевал против ливонцев и поляков? Никаких проблем у него как у личности не возникало, он не стал предателем. А вот Шейх-Али под воздействием татарской историографии конца XIX – начала XX вв. был записан предателем, его негативный образ приобрел нарицательные черты. Его образ отталкивается, возможно, от положительного образа Суюмбеке, он ее мучил и она – бедная несчастная женщина – терпела все это, но не покорилась. Народ эти образы насыщал своим собственным содержанием, отталкивался от негатива и формировал образ «дочери нации» – угнетаемой, но непокорной. Почему его не ставят параллельно – Суюмбеке и его? Потому что образы совершенно антагонистичны. Его образ сформировался как плохой сын татарского народа, а ее образ уже был положительным. Вероятно, еще и потому что в русской историографии образ Суюмбеке уже был положительным. В 1880-е годы тот же самый Хусаин Амирханов прямо писал, что он из истории Суюмбеке выстроил целую драму. Эта женщина выступила личностью, которая стала посредником между Иваном Грозным и мусульманами. Пытаясь решить историографические проблемы, Амирханов пишет о том, что, когда Казань была захвачена, мусульмане якобы обратились через Суюмбеке с просьбой поговорить с Иваном Грозным. Мусульмане хотели предложить ему разделение проживания с православными: одни будут жить по одну сторону реки Булак, другие – по другой, «мы на левой, вы по правой». Таким образом, в Казани будет две части города. Иными словами, существующую ситуацию символического разделения города татары перенесли на исторические личности и связали ее с Суюмбеке. Отсюда ее роль стала рассматриваться в качестве посредника, защитницы народа.

И.Л. Измайлов: Когда мы говорим, что травмирующий образ Суюмбеке связан с периодом падения Казани, то должны понимать, что он возник в конце XIX в. или даже в начале XX в., когда появляются журналы и светские образы истории начинают проникать в широкие народные массы. Вновь возникает память, образ Суюмбеке становится объединяющим фактором. Формирование

нации требует именно такой памяти, но это не значит, что все века татары жили под гнетом этой памяти. Это результат позднего воздействия, свидетельство становления общей национальной памяти.

Л.Р. Габдрафикова: Давайте вспомним обложку журнала «Сююмбеке» за 1913 г. Невозможно представить, чтобы тогда среди множества татарских периодических изданий начала XX в. был журнал, посвященный какому-нибудь казанскому хану. Например, чтобы среди них были журналы «Ядыгар», «Мухаммед-Эмин» или «Сафа-Гирей». Когда один из татарских издателей Ахмат-Гарай Хасани, выпускавший в Казани журнал «Анг», обратился в Городской музей, чтобы скопировать (т.е. сделать литографию) известной картины с Сююмбеке, на него посмотрели с подозрением. В жандармских сводках появляется донос о том, что этот издатель сделал копию портрета Сююмбеке, значит, он явно затеял что-то – наверное, татары хотят возродить Казанское ханство. А ведь издатель просто сделал копию картины, т.к. он выпускал иллюстрированный журнал на татарском языке. Получается, что в то время даже не допускался самый невинный интерес к теме, связанной с ханами и с татарской государственностью. Возвращаясь к вопросу о народных образах остальных татарских ханов, то если бы это был еще мужчина, то, конечно, люди, связанные с продвижением таких ханских образов, вызвали бы еще большее подозрение у властей и непременно попали бы в списки политически неблагонадежных лиц.

И.Л. Измайлов: Конечно, появление образа Сююмбеке было проще объяснить и преподнести цензуре. Но как можно запретить этот образ, когда вся русская литература, начиная от Гавриила Державина, прославляет и описывает ее. Это же царица Сююмбеке! Вы что? Против Державина? Считаете, что он писал о чем-то недозволенном? Эти обстоятельства тоже могли играть свою роль. Из таких мелких деталей и вырисовывается общая картина распространения образа Сююмбеке.

Э.М. Дусаева: В данном контексте важна социология чтения. Факт наличия подобных произведений еще не говорит об их бытовании. Одно дело приватное чтение, другое дело публичное. Еще один момент, на который я хотела бы обратить внимание. Когда мы с командой в 2020 г. занимались концепцией исторического центра Казани, мы опрашивали казанцев об образе Казани, предлагали сравнить его с человеком, возможно собирательным образом, описать его возраст, характер и прочее. Это было качественное, а не количественное исследование, было опрошено более 300 человек жителей Казани, причем была разная выборка по полу, возрасту, это были жители разных районов города. Как вы думаете, что ответили казанцы, отвечая на вопрос: «Кто такая Казань?» Женщина средних лет. Часть людей фактически описывала стереотипный образ Сююмбеке или даже называла ее имя. Сююмбеке – нарратив, который неоднократно объединял татар, выстраивал их идентичность. Здесь важно понимать, что это скорее внешняя история отстраивания себя через травму. Интересно, что это скорее внешний контекст завоевания, утраты государственности, самостоятельности, а не внутренние процессы.

Д.М. Гараев: Получается, образ формируется прежде всего на трагическом?

И.Л. Измайлов: В становлении нации важны исторические реалии, но не менее важны трагичность, коллективные переживания, общие эмоции. Сююмбеке их вызывала. Ее образ объединял, как некий трагический контрапункт татарской истории, персонифицированный в отдельную судьбу. Именно так это, видимо, и бывает.

Б.И. Измайлов: Нейтральные, не вызывающие эмоции персонажи не приживаются в народной памяти. Историческая память нужно именно провоцировать, насыщать трагизмом, делать достоянием нации. Историческая память базируется именно на эмоциях.

Л.В. Сагитова: Согласна, эмоции в структуре исторической памяти играют огромную роль. Именно они, так или иначе, окрашивают образы значимых исторических персон, очеловечивают их, и как-то «природняют», делают своими, близкими. В свою очередь, это «природнение», сопряжение исторической персоны – образа с историей народа, его культурной и духовной составляющими – стимулирует и когнитивные компоненты этнической самоидентификации. При этом формат когнитивной включенности может значительно различаться – от легенды-сказки – до серьезных исторических изысканий с целью уйти от стереотипов восприятия образа, от сложившихся мифов – глубинно понять эпоху и, исходя из нее, действия значимых исторических персон. Кстати, в нашем случае, образ царицы Сююмбеке – благодатный материал для очеловечивания сухой учебной литературы в школах, колледжах и вузах, воспитания критического мышления, с одной стороны. А с другой – воспитание более осознанного отношения к своей собственной истории, истории своего народа в контексте большого государства, каковым является Россия.

Важно еще подчеркнуть инструментальную сторону, или функцию образа. Можно сказать, что образ Сююмбеке – это инструмент, который совершенно по-разному используется и в разных нарративах, и в разных слоях населения, и в разных идеологиях. Изучение этого образа в качестве самых разных версий личностных и групповых идентификаций – малоизученное и потому очень притягательное поле для исследований. Здесь коллаборация историков, социологов, этнологов может дать интересные и перспективные результаты. А именно посмотреть: Почему, на каких основаниях, и в каких исторических условиях так действует этот инструмент? Почему и в связи с чем, ее образ так или иначе интерпретируется или репрезентируется в публичном пространстве? Что цепляет и привлекает аудиторию? Как это влияет на общенациональный исторический нарратив народа, как нации? Все, о чем мы говорили и обсуждали – подтверждает и развивает роль образа в качестве влиятельного инструмента идентификации и самопрезентации татарского народа.

Есть и еще один важный, с точки зрения межэтнических отношений, аспект. Это интерпретация поведения и исторической роли царицы Сююмбеке в представлениях профессиональных историков, национальной интеллигенции –

в контексте политической истории Казанского ханства и Московского царства. Мы видим, что этот контекст до сих пор оказывает огромное влияние на российскую государственную идентичность, на формат исторического нарратива в науке и публичном пространстве через СМИ и историческую беллетристику. Он репрезентируется как драматургия взаимоотношений русских и татар. А это, в свою очередь, сильно влияет на обыденные представления людей, на массовое сознание: формирует образы, представления о режимах взаимодействия «мы» и «они», как со стороны татар, так и со стороны русских, хотя для последних, допускаю, этот образ менее значим, чем для татар. Тем не менее, этот фактор также играет роль в том, как окрашивается в сознании людей история межэтнических отношений между двумя доминантными в России народами через перипетии личной и государственной истории царицы Сююмбеке и московского царя. И это уже вектор политики идентичности в региональном и общероссийском разрезах, что также должно быть в фокусе научных исследований.

Б.И. Измайлов: В последнее время появились новые версии о Сююмбеке. Их авторы заявляют: «Она ведь не была татаркой! Почему вы ее делаете символом? Она же ногайка. Они говорят, что она родом из ногаев. Дочь бия, княжна... Она же никакого отношения не имеет к татарам». Это уже войны памяти.

И.Л. Измайлов: Для средних веков такого понятия, как нация не существовало. Для всех постзолотоордынских государств татары были синонимом военно-служилого сословия. Для периода формирования нации это уже не имело значения, поскольку нация включает в себя всех тюрко-мусульман. Но в любом случае Сююмбеке стала частью именно татарской истории. Например, Изабелла – «Французская волчица» – неотъемлемая часть английской истории, хотя происходила из рода Капетингов. Не надо опрокидывать на средневековые современные понятия и искать там несуществующие национальности. Главное, что ее образ укоренился именно в татарской исторической памяти, как его важная часть.

Г.Ф. Габдрахманова: Почему выстреливают одни исторические персонажи, а другие нет? Мне кажется, надо еще подумать о такой теме как жертвенность. Культ святых места, поклонение святым – это что? Это поклонение тем людям, которые совершали праведные дела, погибали во время совершения хаджа. В 2015–2017 гг. я с известным этнографом Р.К. Уразмановой занимались изучением культа святых у татар Волго-Уральского региона. Рауфа Каримовна поставила амбициозную задачу объездить весь Татарстан и зафиксировать святые места в разных деревнях республики. Как только мы только начали работать, сразу поняли, что это неподъемный объем. Святые места есть чуть ли не в каждой деревне, группе деревень (не всегда, правда, они поддерживаются, охраняются сельчанами). Возле святых мест сформировалась особая культура, целая системы обрядовых действий, которая складывалась на протяжении многих столетий. Люди нередко приходят на них тайно, поклоняются Всевышнему с просьбой помочь в повседневных проблемах. Например, женщины просят о долгожданном зачатии ребенка или о благополучном поступлении молодых

родственников в институт, прохождении. Есть свидетельства того, что в годы Великой Отечественной войны женщины массово посещали святые места и молились о возвращении родных мужчин с фронта. Давайте вспомним Билярск. В огромном количестве этнографической литературы начала XX века описывается как чуваша, татары-кряшены и татары-мусульмане активно приходили к святому источнику на этом месте, поклонялись святым, совершали обряды. При этом никто никому не мешал и все мирно проводили обряды. Другой пример – Булгар, куда православные, мусульмане приезжали даже в советское время, поклонялись местным святым.

На мой взгляд, при обсуждении темы исторической памяти нужно говорить не только о крупных, легендарных фигурах таких как Суюмбике, но стоит обращать внимание и на мезоуровень. Ведь историческая коллективная память – это еще и микроистория. Это разные персонажи из набора близких и понятных представлений людей. Между двумя этими уровнями есть четкая связь. Я согласна с Бахтияром Искандеровичем в том, что, наверное, историческая память все-таки начинается с факта народного поклонения отдельной личности. Люди начинают объединяться, приходят на места поклонений, потом вся эта история обрастает большими легендами, фактами. Этот процесс постепенно раскручивается, насыщается идеями, смыслами. Например, деревенские святые места – это обязательная легенда не только о погребенной там личности, но и история про самые разные несчастья, напасти, которые случились с односельчанами, без уважения относящихся к могилам святых. Да, Суюмбеке стала общетатарским символом, но я призываю к обсуждению и другого уровня исторической памяти, других фигур истории.

Тема святых мест в исламе – очень дискуссионная. Давайте вспомним о том, что Ш.Марджани и Р.Фахретдин весьма неоднозначно высказывались о святых местах. Некоторые представители современного мусульманского духовенства нередко весьма скептически относятся к этому явлению, ругают людей, посещающих святые места, обвиняют их в идолопоклонстве, язычестве. ДУМ РТ официально обозначили свою позицию в отношении культа святых у мусульман, оценив его как часть татарского ислама. Когда мы с Рауфой Каримовной ездили с экспедициями по Татарстану, мы видели насколько важны для простых людей святые места, потому что для них это психологическая поддержка в трудных жизненных обстоятельствах, точка опоры в эмоциональном плане.

Д.М. Гараев: Эти отдельные истории связаны с тем, каким образом воспринимается то или иное явление (в том числе святое место) конкретным муфтием. Сейчас какая политика муфтията? Например, поменялось же отношение к *Булгар жыен*.

Э.М. Дусаева: Образ Суюмбеке и нарративы с ней связанные – это шаги по выстраиванию национальной идентичности. В последнее время появляются большие нарративы, что скорее продолжает советские традиции по популяризации идеологии через оперу и балет, а зародилась она в Италии, когда опера «Набукко» Дж. Верди стала гимном новой Италии и появившихся итальянцев

как нации. *Алтын Урда*, *Алтын Казан* – это сложный конструкт из исторических, мифологических историй, упакованных современным и советским языком. Так в *Алтын Урда* очевидны цитаты, например, из советского балета «Спартак». Последние десять с лишним лет холодная память начинает оживляться через разные культурные проекты в том числе, как будто это горячая память и имеет к нам непосредственное отношение.

Л.Р. Габдрафикова: Здесь не надо забывать и о том, что в начале XX в. в интеллигентных татарских семьях девочкам давали имена Сююмбеке. Это было новое явление для той эпохи, об этом с гордостью сообщали в татарских газетах. Эти новые Сююмбеке жили и в советские годы, антропонимическая традиция в какой-то мере продолжалась и дальше. Например, татарский поэт Сайфи Кудаш, живший в Уфе, дал такое имя своей дочери в 1921 г. У нас есть сотрудница Лейсан, её маму зовут Сююмбеке. Эта женщина, скорее всего, 1950-х гг. рождения (1961 г.р. – прим. ред.). Получается, что даже в послевоенное время давали такое имя. Это тоже форма коллективной памяти, один из инструментов сохранения этой истории.

Д.М. Гараев: Возникает вопрос: если, условно говоря в XIX в. происходит формирование татарского национального нарратива, то почему татары все-таки восприняли русский нарратив о самих себе и сделали его одним из своих символов? Почему именно по этому вопросу татарский национальный нарратив оказался восприимчив? Почему мы берем Сююмбеке и так называем башню? Как это работает? О чем оно говорит с точки зрения памяти?

И.Л. Измайлов: Может показаться, что это прямой перенос. Но это не совсем так. Сююмбеке, как исторический персонаж уже существовал в татарском нарративе, он не был навязан извне. Конечно, в трудах Ш. Марджани и Р. Фахретдина ей уделялось мало места. Фактически она только упоминается, ее образ не раскрывается. Это было связано с тем, что Марджани и Фахретдин изучали исторические источники и по ним описывали историческую судьбу тех или иных персонажей. У того же Р. Фахретдина есть целая галерея образов. Но они не так активно использовали русские источники, справедливо считая, что те искажают какие-то детали. Но в любом случае, Сююмбеке уже была в татарской истории, как часть нарратива. Ученики и последователи Марджани и Фахретдина шли дальше и, выбирая персонажи для описания, ориентировались на их характеристики. Дополнительным раздражителем или фактором внимания было то, что Сююмбеке была хорошо известна русской историографии и литературе. Кроме того, мы уже говорили, что это был образ не конфронтационный, несмотря на весь драматизм эпохи. Наоборот, это был образ в определенной степени примиряющий и объединявший, хотя акценты в русской и татарской историографии расставлялись по-разному. В этом моменте, на этой самой точке сборки происходит объединение разных факторов, определенная контаминация многих элементов, и один из главных – это как раз эмоциональность, мученичество и напряжение истории. Этот драма истории становится решающим фактором. Ханов в истории Казани было много, но не все они тогда были так из-

вестны, не все могли стать объединяющим образом. В них не было нерва прошлого, а это важный момент, поскольку история – это рассказ, а настоящая драма должна рвать душу, не должна оставлять равнодушным. Казанским ханам этого не хватало. Не были они талантливо описаны, не имели их судьбы должного драматизма. А без этого нет рассказа, нет истории. Суюмбеке сполна обладала всеми этими качествами. Она как раз олицетворяла светлый образ – страдающий, трагичный, но который вызывает катарсис. Это признак настоящей истории. Именно поэтому она так пришлась по душе татарам, перенесших на нее свои представления о женщине-героине, а от нее к образу «матери-родине». Победенной, но не покоренной, зовущей к возрождению.

Д.М. Гараев: Второй вопрос: как работала имперская память, раз уж все было не все так однозначно? Получается имперская власть разрешила быть татарскому нарративу в Казанском Кремле. Назвали башню, туда ходили люди. Она воспринималась имперской царской властью как татарское место внутри Кремля.

Л.Р. Габдрафикова: Татарские купцы несли даже финансовую ответственность за эту башню. В начале XX в. в Казанской городской думе рассматривался вопрос о ремонте башни Суюмбеке. Это обсуждение и дальнейшую реализацию продвигали как раз гласные-татары.

Д.М. Гараев: Это же хорошо, они сами свое же реконструировали. Татары может быть и инициировали это?

И.Л. Измайлов: Вовлеченность, в том числе лояльность существующей имперской власти – это не нечто противостоящее, а наоборот вполне вписанное.

Л.Р. Габдрафикова: Надо обратить внимание и на то, что в это время активно развивалась благотворительность, а такое поведение поощрялось властью – если человек занимается благотворительностью, то получал какие-то преференции от нее. В этом смысле, все тут совпало.

Э.М. Дусаева: Когда мы говорим про имперский нарратив, кого мы конкретно имеем ввиду – городского главу, ратушу? В начале XX в. именно татарские купцы объединились вокруг фигуры Суюмбеке, точнее вокруг контекста и смыслов. У Суюмбеке были хорошие промоутеры. Полагаю, что необходимо исследовать и народную память, посмотреть, какие истории, байты, колыбельные бытовали параллельно с практиками меморизации образа Суюмбеке, такие как, например, появление название башни.

Д.М. Гараев: Должен быть какой-то канал.

Э.М. Дусаева: В любом случае должна быть диверсификация, там же не должно быть только одно и все.

А.Г. Хайрутдинов: Я с вами согласен, действительно все это было. Например, про взятие Казани есть байты, правда они мало сохранились, потом они трансформировались под другие исторические события. Про Суюмбеке естественно все знали. Хождения по святым местам – в источниках описывается как там читали намаз. Все это память, потому что она повторяется и не только у та-

тар. Например, в китайских источниках девушки все время прыгают куда-то, спасая свою честь.

Д.М. Гараев: Откуда появился образ прыгающей с башни Сююмбеке? Почему он появился благодаря глубокой истории? Но она не связана ли с другим интересным фольклорным фактом, т.е. с названием *Кыз-кала* – «Девичья башня»?

И.Л. Измайлов: Интересный вопрос. Все башни, которые носят это название, на самом деле получили их сравнительно недавно и приобрели «девичьи» трагические истории вместе с названием. Тюркологи считают, что первоначально все эти дозорные башни носили название *кюз-кала* – глаз-башни, т.е. буквально «дозорные», а когда это их значение перестало быть значимым, названия переосмысливались в более романтическом ключе. Тем более, что в тюркском мире сформировалась много легенд о «Сорока девушек», о трагических судьбах. Психологически вполне возможно, что все эти легенды прошли те же стадии – от дозорной башни к «девичьей», которая на позднем этапе персонифицировалась в одну – Сююмбеке. Нельзя исключить и такой последовательности. Вот только доказать это сложно – мало городских легенд и преданий. Мало их записывали, а те что есть, они ничего об этом не говорят. Но сама трансформация образа «дозорной» башни в «девичью», а от нее в «Башню Сююмбеки» вполне возможная трансформация образа.

Л.В. Сагитова: Обратим внимание и на, что традиционно – роль мужчины – драться. Для женщины – характерно либо терпение, либо вот такая форма протеста, которая и продуцирует ее героизацию.

И.Л. Измайлов: Почитаемые могилы хана – это святое место. Как правило, это отдельно стоящий памятник русской архитектуры и это есть составляющие, которые объясняют контаминацию образов. Перенос же на эту башню образа Сююмбеке – это история более поздняя, связанная с развитием такого образа в историографии и исторической памяти, причем как у русских, так и у татар.

Д.М. Гараев: Башня Сююмбеке очень похожа на башню Московского Кремля, а эта итальянская архитектура. Вид башни Сююмбеке напоминает падающую Пизанскую башню. Но это вопрос для дальнейшего обсуждения и расширения дискуссии.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

Сведения об авторах:

Габдрафикова Лилия Рамилевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); ведущий научный сотрудник лаборатории многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии, Федеральный исследовательский центр «Казанский научный центр РАН» (420111, ул. Лобачевского, 2/31, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0002-9940-9097>; e-mail: bahetem@mail.ru

Габдрахманова Гульнара Фаатовна, доктор социологических наук, доцент, заведующая отделом этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0002-1796-5234>; e-mail: medi54375@mail.ru

Гараев Данис Махмутович, доктор философии (Ph.D.), старший научный сотрудник отдела истории религий и общественной мысли, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); старший научный сотрудник Научно-экспертной лаборатории экспертиз социогуманитарного профиля, Казанский (Приволжский) федеральный университет (420008, ул. Кремлевская, 18, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0003-4176-7761>; e-mail: danis.garaev@gmail.com

Гибатдинов Марат Мингалиевич, кандидат педагогических наук, заместитель директора по научной работе, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0009-0007-2050-0175>; e-mail: marmingi@mail.ru

Дусаева Энже Мидхатовна, кандидат культурологии, Институт городских исследований «Тамга» (420008, ул. Пушкина, 1/55, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0001-8302-5454>; e-mail: endgel@yandex.ru

Измайлов Бахтияр Искандерович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0009-0002-2853-9318>; e-mail: bahismala@inbox.ru

Измайлов Искандер Лерунович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0003-2165-2916>; e-mail: ismail@inbox.ru

Сагитова Лилия Варисовна, доктор политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0002-6426-6970>; e-mail: liliya_sagitova@mail.ru

Хайрутдинов Айдар Гарифутдинович, кандидат философских наук, доцент, исполняющий обязанности заведующего отделом истории религий и общественной мысли, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0003-0648-0466>; e-mail: khaidar67@mail.ru

Ханипова Ильнара Ильдусовна, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, заведующий отделом новейшей истории, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0001-7585-8069>; e-mail: ihanipova@mail.ru

About the authors:

Liliya R. Gabdrarifikova, Dr. Sc. (History), Chief Researcher at the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); Leading Researcher at the Laboratory of Multifactorial Humanitarian Analysis and Cognitive Philology, Federal Research Center “Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences” (2/31 Lobachevsky St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0002-9940-9097>; e-mail: bahetem@mail.ru

Gulnara F. Gabdrakhmanova, Dr. Sc. (Sociology), Associate Professor, Head of the Department of Ethnological Research, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0002-1796-5234>; e-mail: medi54375@mail.ru

Danis M. Garaev, Ph.D., Senior Researcher at the Department of the History of Religions and Social Thought, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); Senior Researcher at the Scientific and Expert Laboratory of Socio-Cultural Expertise, Kazan (Volga Region) Federal University (18 Kremlevskaya St., Kazan 420008, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0003-4176-7761>; e-mail: danis.garaev@gmail.com

Marat M. Gibatdinov, Cand. Sc. (Pedagogy), Deputy Director for Research, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0009-0007-2050-0175>; e-mail: marmingi@mail.ru

Enzhe M. Dusaeva, Cand. Sc. (Cultural Studies), Institute of Urban Studies “Tamga” (1/55 Pushkin St., Kazan 420008, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0001-8302-5454>; e-mail: endgel@yandex.ru

Bakhtiyar I. Izmailov, Cand. Sc. (History), Senior Researcher at the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0009-0002-2853-9318>; e-mail: bahismala@inbox.ru

Iskander L. Izmailov, Dr. Sc. (History), Leading Researcher at the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0003-2165-2916>; e-mail: ismail@inbox.ru

Liliya V. Sagitova, Dr. Sc. (Politics), Associate Professor, Leading Researcher at the Department of Ethnological Research, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0002-6426-6970>; e-mail: liliya_sagitova@mail.ru

Aidar G. Khairutdinov, Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor, Acting Head of the Department of the History of Religions and Social Thought, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0003-0648-0466>; e-mail: khaidar67@mail.ru

Inara I. Khanipova, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Senior Researcher, Head of the Department of Contemporary History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0001-7585-8069>; e-mail: ihanipova@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 14.05.2025

Доработана после рецензирования / Revised 9.07.2025

Принята к публикации / Accepted 16.07.2025

2025
ГОД ЗАЩИТНИКА ОТЕЧЕСТВА
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

Подготовка и издание сетевого научного журнала осуществлены в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа»

The preparation and publication of the online scientific journal were carried out within the framework of the State program of the Republic of Tatarstan “Preservation of the National Identity of the Tatar People”

Академия наук Республики Татарстан является правообладателем исключительных имущественных прав на свои издания. Любое использование материала данного издания (размещение в Интернете, перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

The Tatarstan Academy of Sciences is a holder of exclusive property rights of its own publications. Any use of the material of this publication (publishing online, reprint, republish, etc.), in whole or in part, without permission of the rights holder is prohibited.

<https://historicaethnology.org>

E-mail: his.ethnology@gmail.com

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭТНОЛОГИЯ. 2025. Том 10. № 3
Сетевое издание

HISTORICAL ETHNOLOGY. 2025. Vol. 10. No. 3
Online media

Компьютерная верстка – *Л.М. Зигангареева, А.Р. Тухватуллина*

Оригинал-макет подготовлен

в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ

420111, ул. Батурина, 7, Казань,

Республика Татарстан, Российская Федерация

Дата выхода в свет 1.09.2025 г.

Формат 60×84 ¹/₈

Свободная цена